PG
3453
B2
1914a
t.3

This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1972 by microfilm-xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Balmont, Konstantin Dmitrievich

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОВЪ

т. 3,

Томъ Третій

Будемъ какъ Солнце

Изд. 4.

Изданіе четвертое

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПІОНЪ“ 1912

LIBRARY
AUG 31 1972
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3453
B2
1914a
t. 3

F778G41
0038434

К. Д. Бальмонтъ

PG 3453
.B2
1907

408422
31

Типографія В. И. Воронова.
Москва, Моховая, противъ манежа, д. кн. Гагарина.

SC P 18 Sy

Будемъ какъ Солнце

КНИГА СИМВОЛОВЪ

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Сол

Анаксагоръ

1902—Весна

ЧЕТВЕРОГЛАСІЕ СТИХІЙ

I.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
И синій кругозоръ.
Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
И выси горъ.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Море,
И пышный цвѣтъ долинъ.
Я заключилъ міры въ единомъ взорѣ,
Я властелинъ.

Я побѣдилъ холодное забвенье,
Создавъ мечту мою.
Я каждый мигъ исполненъ откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я люблю за то.
Кто равенъ мнѣ въ моей пѣвучей силѣ?
Никто, никто.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
А если день погасъ,
Я буду пѣть... Я буду пѣть о Солнцѣ
Въ предсмертный часъ!

II.

Будемъ какъ Солнце! Забудемъ о томъ,
Кто насъ ведетъ по пути золотому,
Будемъ лишь помнить, что вѣчно къ иному,
Къ новому, къ сильному, къ доброму, къ злому,
Ярко стремимся мы въ снѣ золотомъ.
Будемъ молиться всегда неземному,
Въ нашемъ хотѣньи земномъ!

Будемъ, какъ Солнце всегда-молодое,
Нѣжно ласкать огневые цвѣты,
Воздухъ прозрачный и все золотое.
Счастливъ ты? Будь же счастливѣе вдвое,
Будь воплощеньемъ внезапной мечты!
Только не медлить въ недвижномъ покоѣ,
Дальше, еще, до завѣтной черты,
Дальше, насъ манитъ число роковое
Въ Вѣчность, гдѣ новые вспыхнутъ цвѣты.
Будемъ какъ Солнце, оно—молодое.
Въ этомъ завѣтъ Красоты!

III.

ВОЗДУШНЫЙ ХРАМЪ.

Высоко надъ землею, вечерней и плѣнной,
Облака затапли огни.
Сколько образовъ, скованныхъ жизнью мгновенной,
Предъ очами проводятъ они.

Кто-то свѣтлый тамъ молится, молитъ кого-то,
Преклоняется, падаетъ ницъ.
И горящихъ небесныхъ иконъ позолота
Оттѣняетъ видѣнія лицъ.

Это храмъ, изъ воздушности свѣтомъ сплетенный,
Въ немъ кадильницы молча горятъ.
И стоятъ богомольцы толпой преклоненной,
Выростаетъ ихъ призрачный рядъ.

И одни возникаютъ, другіе уходятъ,
Прошептавши молитву свою.
И ушедшіе—въ мірѣ, незримые, бродятъ,
Созидая покровъ бытію.

Изъ воздушнаго храма уносятъ далеко
Золотую возможность дождей,
Безотчетную вѣру живого потока,
И молитвенность кроткихъ страстей.

А горячее Солнце, воззвавши ихъ къ жизни,
Наклонилось къ послѣдней чертѣ,
И уходитъ къ своей запредѣльной отчизнѣ,
Въ безпредѣльной своей красотѣ.

И блаженному сладко отдавшись безсилью,
Засмотрѣлось, какъ вечеръ красивъ,
И какъ будто обрызгало свѣтлою пылью
Желтизну созрѣвающихъ нивъ

IV.

ГОЛОСЪ ЗАКАТА.

1.

Вотъ и Солнце, удаляясь на покой,
Опускается за сонною рѣкой.
И послѣдній блескъ по воздуху разлитъ,
Золотой пожаръ за липами горитъ.

А развѣсистыя липы, всѣ въ цвѣту,
Затаили многоцвѣтную мечту.
Льютъ плѣнительно медвяный ароматъ,
Этой пряностью привѣтствуютъ закатъ.

Золотой пожаръ за тканями вѣтвей
Измѣняется въ нарядности своей.
Онъ горитъ какъ пламя новыхъ пышныхъ чаръ,
Лиловато-желто-розовый пожаръ.

2.

Я отошедшій день, какихъ немного было
На памяти твоей, мечтающій мой братъ.
Я предвечернее свѣтило,
Побѣдно-огненный закатъ.

Всѣ краски, сколько ихъ сокрыто въ силѣ свѣта,
Я въ мысль одну вложилъ, которая горитъ,
Въ огонь рубиновый одѣта
И въ нѣжно-дымный хризолитъ.

Многоразличныя созвучія сіянья
По небу разбросавъ, я всѣ ихъ слилъ въ одно:
Въ восторгъ предсмертнаго сознанья,
Что мнѣ блаженство суждено.

Такъ пышно я горю, такъ радостно-тревожно,
Въ воздушныхъ облакахъ такъ пламенно сквозя,
Что быть прекраснѣй—невозможно,
И быть блаженнѣе—нельзя.

Гляди же на меня, о, духъ мечты печальной,
Мечтатели земли, глядите на меня:
Я блескъ бездонности зеркальной
Роскошно гаснущаго дня

Любите ваши сны безмѣрною любовью,
О, дайте вспыхнуть имъ, а не безсильно тлѣть,
Сознавъ, что теплой алой кровью
Вамъ нужно ихъ запечатлѣть.

V.

РАЗСВѢТЪ.

Зеленая поляна,
Деревья, облака.
Подъ дымкою тумана
Безгласная рѣка.

Медлительно ростущій
Сомнительный разсвѣтъ.
Молчанье мысли, ждущей,
Возникнетъ-ли отвѣтъ.

Безмолвные вопросы
Влюбленныхъ къ Солнце травъ.
Когда зажгутся росы,
Безсмертье увидавъ?

Безсмертное Свѣтило,
Надежда всѣхъ міровъ,
Изжито все, что было,
Разбиты ковы сновъ.

Безсмертное Вліянье
Немеркнущаго Дня!
Яви свое сіянье,
Пересоздай меня!

VI.

ГИМНЪ ОГНЮ.

1.

Огонь очистительный,
Огонь роковой,
Красивый, властительный,
Блестящій, живой!

2.

Безшумный въ мерцаньи церковной свѣчи,
Многошумный въ пожарѣ,
Глухой для мольбы, многоликій,
Многоцвѣтный при гибели зданій,
Проворный, веселый, и страстный,

Такъ побѣдно-прекрасный,
Что когда онъ сжигаетъ мое,
Не могу я не видѣть его красоты,—
О, красивый Огонь, я тебѣ посвятилъ всѣ мечты!

3.

Ты мѣняешься вѣчно,
Ты повсюду—другой.
Ты красный и дымный
Въ какомъ-нибудь костра.
Ты какъ страшный цвѣтокъ съ лепестками изъ пламени,
Ты какъ вставшіе дыбомъ блестящіе волосы.
Ты трепещешь, какъ желтое пламя свѣчи
Съ его голубымъ основаньемъ.
Ты являешься въ быстромъ сіяньи зарницъ.
Ты, застывши, горишь въ грозовыхъ облакахъ,
Фіолетовыхъ, аспидно-синихъ.
Ты средь шума громовъ и напѣва дождей
Возникаешь невѣрностью молній,
То изломомъ сверкнешь,
То сплошной полосой,
То какъ шаръ, окруженный сіяющимъ воздухомъ,
Золотой, огневой,
Съ перемѣнными красными пятнами.
Ты въ хрустальности звѣздъ, и въ порывѣ кометъ.
Ты отъ Солнца идешь и, какъ солнечный свѣтъ,
Согрѣвательно входишь въ растенья,
И будя, и мѣняя въ нихъ тайную влагу,
То засвѣтишься алой гвоздикой,
То зашепчешь какъ колосъ пушистый,
То протянешься пьяной лозой.
Ты какъ искра встаешь
Изъ глухой темноты,
Долго ждешь, стережешь.

Кто пришелъ? Это ты!
Черезъ мигъ ты умрешь,
Но пока ты живешь,
Нѣтъ сильнѣй, нѣтъ страннѣй, нѣтъ свѣтлѣй красоты!

4.

Не устану тебя восхвалять,
О, внезапный, о, страшный, о, вкрадчивый!
На тебѣ расплавляютъ металлы.
Близь тебя создаютъ и куютъ,
Много тяжкихъ подковъ,
Много косъ легкозвонныхъ,
Чтобъ косить, чтобъ косить,
Много колецъ, для пальцевъ лилейныхъ,
Много колецъ, чтобъ жизни сковать,
Чтобы въ нихъ, какъ въ цѣпяхъ, годы долгіе быть,
И устами остывшими слово „любить“
Повторять.
Много можешь ты странныхъ вещей создавать,
Полносложность орудій, чтобъ горы дробить,
Чтобы цѣнное золото въ безднахъ добыть,
И отточенный ножъ, чтобъ убить!

5

Вездѣсущій Огонь, я тебѣ посвятилъ всѣ мечты,
Я такой же, какъ ты.
О, ты свѣтишь, ты грѣешь, ты жжешь,
Ты живешь, ты живешь!
Въ старину ты, какъ Змѣй, прилеталъ безъ конца,
И невѣстъ похищалъ отъ вѣнца.
И какъ огненный гость много разъ, въ старину,
Ты утѣшилъ чужую жену.
О, блестящій, о, жгучій, о, яростный!

Въ яркомъ пламени нѣсколько разныхъ слоевъ.
Ты горишь какъ багряный, какъ темный, какъ желтый,
Весь согрѣтый измѣнчивымъ золотомъ, праздникъ осеннихъ листовъ.
Ты блестишь какъ двѣнадцатицвѣтный алмазъ,
Какъ кошачья ласкательность женскихъ влюбляющихъ глазъ,
Какъ восторгъ изумрудный волны Океана,
Въ тотъ мигъ какъ она преломляется,
Какъ весенній листокъ, на которомъ росинка дрожитъ и качается,
Какъ дрожанье зеленой мечты свѣтляковъ,
Какъ мерцанье бродячихъ огней,
Какъ зажженные свѣтомъ вечернимъ края облаковъ,
Распростершихъ свой трауръ надъ ликомъ сожженныхъ и гаснущихъ дней!

6.

Я помню, Огонь,
Какъ сжигалъ ты меня,
Межь колдуній и вѣдьмъ, трепетавшихъ отъ ласки Огня.
Насъ терзали за то, что мы видѣли тайное,
Сожигали за радость полночнаго шабаша,
Но увидѣвшимъ то, что мы видѣли,
Былъ не страшенъ Огонь.
Я помню еще,
О, я помню другое, горящія зданія,
Гдѣ сжигали себя добровольно, средь тьмы,
Межь невѣрныхъ, невидящихъ, вѣрные, мы.
И при звукахъ молитвъ, съ изступленными воплями,
Мы слагали хваленья Даятелю силъ.
Я помню, Огонь, я тебя полюбилъ!

7.

Я знаю, Огонь,
И еще есть иное сіянье для насъ,
Что горитъ передъ взоромъ навѣки потухнувшихъ глазъ.

Въ немъ внезапное знанье, въ немъ ужасъ, восторгъ
Предъ безмѣрностью новыхъ глубокихъ пространствъ.
Для чего, изъ чего, кто ихъ взялъ, кто исторгъ,
Кто облекъ ихъ въ лучи многозвѣздныхъ убранствъ?
Я уйду за отвѣтомъ!
О, душа восходящей стихіи, стремящейся въ твердь,
Я хочу, чтобы бѣлымъ немеркнущимъ свѣтомъ
Засвѣтилась мнѣ—Смерть!

VI.

НОВОЛУНІЕ.

Серпъ Луны молодой,
Вмѣстѣ съ пышной звѣздой,
Въ голубой вышинѣ,
Ярко видится мнѣ.

Серпъ Луны молодой,
Надъ застывшей водой,
На уснувшей волнѣ,
Страннымъ кажется мнѣ.

Серпъ Луны молодой,
Съ лучезарной звѣздой,
Въ голубой тишинѣ,
Сказкой чудится мнѣ.

VIII.

ЛУННОЕ БЕЗМОЛВІЕ.

Въ лѣсу безмолвіе возникло отъ Луны,
Но внятно чудится дрожаніе струны,
И свѣтъ властительный нисходитъ съ вышины.

Какая сонная надъ лѣсомъ красота,
Какъ четко видится мельчайшая черта,
Какъ стынетъ скованно вонъ та сосна и та.

Воздушно-бѣлыя недвижны облака,
Зеркально-царственна холодная рѣка,
И даль небесная во влагѣ глубока.

Непрерываемо дрожаніе струны,
Ненарушаема воздушность тишины,
Неисчерпаемо вліяніе Луны.

IX.

ВЛІЯНІЕ ЛУНЫ.

Я шелъ безбрежными пустынями,
И видѣлъ блѣдную Луну,
Она плыла морями синими,
И опускалася ко дну.

И не ко дну, а къ безъизмѣрности,
За кругозорностью земной,
Гдѣ нѣтъ измѣнъ и нѣтъ невѣрности,
Гдѣ все объято тишиной.

Тамъ нѣтъ вѣтровъ свирѣподышащихъ,
Тамъ нѣтъ ни друга, ни врага,
Тамъ нѣтъ морей, себя не слышащихъ
И звонко бьющихъ въ берега.

Тамъ все застывшее, безстрастное,
Хотя внушающее страсть,—
Затѣмъ что это царство ясное
Свою намъ передало часть.

Въ насъ отъ него встаютъ желанія,—
Какъ эхо, грянувшее вдругъ,
Встаетъ изъ соннаго молчанія,
Когда ужъ умеръ самый звукъ.

И бродимъ, бродимъ мы пустынями,
Средь лунатическаго сна,
Когда бездонностями синими
Надъ нами властвуетъ Луна.

Мы подчиняемся, склоняемся
Передъ царицей тишины,
И въ сны свои свѣтло влюбляемся
По мановенію Луны.

X.

ВОСХВАЛЕНІЕ ЛУНЫ.

ПСАЛОМЪ.

1.

Восхвалимъ, братья, царствіе Луны,
Ея лучомъ ниспосланные сны,
Владычество великой тишины.

Возславимъ, сестры, блѣдную Луну,
Лучистую полюбимъ глубину,
И тайну сновъ, ее, ее одну.

2.

Мнѣ страшно, страшно: какъ сумѣю
Царицу сердца восхвалить?
Какъ рабъ влюбленный, я предъ нею
Блаженно гасну, цѣпенѣю,
И мысли лучшія не смѣю
Соткать въ серебряную нить.

Да не сочтетъ за дерзновенье
Царица пышная, Луна,
Что, вѣря въ яркое мгновенье,
Въ безумномъ снѣ самозабвенья,
Поетъ ей рабъ свое хваленье,
И да звенитъ его струна.

О, души блѣдныя, внемлите,
Я стройный гимнъ пою Лунѣ,
Со мной душой своей сплетите
Непогасающія нити,
Мечты влюбленныя храните,
Любовь любите въ сладкомъ снѣ.

3.

Наша царица вѣчно мѣняется,
Будемъ слагать перемѣнныя строки,
Славя ее.
Духъ мой дрожащій любитъ, склоняется,
Въ лунномъ сіяньи—мы грезы, намеки,
Счастье мое.

Наша царица, блѣдная, ясная,
Свѣтитъ сіяньемъ зеленыхъ очей.
Какъ же люблю я тебя, о, прекрасная,
Вѣчно-нежданная, стройная, властная,
Въ самомъ безстрастіи пламенно-страстная,
Тайну познавшая лунныхъ лучей.

Какъ это чувство, какъ называется?
Только тебя я вездѣ замѣчаю,
Только одну.
Это лишь чувство не забывается,
Взорами взоры твои я встрѣчаю,
Славя Луну.

Наша царица, блѣдная, снѣжная,
Гаснетъ, какъ ты, озаряется вновь,
Какъ называется боль безнадежная,
Сладкая пытка, мучительность нѣжная,
Трепетность зыбкая, радость безбрежная?
Милая! Милая! Это любовь!

4.

Луна велитъ слагать ей восхваленья,
Быть нѣжными, когда мы влюблены,
Любить, желать, ласкать до изступленья,
Итакъ восхвалимъ царствіе Луны.

Она глядитъ изъ свѣтлой глубины,
Изъ ласковой прохлады отдаленья,
Она велитъ любить намъ зыбь волны,
И даже смерть, и даже преступленье.

Ея лучи какъ змѣи къ намъ скользятъ,
Объятіемъ своимъ завладѣваютъ,
Въ нихъ вкрадчивый неуловимый ядъ.

Отъ нихъ безумнымъ дѣлается взглядъ,
Они, блестя, всѣ мысли убиваютъ,
И намъ о безконечномъ говорятъ.

5.

Она мѣняется опять,
И намъ такъ сладко повторять
Созвучно-стройные напѣвы.
Она возникла надъ водой,
Какъ призракъ сказки золотой,
Какъ блѣдный ликъ невѣрной дѣвы.

Она опальная мечта,
Она печальна и чиста,
Она одинъ намекъ на нѣжность.
Но вотъ сейчасъ, но вотъ сейчасъ
Огнемъ своихъ зеленыхъ глазъ
Она разрушитъ безмятежность.

Она холодный свѣтъ прольетъ,
И волю чарами убьетъ,
Она сибилла и колдунья.
Въ душѣ разъялась глубина,
Душѣ судьба ея видна,
Въ очарованьи новолунья.

6.

О, вновь родясь, она пьянитъ сердца,
Внушая мысль, что жизнь—одна влюбленность,
Когда же мы достигнемъ до конца,
Погаснувъ, мы находимъ обновленность.

Ущербная, уставъ лучомъ плѣнять,
Она наводитъ ужасъ на поэта,
И, сглазивъ душу, ей даетъ понять,
Что можно все, что нѣтъ ни въ чемъ запрета.

Когда же закруглится по краямъ,
Она горитъ какъ чаша золотая,
Въ которой боги пить даютъ богамъ,
Тамъ, гдѣ любовь безсмертно-молодая.

Еще, и вотъ—она, какъ рдяный щитъ,
Какъ полнота пылающаго шара,
Къ болотамъ, къ топямъ, внизъ, спѣшитъ, спѣшитъ,
Горитъ за лѣсомъ заревомъ пожара.

Волнуетъ жабъ, мѣняетъ видъ живыхъ,
Ихъ дѣлаетъ похожими на мертвыхъ.
И въ омутахъ двоится роковыхъ,
Въ затонахъ, западнями распростертыхъ.

Пугаетъ безпредѣльной тишиной,
Вздымаетъ безграничность океановъ,—
И вновь горитъ блистательной Луной,
Въ одеждѣ изъ серебряныхъ тумановъ.

7.

Итакъ, попавши въ плѣнъ земной,
Возлюбимъ, братья, міръ иной,
Слѣдя за царственной—Луной.

Внемлите вкрадчивой струнѣ,
И присягните молча мнѣ
Въ повиновеніи—Лунѣ.

Возславимъ, сестры, глубину,
Любовь къ любви, любовь-волну,
Восхвалимъ ласки и—Луну.

Она одна, она одна
Для всѣхъ влюбленныхъ намъ дана,
Непобѣдимая—Луна!

XI.

ВЛАГА.

Съ лодки скользнуло весло.
Ласково млѣетъ прохлада.
„Милый! Мой милый!“—Свѣтло,
Сладко отъ бѣглаго взгляда.

Лебедь уплылъ въ полумглу,
Вдаль, подъ Лупою бѣлѣя.
Ластятся волны къ веслу,
Ластится къ влагѣ лилея.

Слухомъ невольно ловлю
Лепетъ зеркальнаго лона.
„Милый! Мой милый! Люблю!“—
Полночь глядитъ съ небосклона.

XII.

ВОЗЗВАНЬЕ КЪ ОКЕАНУ.

Океанъ, мой древній прародитель,
Ты хранишь тысячелѣтній сонъ.
Свѣтлый сумракъ, жизнедатель, мститель,
Водный, вглубь ушедшій, небосклонъ!

Зеркало предвѣчныхъ начинаній,
Видившее первую зарю,
Знающее больше нашихъ знаній,
Я съ тобой, съ безсмертнымъ, говорю!

Ты никѣмъ не скованная цѣльность.
Міръ земли для сердца мертвъ и пустъ,—
Ты же вѣчно дышишь въ безпредѣльность
Тысячами юно-жадныхъ устъ!

Тихій, бурный, нѣжный, стройно-важный,
Ты какъ жизнь: и правда, и обманъ.
Дай мнѣ быть твоей пылинкой влажной,
Каплей въ вѣчномъ... Вѣчность! Океанъ!

XIII.

БѢЛЫЙ ПОЖАРЪ.

Hier stehe ich inmitten
des Brandes der Brandung.
Nietzsche.

Я стою на прибрежьи, въ пожарѣ прибоя,
И волна, проблиставъ бѣлизной въ вышинѣ,
Точно конь, распаленный отъ бѣга и боя,
Въ напряженьи предсмертномъ домчалась ко мнѣ.

И за нею другія, какъ бѣлые кони,
Разметавъ свои гривы, несутся, бѣгутъ,
Замираютъ отъ ужаса дикой погони,
И себя торопливостью жадною жгутъ.

Опрокинулись, вспыхнули, вправо и влѣво,—
И, предъ смертью вздохнувъ и блеснувши полнѣй,
На пескѣ умираютъ въ дрожаніи гнѣва
Языки обезсиленныхъ бѣлыхъ огней.

XIV.

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ.

Мы унижаемся и споримъ
Съ своею собственной душой.
Я на годъ надышался Моремъ,
И на годъ я для всѣхъ чужой.

Своихъ я бросилъ въ чуждыхъ странахъ,
Ушелъ туда, гдѣ гулъ волны,
Тонулъ въ серебряныхъ туманахъ,
И видѣлъ царственные сны.

Въ прозрачномъ взорѣ отражая
Всю безграничность блѣдныхъ водъ,
Моя душа, для всѣхъ чужая,
Непостижимостью живетъ.

Понявъ подвижность легкой пѣны,
Я создаю дрожащій стихъ,
И такъ люблю свои измѣны,
Какъ неизмѣнность всѣхъ своихъ.

Недѣли странствій миновали,
Я къ нимъ вернусь для тишины,
Для неразсказанной печали,
И для сверканія струны.

Въ тотъ часъ, когда погаснетъ Солнце,
Она забьется, запоетъ,
Свѣтлѣе звонкаго червонца,
И полнозвучнѣй синихъ водъ.

XV.

ЛЬДИНЫ.

На льдинѣ холодной
Плыву я одинъ.
Угрюмый, свободный,
Средь царственныхъ льдинъ.

И вѣтеръ чуть дышитъ,
Какъ смолкнувшій зовъ.
Но сердце не слышитъ
Родныхъ голосовъ.

Но сердце не хочетъ
Отраду найти.
И вѣтеръ пророчитъ
О вѣчномъ пути.

Плывутъ властелины
Угрюмыхъ глубинъ,
Свободныя льдины,
Я въ морѣ—одинъ.

Любилъ я когда-то,
Но смѣхъ и печаль
Ушли безъ возврата
Въ туманную даль.

Далеко, далеко
Созданія сна.
Какъ мертвое око,
Мнѣ свѣтитъ Луна.

Надъ водной равниной
Лишь вѣтеръ одинъ.
Да льдина за льдиной
Встаетъ изъ-за льдинъ.

XVI.

СОНЪ.

Я спалъ. Я былъ свободенъ.
Мой духъ соткалъ мнѣ сонъ.
Онъ съ жизнью былъ несходенъ,
Но съ жизнью сопряженъ.

Въ немъ странны были свѣты,
Въ немъ было все—Луной.
Знакомые предметы
Манили новизной.

Такъ лунно было, лунно,
Въ моемъ застывшемъ снѣ,
И что-то многострунно
Звучало въ вышинѣ.

Небьющіяся воды
Мерцали неспѣша.
Въ безкровности Природы
Вездѣ была—душа.

И въ воздухѣ застыли,
Захвачены Луной,
Видѣнья давней были,
Знакомыя со мной.

Обрывы и уклоны,
И облаки, и сны.
Но снова пѣли звоны
Съ воздушной вышины.

И міръ былъ безпредѣленъ,
Пронзенный блескомъ льдинъ.
Я былъ свободенъ, цѣленъ.
Я спалъ. Я былъ одинъ.

XVII.

СЪ МОРСКОГО ДНА.

1.

На темномъ влажномъ днѣ морскомъ,
Гдѣ царство блѣдныхъ дѣвъ,
Неясно носится кругомъ
Безжизненный напѣвъ.
Въ немъ нѣтъ дрожанія страстей,
Ни стона прошлыхъ лѣтъ.
Здѣсь нѣтъ цвѣтовъ и нѣтъ людей,
Воспоминаній нѣтъ.

На этомъ темномъ влажномъ днѣ
Нѣтъ волнъ и нѣтъ лучей.
И пѣснь дѣвъ звучитъ во снѣ,
И тотъ напѣвъ ничей.
Ничей, ничей, и вмѣстѣ всѣхъ,
Они во всемъ равны,
Одинъ у нихъ безвучный смѣхъ
И безразличны сны.
На тихомъ днѣ, среди камней,
И влажно-свѣтлыхъ рыбъ,
Никто, въ мелькань ровныхъ дней,
Изъ блѣдныхъ не погибъ.
У всѣхъ прозрачный взоръ красивъ,
Поютъ они межь травъ,
Души страданьемъ не купивъ,
Души не потерявъ.
Межь травъ прозрачныхъ и прямыхъ,
Безкровныхъ, какъ они,
Тотъ звукъ поетъ о снахъ нѣмыхъ:
„Усни—усни—усни".
Тотъ звукъ поетъ: „Прекрасно дно
„Безстрастной глубины.
„Прекрасно то, что все равно,
„Что здѣсь мы всѣ равны".

2.

Но тихо, такъ тихо, межь дѣвъ, задремавшихъ вокругъ,
Послышался новый, дотолѣ невѣдомый, звукъ.
И нѣжно, такъ нѣжно, какъ вздохъ неподводной травы,
Шепнулъ онъ: „Я съ вами, но я не такая, какъ вы.
„О, блѣдныя сестры, простите, что я не молчу,
„Но я не такая, и я не такого хочу.
„Я такъ же воздушна, я дѣва морской глубины,
„Но странное чувство мои затуманило сны.

„Я между прекрасныхъ прекрасна, стройна, и блѣдна.
„Но хочется знать мнѣ, одна-ли намъ правда дана.
„Мы дышимъ во влагѣ, среди самоцвѣтныхъ камней.
„Но что̀ если въ мірѣ и любятъ и дышатъ полнѣй!
„Но что̀ если, выйдя до волнъ, гдѣ бѣгутъ корабли,
„Увижу я дали, и жгучее Солнце вдали!“
И точно понявши, что̀ понятымъ быть не должно,
Всѣ дѣвы умолкли, и стало въ ихъ сердцѣ темно.
И вдругъ поблѣднѣвши, исчезли, дрожа и скользя,
Какъ будто услышавъ, что̀ слышать имъ было нельзя.

3.

А та, которая осталась,
Блѣдна и холодна?
Ей стало страшно, сердце сжалось,
Она была одна?
Она любила хороводы,
Межь искристыхъ камней,
Она любила эти воды,
Въ мельканьи ровныхъ дней.
Она любила этихъ блѣдныхъ
Исчезнувшихъ сестеръ,
Мечту ихъ сказокъ заповѣдныхъ,
И призрачный ихъ взоръ.
Куда она идетъ отсюда?
Быть-можетъ, тамъ темно?
Быть-можетъ, нѣтъ прекраснѣй чуда,
Какъ это—это дно?
И какъ пробиться ей, воздушной,
Сквозь безразличность водъ?
Но мысль ея, какъ другъ послушный,
Уже зоветъ, зоветъ

4.

Ей вдругъ припомнилось такъ ясно,
Что мѣсто есть, гдѣ зыбко дно.
Тамъ все такъ странно, страшно, красно,
И всѣмъ тамъ быть запрещено.
Тамъ есть завѣтная пещера,
И кто-то чудный тамъ живетъ.
Колдунъ? Колдунья? Звѣрь? Химера?
Владыка жизни? Геній водъ?
Она не знала, но хотѣла
На запрещенье посягнуть.
И вотъ у тайнаго предѣла
Она ужь молитъ: „Гдѣ мой путь?“
Изъ этой мглы, такъ странно-красной
Въ безлично-блѣдной глубинѣ,
Раздался чей-то голосъ властный:
„Теперь и ты пришла ко мнѣ!
„Ихъ было много, пожелавшихъ
Покинуть царство глубины,
И въ неизвѣстномъ мірѣ ставшихъ,—
Чѣмъ всѣ, кто въ мірѣ, стать должны.
„Сюда оттуда нѣтъ возврата,
Вернуться можетъ только трупъ,
Чтобъ разсказать свое „Когда-то“—
Усмѣшкой горькой мертвыхъ губъ.
„И что въ томъ мірѣ неизвѣстномъ,
Мнѣ разсказать тебѣ нельзя.
Но чрезъ меня, путемъ чудеснымъ,
Тебя ведетъ твоя стезя“.
И вотъ колдунъ, или колдунья,
Вѣщаетъ дѣвѣ глубины:
„Сегодня въ мірѣ новолунье,
Сегодня царствіе Луны.

„Есть въ Морѣ скрытыя теченья,
И ты войдешь въ одно изъ нихъ,
Твое свершится назначенье,
Ты прочь уйдешь отъ водъ морскихъ.
„Ты минешь море голубое,
Въ моря зеленыя войдешь,
И въ море алое, живое,
И въ вольномъ воздухѣ вздохнешь.
„Но, прежде чѣмъ въ безвѣстность глянешь,
Ты будешь въ образѣ другомъ."
Не блѣдной дѣвой ты предстанешь,
А торжествующимъ цвѣткомъ.
„И нѣжно-женственной богиней,
Съ душою, полной глубины,
Простишься съ водною пустыней,
Достигнувъ уровня волны.
„И послѣ таинствъ лунной ночи,
На этой вкрадчивой волнѣ,
Ты широко раскроешь очи,
Увидѣвъ Солнце въ вышинѣ!"

5.

Прекрасны воздушныя ночи,
Для тѣхъ, кто любилъ и погасъ,
Кто зналъ, что короче, короче
Единственный сказочный часъ.
Прекрасно вліянье чуть зримой,
Едва нарожденной Луны,
Для женскихъ сердецъ ощутимой
Сильнѣй, чѣмъ пышнѣйшіе сны.
Но то, что всего полновластнѣй,
Во мглѣ торжества своего,—
Цвѣтокъ нераскрытый,—прекраснѣй,
Онъ лучше, нѣжнѣе всего.

Да будетъ безсмертно отнынѣ
Безумство души неземной,
Явившейся въ водной пустынѣ,
Съ едва нарожденной Луной.
Она выплывала къ теченью
Той вкрадчивой зыбкой волны.
Незримому вѣря влеченью,
Въ безвѣстные вѣруя сны.
И ночи себя предавая,
Расцвѣтшій цвѣтокъ на волнѣ,
Она засвѣтилась, живая,
Она возродилась вдвойнѣ.
И утро на небо вступило,
Ей было такъ странно-тепло
И солнце ее ослѣпило,
И Солнце ей очи сожгло.

6.

И цѣлый день, бурунами носима
По плоскости стекла,
Она была межь волнъ какъ призракъ дыма,
Бездушна и бѣла.
По плоскости, изломанной волненьемъ,
Носилась безъ конца.
И не слѣдилъ никто за измѣненьемъ
Страдавшаго лица.
Не видѣлъ ни одинъ, что тамъ живая
Какъ мертвая была,—
И какъ она тонула, выплывая,
И какъ она плыла.
А къ вечеру, когда въ холодной дали
Сверкнули маяки,
Ее совсѣмъ случайно подобрали,
Всю въ пѣнѣ, рыбаки.

Былъ мертвенъ свѣтъ въ глазахъ ея застывшихъ,
Но сердце билось въ ней.
Былъ дологъ гулъ приливовъ, отступившихъ
Съ береговыхъ камней.

7.

Весной, въ новолунье, въ прозрачный тотъ часъ,
Что двойственно вѣченъ и новъ,
И сладко волнуетъ и радуетъ насъ,
Колеблясь на грани міровъ,
Я вздрогнулъ отъ взора двухъ призрачныхъ глазъ,
Въ одномъ изъ большихъ городовъ.
Глаза отражали застывшіе сны,
Подъ тѣнью безжизненныхъ вѣкъ,
Въ нихъ не было чаръ уходящей весны,
Огней убѣгающихъ рѣкъ,
Глаза были полны морской глубины,
И были слѣпыми навѣкъ.
У темнаго дома стояла она,
Видѣнье тяжелыхъ потерь,
И я изъ высокаго видѣлъ окна,
Какъ замкнута черная дверь,
Предъ блѣдною дѣвой съ глубокаго дна,
Что нищею ходитъ теперь.
Въ томъ сумрачномъ домѣ, большой вышины,
Балладу о Морѣ я пѣлъ,
О дѣвѣ, которую мучили сны,
Что есть неподводный предѣлъ,
Что, можетъ-быть, въ мірѣ двѣ правды даны
Для душъ и для жаждущихъ тѣлъ.

И съ болью я медлилъ и ждалъ у окна,
И явственно слышалъ въ окно
Два слова, что молвила дѣва со дна,
Мнѣ вамъ передать ихъ дано:
„Я видѣла Солнце“,—сказала она,—
„Что̀ послѣ,—не все ли равно!“

XVIII.

ДОЖДЬ.

Въ углу шуршали мыши,
Весь домъ застылъ во снѣ.
Шелъ дождь, и капли съ крыши
Стекали по стѣнѣ.

Шелъ дождь, лѣнивый, вялый,
И маятникъ стучалъ.
И я душой усталой
Себя не различалъ.

Я слился съ этой сонной
Тяжелой тишиной.
Забытый, обдѣленный,
Я весь былъ тьмой ночной.

А бодрый, какъ могильщикъ,
Во мнѣ тревожа мракъ,
Въ стѣнѣ жучокъ-точильщикъ
Твердилъ: „Тикъ-такъ. Тикъ-такъ“.

Равняя звуки точкамъ,
Началу всѣхъ началъ,
Онъ тонкимъ молоточкомъ
Стучалъ, стучалъ, стучалъ.

И атомы напѣва,
Сплетаясь въ тишинѣ,
Спокойно и безъ гнѣва
„Умри“ твердили мнѣ.

И мертвый, бездыханный,
Какъ трупъ задутыхъ свѣчъ,
Я слушалъ въ скорби странной
Вѣщательную рѣчь.

И тише кто-то, тише,
Шептался обо мнѣ.
И капли съ темной крыши
Стекали по стѣнѣ.

XIX.

ПРЕРЫВИСТЫЙ ШЕЛЕСТЪ.

Есть другія планеты, гдѣ вѣтры нѣвучіе тише,
Гдѣ небо блѣдиѣе, травы тоньше и выше,
Гдѣ прерывисто льются
Перемѣнные свѣты,

Но своей перемѣною только ласкаютъ, смѣются.
Есть иныя планеты,
Гдѣ мы были когда-то,
Гдѣ мы будемъ потомъ,

Не теперь, а когда, потерявъ—
Себя потерявъ безъ возврата,
Мы будемъ любить истомленные стебли сѣдыхъ шелестящихъ травъ,
Безъ аромата,

Тонкихъ, высокихъ, какъ звѣзды—печальныхъ,
Любящихъ сонный покой—мѣстъ погребальныхъ,
Надъ нашей могилою спящихъ,
И тихо, такъ тихо, такъ сумрачно-тихо, подъ Луной шелестящихъ.

XX.

БЕЗВѢТРІЕ.

Я чувствую какія-то прозрачныя пространства,
Далеко въ безпредѣльности, свободной отъ всего;
Въ нихъ нѣтъ ни нашей радуги, ни звѣзднаго убранства,
Въ нихъ все хрустально-призрачно, воздушно и мертво.

Безмѣрными провалами небеснаго Эѳира
Они какъ бы оплотами отъ насъ ограждены,
И, въ центрѣ міроздапія, они всегда внѣ міра,
Свѣтлѣй снѣговъ нетающихъ нагорной вышины.

Нѣжнѣй, чѣмъ почью лунною дрожанье паутины,
Нѣжнѣй, чѣмъ отраженія перистыхъ облаковъ,
Чѣмъ въ замыслѣ художника рожденіе картины,
Чѣмъ даль навѣкъ утраченныхъ родимыхъ береговъ.

И только тѣ, что въ сумракѣ скитанія земного
Объ этихъ странахъ помнили, всегда лишь ихъ любя,
Оттуда въ міръ пришедшіе, туда вернутся снова,
Чтобъ въ царствіи Безвѣтрія навѣкъ забыть себя.

XXI.

СНѢЖИНКИ.

Если, рѣя, пропадая,
Цѣпенѣя, и блистая,
Вьются хлопья снѣжные,—
Если сонно, отдаленно,
То съ упрекомъ, то влюбленно,
Звуки плачутъ нѣжные,—

Если рдѣютъ, и блистаютъ,
И рѣдѣютъ, упадаютъ
Листья полумертвые,—
Въ сердцѣ—нѣжно, безнадежно,
И горятъ въ немъ такъ безбрежно
Дали распростертыя.

Сердце хочетъ, упрекаетъ,
И пророчитъ, отвергаетъ
Грани думъ извѣданныхъ,—
Проситъ странныхъ, безъимянныхъ,
Въ красотѣ своей нежданныхъ,
Свѣтовъ заповѣданныхъ.

Но блаженство только въ вѣчномъ,
Совершенство въ безупречномъ,
Смерть не пропасть черная.
Вѣчно, всюду, только чуду
Я душой молиться буду,—
Есть нерукотворное!

О, мгновенье умиранья,
Упоенье и прощанье,
Въ морѣ неизбѣжности!
Мы страдаемъ, пропадаемъ,
Но себя мы побѣждаемъ
Нашимъ сномъ Безбрежности!

XXII.

КЪ ВѢТРУ.

Что мнѣ осталось, кромѣ глубокой,
Кромѣ бездонной печали?
Вѣтеръ, о, Вѣтеръ, какъ я, одинокій,
Все мы съ тобою встрѣчали.

Что полюбить мнѣ, кромѣ безбрежной,
Вглубь ускользающей дали?
Вѣтеръ, о, Вѣтеръ, какъ я, безнадежный,
Быстро мы все увидали.

Что же мы ищемъ въ безднахъ невѣрныхъ,
Тѣ же въ концѣ, какъ въ началѣ?
Все мы постигли въ пространствахъ безмѣрныхъ,
Только себя не узнали.

XXIII.

ВѢТЕРЪ ГОРЪ И МОРЕЙ.

Вѣтеръ, вѣчный мой братъ,
Вѣтеръ горъ и морей,
Что такое есть въ пѣснѣ протяжной твоей,
Что волнуетъ меня, какъ ненайденный кладъ,

И со мной говоритъ въ полумракѣ ночей,
И меня увлекаетъ куда-то назадъ,
Къ освѣжительнымъ снамъ,—
И какъ духъ я иду по прозрачнымъ волнамъ,
Надо мной въ высотѣ сочетанья планетъ,
И созвучной мечтѣ окончанія нѣтъ,
Всюду сонъ, всюду свѣтъ,
Всюду звонъ міровой,
Глубина хороша красотой неживой,
Тамъ какъ будто бы льды изъ хрустальной воды,
И чтобъ тихо горѣть, имъ не нужно звѣзды,—
И горятъ предо мной
Высота съ глубиной,
Въ глубинѣ высоты
Свѣтъ иной красоты,
И горитъ между двухъ
Мой блуждающій духъ,
Много дышитъ лучей,
Много видитъ мой взглядъ,
И незримый летитъ надъ дорогой моей,
То шепнетъ впереди, то умчится назадъ,
Вѣтеръ, вѣчный мой братъ,
Вѣтеръ горъ и морей.

XXIV.

ВѢТЕРЪ.

Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ,
Что ты въ вѣткахъ все шумишь?
Вольный Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ,
Предъ тобой дрожитъ камышъ.
Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ,
Что ты душу мнѣ томишь?

Ты вздыхаешь, полусонный,
И спѣшишь скорѣй заснуть.
Чуть уснулъ, и, пробужденный,
Ты готовъ опять вспорхнуть.
Стой! Куда, неугомонный?
Вѣчно—прямо, снова—въ путь.

Всѣ мѣста тебѣ знакомы,
Ты воздушно шелестишь,
Рябью входишь въ водоемы,
Шаткой травкою блестишь.
Носишь тучи, манишь громы,
И опять уходишь въ тишь.

О, невѣрный! Вѣтеръ, Вѣтеръ,
Ты не помнишь ничего.
Дай и мнѣ забвенья, Вѣтеръ,
Дай стремленья твоего.
Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ,
Ты прекраснѣе всего!

XXV.

ЗАВѢТЪ БЫТІЯ.

Я спросилъ у свободнаго Вѣтра,
Что мнѣ сдѣлать, чтобъ быть молодымъ.
Мнѣ отвѣтилъ играющій Вѣтеръ:
„Будь воздушнымъ, какъ вѣтеръ, какъ дымъ!“

Я спросилъ у могучаго Моря,
Въ чемъ великій завѣтъ бытія.
Мнѣ отвѣтило звучное Море:
„Будь всегда полнозвучнымъ, какъ я!“

Я спросилъ у высокаго Солнца,
Какъ мнѣ вспыхнуть свѣтлѣе зари.
Ничего не отвѣтило Солнце,
Но душа услыхала: „Гори!“

XXVI.

ВСКРЫТІЕ ЛЬДА.

Какъ льдины взгроможденныя
Одна на другую,
Весной освобожденныя,—
Я звонко ликую.

И какъ вода, запѣвшая
За льдиною плотной,
Дрожитъ душа, вскипѣвшая
Въ тоскѣ безотчетной.

Въ тоскѣ отъ нетерпѣнія,
Я жду поцѣлуя.
Скорѣй, скорѣе—пѣнія,
Блаженствуй, ликуя.

И плотныя и тонкія,
Расторгнуты льдины.
Звучите, пѣсни звонкія,
Сверкайте, картины!

Живутъ освобожденныя
Созданія мысли.
Ихъ радуги сплетенныя
Какъ ткани повисли.

Весь міръ—одно сверканіе
Улыбки свободной,
Блаженство набѣганія
Волны полноводной.

Одинъ потокъ разливистый,
Подъ дымкою тонкой,
Напѣвъ мечты, прерывистый,
Невѣрный, но звонкій.

XXVII.

СѢВЕРЪ.

Какъ плѣнительна весна
Тамъ гдѣ снѣгъ—не сновидѣнье,
Гдѣ полгода—тишина,
Передъ счастьемъ возрожденья.

Тамъ душа, волнуясь, ждетъ:
Что-жь, сегодня торжествуемъ?
Что-жь, рѣка разрушитъ ледъ
Бурнымъ влажнымъ поцѣлуемъ?

Тамъ весна—какъ смерть врага,
Всѣ вдвойнѣ отъ Солнца пьяны.
Васъ привѣтствую, снѣга,
Васъ, безсмертные туманы!

XXVIII.

ИСПАНСКІЙ ЦВѢТОКЪ.

Я вижу Толедо,
Я вижу Мадридъ.
О, бѣлая Леда! Твой блескъ и побѣда
Различнымъ сіяньемъ горитъ.

Крылатымъ и смѣлымъ
Былъ тотъ, кто влюбленъ.
И, бѣлый на бѣломъ, ликующимъ тѣломъ,
Онъ бросилъ въ столѣтья свой сонъ.

Иныя есть птицы,
Иные есть сны,
Я вижу бойницы, въ нихъ гордость орлицы,
Въ нихъ пышность сѣдой старины.

Застыли громады
Оконченныхъ сновъ.
И сумрачно рады руины Гранады
Губительной силѣ вѣковъ.

Здѣсь дерзость желанья
Не гаснетъ ни въ чемъ.
Вездѣ изваянья былого вліянья,
Крещенья огнемъ и мечомъ.

О, строгіе лики
Умѣвшихъ любить!
Вы смутно-велики, красивы и дики,
Вы поняли слово—убить.

Я васъ не забуду,
Я съ вами вездѣ.
Жестокому чуду я вѣрнымъ пребуду,
Я преданъ Испанской звѣздѣ!

XXIX.

ТОЛЕДО.

Городъ-крѣпость на горѣ,
Городъ-храмъ,
Гдѣ молились торжествующимъ богамъ,—
Я тебя хотѣлъ бы видѣть на зарѣ!

Въ часъ, когда поетъ свирѣль,
И зоветъ,—
Въ часъ, когда, какъ будто, ласковый апрѣль
Дышитъ въ зеркалѣ дремотствующихъ водъ.

Въ дни, когда ты былъ однимъ
Изъ живыхъ,
И разбрасывалъ кругомъ огонь и дымъ,
Вмѣстѣ съ криками призывовъ боевыхъ.

Городъ зримый въ высотѣ,
Между скалъ,
Безупречный въ завершенной красотѣ,
Ты явилъ свой гордый ликъ—и задремалъ.

Ты, сказавъ свое, затихъ,
Навсегда,—
Но поютъ въ тебѣ отшедшіе года,
Ты—насѣченный на камнѣ мощный стихъ.

XXX.

PASEO DE LAS DELICIAS ВЪ СЕВИЛЬѢ.

Лиловыя гроздья роскошныхъ глицинiй,
И пальмы съ ихъ правильной четкостью линiй,
И желто-оранжевый дремлющiй хмѣль,—
Какъ красочно ласковъ испанскiй апрѣль!

А дѣвственно-блѣдныя дикiя розы,
А желтыя шапочки нѣжной мимозы,
А тѣнь кипарисовъ, ихъ темные сны,—
Какъ сказочны лики испанской весны!

И садъ многоцвѣтный, расцвѣтшiй такъ пышно,
Гармонiей красокъ поетъ намъ неслышно
О стройномъ согласьи своей тишины,
О блескѣ цвѣточномъ испанской весны!

XXXI.

КЪ ЦАРИЦѢ ФЕЙ.

О, царица свѣтлыхъ фей,
Ты летаешь безъ усилiй
Надъ кустами орхидей,
Надъ цвѣтами бѣлыхъ лилiй!

Пролетаешь надъ водой,—
Распускаются купавы,
И росою, какъ звѣздой,
Блещутъ ласковыя травы.

Ты вездѣ роняешь слѣдъ,
И слѣды твои блистаютъ,
И тюльпанъ, и златоцвѣтъ
За тобою расцвѣтаютъ.

Пролети въ душѣ людской,
О, властительная фея.
Пусть гвоздика и левкой
Въ ней вздыхаютъ пламенѣя.

О, царица свѣтлыхъ фей,
Мы—невольники усилій,
Мы не видимъ орхидей,
Мы не знаемъ бѣлыхъ лилій.

XXXII.

КЪ ЮНОМУ СХИМНИКУ.

Схимникъ юный, узникъ блѣдный,
Почему, за мглой страстей,
Міръ печали заповѣдной
Ты отторгнулъ отъ людей?

По своей ли ты охотѣ,
Иль велѣньемъ вражьихъ силъ,
Умерщвленье грѣшной плоти
Выше счастья полюбилъ?

Кто, властительный и смѣлый,
Такъ жестоко восхотѣлъ,
Чтобъ, навѣки онѣмѣлый,
Перешелъ ты за предѣлъ?

За предѣлъ міровъ, гдѣ струны
Такъ узывчиво звенятъ,
И смѣются: „Схимникъ юный!“
„Ты невольникъ!“—говорятъ.

„Ты невольникъ, и жестоки
Испытанія твои.
Мы свободны, мы глубоки,
Какъ потоки и ручьи.

„И въ жестокости мы кротки,
И разстались мы съ тоской,
И мѣняемся, какъ четки—
Но подъ смѣлою рукой!“

XXXIII.

НЕ ЛУЧШЕ ЛИ СТРАДАНІЕ.

„Не лучше ли страданіе,
Глухое, одинокое,
Какъ бездны мірозданія,
Непонято-глубокое?

„Не лучше ли мученіе,
Чѣмъ ясный звонкій смѣхъ?
Полюбимъ отреченіе,
Разлюбимъ сладкій грѣхъ“.

— О, нѣтъ, мой братъ единственный,
Душа моя смущается,
Въ ней вѣченъ кличъ воинственный,
Ей много обѣщается.

Весь міръ намъ обѣщается,
Когда его хотимъ,
И всякій грѣхъ прощается,
Когда простимъ другимъ.

XXXIV.

СУМЕРКИ.

Мерцаютъ сумерки въ лимонныхъ
И апельсиновыхъ садахъ,
И слышенъ лепетъ въ листьяхъ сонныхъ,
И дремлетъ вѣтеръ на цвѣтахъ.

Тотъ легкій вѣтеръ, что приноситъ
Благословеніе небесъ
И тайно души наши проситъ
Повѣрить мудрости чудесъ.

Чудесъ ниспосланныхъ нежданно
Для исцѣленія души,
Которой всюду, безпрестанно,
Былъ только слышенъ крикъ: „Спѣши".

Для исцѣленья утомленныхъ,
Нашедшихъ чары новыхъ сновъ,
Подъ тѣнью ласковой—лимонныхъ
И апельсиновыхъ садовъ.

XXXV.

УСПОКОЕНІЕ.

Вечернее тихое море
Сливалось воздушною дымкой
Съ грядою слегка-лиловатыхъ
Охваченныхъ сномъ облаковъ,
И въ этомъ безмѣрномъ просторѣ
Дышали почти невидимкой,
Какъ дышатъ мечты въ ароматахъ,
Безплотные образы сновъ.
Они возникали какъ краски,
Какъ чувства, зажженныя взоромъ,
Какъ сладкій восторгъ аромата,
Какъ блескъ и прозрачность воды,
Какъ свѣтлые вымыслы сказки,
Какъ тучи, что встали дозоромъ,
Чтобъ вспыхнуть на мигъ безъ возврата,
Предъ ликомъ вечерней звѣзды.

XXXVI.

СКАЗАТЬ МГНОВЕНЬЮ: СТОЙ!

Быть-можетъ, вся Природа—мозаика цвѣтовъ?
Быть-можетъ, вся Природа—различность голосовъ?
Быть-можетъ, вся Природа—лишь числа и черты?
Быть-можетъ, вся Природа—желанье красоты?

У мысли нѣтъ орудья измѣрить глубину,
Нѣтъ силъ, чтобы замедлить бѣгущую весну.
Лишь есть одна возможность сказать мгновенью: „Стой“!
Разбивъ оковы мысли, быть скованнымъ—мечтой.

Тогда намъ вдругъ понятна стозвучность голосовъ,
Мы видимъ все богатство и музыку цвѣтовъ,
А если и мечтою не смѣрить глубину,—
Мечтою въ самыхъ безднахъ мы создаемъ весну.

XXXVII.

ВЕРБЫ.

Вербы овѣяны
Вѣтромъ нагрѣтымъ,
Нѣжно взлелѣяны
Утреннимъ свѣтомъ.

Вѣтви пасхальныя,
Нѣжно-печальныя,
Смотрятъ веселыми,
Шепчутся съ пчелами.

Кладбище мирное
Млѣетъ цвѣтами,
Пѣніе клирное
Льется волнами.

Свѣтло-печальныя,
Пѣсни пасхальныя,
Сердцемъ взлелѣяны,
Вѣчнымъ овѣяны.

XXXVIII.

ЦВѢТОКЪ.

Я цвѣтокъ, и счастье аромата,
Мнѣ самой Судьбою суждено,
Отъ восхода Солнца до заката
Мнѣ дышать, любить и жить дано.

А съ закатомъ, въ пышной чащѣ сада,
Гдѣ я сказкой нѣжною цвѣту,
Задрожитъ высокая ограда,
И умолкнетъ вѣтеръ налету.

Женщина воздушная, вся въ бѣломъ,
Медленно сквозь главный входъ войдетъ,
И движеньемъ ласковымъ, но смѣлымъ,
Стебель мой цвѣтущій оборветъ.

Отъ восхода Солнца до заката
Измѣненья тѣни и лучей.
И ростетъ дыханье аромата...
До заката буду я—ничей!

ЗМѢИНЫЙ ГЛАЗЪ

I.

ПРАЗДНИКЪ СВОБОДЫ.

Я спалъ какъ воды моря,
Какъ сумракъ заключены,
Я спалъ какъ мертвый камень,
И странно жилъ во снѣ,—

Съ своей душой не споря,
Свое ожесточенье
Любя, какъ любитъ пламень
Таиться въ тишинѣ.

Скрываться безконечно,
Мгновенія и годы,
Въ землѣ, въ деревьяхъ, въ зданьяхъ,
И вдругъ, въ свой лучшій мигъ,—

Такъ быстро и безпечно,
На праздникѣ свободы,
Возникнуть въ трепетаньяхъ,
Какъ молнія, какъ крикъ.

Я спалъ какъ зимній холодъ,
Змѣинымъ сномъ, злораднымъ,
И вотъ мнѣ все подвластно,
Какъ свѣтлому царю,—

О, какъ я новъ и молодъ,
Въ своемъ стремленьи жадномъ,
Какъ пламенно и страстно
Живу, дышу, горю!

II.

* * *

Я—изысканность русской медлительной рѣчи,
Предо мною другіе поэты—предтечи,
Я впервые открылъ въ этой рѣчи уклоны,
Перепѣвные, гнѣвные, нѣжные звоны.

Я—внезапный изломъ,
Я—играющій громъ,
Я—прозрачный ручей,
Я—для всѣхъ и ничей.

Переплескъ многопѣвный, разорванно-слитный,
Самоцвѣтные камни земли самобытной,
Перекличкн лѣсныя зеленаго мая,
Все пойму, все возьму, у другихъ отнимая.

Вѣчно-юный, какъ сонъ,
Сильный тѣмъ, что влюбленъ
И въ себя и въ другихъ,
Я—изысканный стихъ.

III.

* * *

Если въ душу я взгляну,
Въ ней увижу я волну,
Многопѣвную,

Неба нѣжную эмаль,
Убѣгающую даль,
И безбрежность, и печаль,
Неизмѣнную.

Если въ душу я взгляну,
Самъ себя я обману
Скрытой мукою,

И заплачетъ звонкій стихъ,
Запоетъ о снахъ моихъ,
И себя я силой ихъ
Забаюкаю.

IV.

МОИ ПѢСНОПѢНЬЯ.

Въ моихъ пѣснопѣньяхъ журчанье ключей,
Что звучатъ все звончѣй и звончѣй.
Въ нихъ женственно-страстные шопоты струй,
И дѣвическій въ нихъ поцѣлуй.

Въ моихъ пѣснопѣньяхъ застывшіе льды,
Безпредѣльность хрустальной воды.
Въ нихъ бѣлая пышность пушистыхъ снѣговъ,
Золотые края облаковъ.

Я звучныя пѣсни не самъ создавалъ,
Мнѣ забросилъ ихъ горный обвалъ.
И вѣтеръ влюбленный, дрожа по струнѣ,
Трепетанія передалъ мнѣ.

Воздушныя пѣсни съ мерцаньемъ страстей
Я подслушалъ у звонкихъ дождей.
Узорно-играющій тающій свѣтъ
Подглядѣлъ въ сочетаньяхъ планетъ.

И я въ человѣческомъ нечеловѣкъ,
Я захваченъ разливами рѣкъ.
И, въ Море стремя полногласность свою,
Я стозвучныя пѣсни пою.

V.

СЛОВА—ХАМЕЛЕОНЫ.

Слова—хамелеоны,
Они живутъ спѣша.
У нихъ свои законы,
Особая душа.

Они спѣшатъ мѣняться,
Являя всѣ цвѣта,
Поблекнутъ, обновятся,
И въ томъ ихъ красота.

Всѣ радужныя краски,
Все, что чаруетъ взглядъ,
Желая вѣчной сказки,
Они въ себѣ таятъ.

И сказка длится, длится,
И нарушаетъ плѣнъ.
Какъ сладко измѣниться,
Живите для измѣнъ!

VI.

* * *

Все равно мнѣ, человѣкъ плохъ или хорошъ,
Все равно мнѣ, говоритъ правду или ложь.

Только бъ вольно онъ всегда да сказалъ на да,
Только бъ онъ, какъ вольный свѣтъ, нѣтъ сказалъ на нѣтъ.

Если въ небѣ свѣтъ погасъ, значитъ—поздній часъ,
Значитъ—въ первый мы съ тобой и въ послѣдній разъ.

Если въ небѣ свѣта нѣтъ, значитъ умеръ свѣтъ,
Значитъ—ночь бѣжитъ, бѣжитъ, заметая слѣдъ.

Если ключъ поетъ всегда: „Да,—да, да,—да, да“,—
Значитъ въ немъ молчанья нѣтъ—больше никогда.

Но опять зажжется свѣтъ въ безднѣ новыхъ тучъ,
И, быть можетъ, замолчитъ на мгновенье ключъ.

Красенъ солнцемъ вольный міръ, черной тьмой хорошъ.
Я не знаю, день и ночь—правда или ложь.

Будемъ солнцемъ, будемъ тьмой, бурей и судьбой,
Будемъ счастливы съ тобой въ безднѣ голубой.

Если жь въ сердцѣ свѣтъ погасъ, значитъ поздній часъ.
Значитъ—въ первый мы съ тобой и въ послѣдній разъ.

VII.

* * *

Что достойно, что безчестно,
Что умамъ людскимъ извѣстно,
Что идетъ изъ рода въ родъ,
Все, чему въ цѣпяхъ не тѣсно,
Смертью тусклою умретъ.
Мнѣ людское незнакомо,
Мнѣ понятнѣй голосъ грома,
Мнѣ понятнѣй звуки волнъ,
Одинокій темный челнъ,
И далекій парусъ бѣлый,
Надъ равниной посѣдѣлой,
Надъ пустыней мертвыхъ водъ,
Мнѣ понятенъ гордый, смѣлый,
Безотчетный крикъ: „Впередъ!“

VIII.

* * *

Жить среди беззаконія,
Какъ дыханье вѣтровъ,
То въ волнахъ благовонія,
То надъ крышкой гробовъ.

Быть свободнымъ, несвязаннымъ,
Какъ движенье мечты,
Никогда не разсказаннымъ
До послѣдней черты.

Что безчестное? Честное?
Что горитъ? Что темно?
Я иду въ неизвѣстное,
И въ душѣ все равно.

Знаю, мелкія низости
Не удержатъ меня.
Нѣтъ въ нихъ чаянья близости
Рокового огня.

Но люблю безотчетное,
И восторгъ, и позоръ,
И пространство болотное,
И возвышенность горъ.

IX.

ВОЛЯ.

Валерію Брюсову.

Неужели же я буду такъ зависѣть отъ людей,
Что не весь отдамся чуду мысли пламенной моей?

Неужели же я буду колебаться на пути,
Если сердце мнѣ велѣло въ неизвѣстное итти?

Нѣтъ, не буду, нѣтъ, не буду я обманывать звѣзду,
Чей огонь мнѣ ярко свѣтитъ, и къ которой я иду.

Высшимъ знакомъ я отмѣченъ, и, не помня никого,
Буду слушаться повсюду только сердца своего.

Если Море повстрѣчаю, въ глубинѣ я утону,
Видя воздухъ полный свѣта и прозрачную волну.

Если горныя вершины развернутся предо мной,
Въ снѣжномъ царствѣ я застыну подъ серебряной Луной.

Если къ пропасти приду я, заглядѣвшись на звѣзду,
Буду падать, не жалѣя, что на камни упаду.

Но повсюду вѣчно чуду буду вѣрить я мечтой,
Буду вольнымъ и красивымъ, буду сказкой золотой.

Если жь кто-нибудь захочетъ измѣнить мою судьбу,
Онъ въ раю со мною будетъ—или въ замкнутомъ гробу.

Для себя ища свободы, я ее другому дамъ,
Или вмѣстѣ будетъ тѣсно, слишкомъ тѣсно будетъ намъ.

Такъ и знайте, понимайте звонкій голосъ этихъ струнъ:
Влага можетъ быть прозрачной—и возникнуть какъ бурунъ.

Солнце ландыши ласкаетъ, ихъ сплетаетъ въ хороводъ,
А захочетъ—и зардѣетъ—и пожаръ въ степи зажжетъ.

Но согрѣю ль я другого, или я его убью,
Неизмѣнной сохраню я душу вольную мою.

X.

* * *

Мнѣ снятся караваны,
Моря и небосводъ,
Подводные вулканы
Съ игрой горячихъ водъ.

Воздушныя пространства,
Гдѣ не было людей,
Игра непостоянства
На пиршествѣ страстей.

Чудовищная тина
Среди болотной тьмы,
Могильная лавина
Губительной чумы.

Мнѣ снится, что змѣится
И что бѣжитъ въ просторъ,
Что хочетъ измѣниться—
Всему наперекоръ.

XI.

* * *

Я полюбилъ свое безпутство,
Мнѣ сладко падать съ высоты.
Въ глухихъ провалахъ безразсудства
Живутъ безумные цвѣты.

Я видѣлъ стройныя свѣтила,
Я былъ во власти всѣхъ планетъ.
Но сладко мнѣ забыть, что было,
И крикнуть ихъ призывамъ: „Нѣтъ!“

Исполненъ радости и страха,
Я оборвался съ высоты,
Какъ коршунъ падаетъ съ размаха,
Чтобъ довершить свои мечты.

И я въ огромности бездонной,
И убѣгаетъ глубина.
Я такъ сильнѣе—наступленный,
Мнѣ Вѣчность въ пропасти видна!

XII.

ГЛАЗА.

Когда я къ другому въ упоръ подхожу,
Я знаю: намъ общее нѣчто дано.
И я напряженно и зорко гляжу,
Туда, на глубокое дно.

И вижу я много задавленныхъ словъ,
Убійствъ, совершенныхъ въ зловѣщей тиши,
Обрывовъ, проваловъ, огня, облаковъ,
Безумства несытой души.

Я вижу, я помню, я тайно дрожу,
Я знаю, откуда приходитъ гроза.
И если другому въ глаза я гляжу,
Онъ вдругъ закрываетъ глаза.

XIII.

СКВОЗЬ СТРОЙ.

Вы меня прогоняли сквозь строй,
Вы кричали: „Удвой, и утрой,
Въ десять разъ, во сто разъ горячѣй,
Пусть узнаетъ ударъ палачей“.

Вы меня прогоняли сквозь строй,
Вы стояли зловѣщей горой,
И горячею кровью облитъ,
Я еще, и еще, былъ избитъ.

Но, идя какъ игрушка межь васъ,
Я горѣлъ, я сгоралъ, и не гасъ.
И сознаньемъ былъ каждый смущенъ,
Что я кровью своей освященъ.

И сильнѣй, все сильнѣй каждый разъ,
Вы пугались блистающихъ глазъ.
И вы дрогнули всѣ предо мной,
Увидавъ, что межь васъ—я иной.

XIV.

ВЪ ЗАСТѢНКѢ.

Переломаны кости мои.
Я въ застѣнкѣ. Но чу! Въ забытьи,
Слышу, гдѣ-то стремятся ручьи.

Такъ созвучно, созвонно, въ просторъ,
Убѣгаютъ съ покатостей горъ,
Чтобъ низлиться въ безгласность озеръ.

Я въ застѣнкѣ. И пытка долга.
Но мечта мнѣ моя дорога.
Въ палачѣ я не вижу врага.

Онъ ужасенъ, онъ страненъ, какъ сонъ,
Онъ упорствомъ моимъ потрясенъ.
Я ли мученикъ? Можетъ быть онъ?

Переломаны кости. Хрустятъ.
Но горитъ напряженный мой взглядъ.
О, ручьи говорятъ, говорятъ!

XV.

ВЪ ДОМАХЪ.

М. Горькому.

Въ мучительно-тѣсныхъ громадахъ домовъ
Живутъ некрасивые блѣдные люди,
Окованы памятью выцвѣтшихъ словъ,
Забывши о творческомъ чудѣ.

Все скучно въ ихъ жизни. Полюбятъ кого,
Сейчасъ же наложатъ тяжелыя цѣпи.
„Ну, что-же, ты счастливъ?“—„Да что-жь... Ничего...“
О, да, ничего нѣтъ нелѣпѣй!

И чахнутъ, замкнувшись въ гробницахъ своихъ.
А гдѣ-то по воздуху носятся птицы.
Что птицы? Мудрѣй привидѣній людскихъ
Жуки, пауки и мокрицы.

Все цѣльно въ просторахъ бозлюдныхъ пустынь,
Желанье свободно уходитъ къ желанью.
Тамъ нѣтъ заподозрѣнныхъ чувствомъ святынь,
Тамъ нѣтъ пригвожденій къ преданью.

Свобода, свобода! Кто понялъ тебя,
Тотъ знаетъ, какъ вольны разливныя рѣки.
И если лавина несется губя,
Лавина прекрасна навѣки.

Кто близокъ былъ къ смерти и видѣлъ ее,
Тотъ знаетъ, что жизнь глубока и прекрасна.
О, люди, я вслушался въ сердце свое,
И знаю, что ваше—несчастно!

Да, если бы только могли вы понять...
Но вотъ предо мною захлопнулись двери,
И въ клѣточкахъ гномы застыли опять,
Лепечутъ: „Мы люди, не звѣри".

Я проклялъ васъ, люди. Живите впотьмахъ.
Тоскуйте въ размѣренной чинной боязни.
Блѣднѣйте въ мучительныхъ вашихъ домахъ.
Вы къ казни идете отъ казни!

XVI.

МСТИТЕЛЬ.

Если-бъ вы молились на меня,
Я стоялъ бы ангеломъ предъ вами,
О приходѣ радостнаго дня
Говорилъ бы лучшими словами.

Былъ бы вамъ какъ радостный восходъ,
Былъ бы вамъ какъ свѣжесть аромата,
Сдѣлалъ бы вамъ легкимъ переходъ
Къ грусти полумертваго заката.

Я бы пѣлъ вамъ сладостно звеня,
Я-бъ не ненавидѣлъ васъ, какъ трупы,
Если-бъ вы молились на меня,
Если бы вы не были такъ скупы.

А теперь, угрюмый и больной,
А теперь, какъ темный духъ, гонимый,
Буду мстить вамъ съ мѣткостью стальной,
Буду бичъ вашъ, бичъ неумолимый.

XVII.

СОПЕРНИКИ.

Мы можемъ итти по широкимъ равнинамъ,
Итти, не встрѣчаясь въ пути никогда.
И каждый пребудетъ, одинъ, властелиномъ,—
Пока не взойдетъ роковая звѣзда.

Мы можемъ бросать безпокойныя тѣни,
Ихъ мѣсяцъ вытягивать будетъ въ длину.
Въ одномъ восхожденьи мы будемъ ступени,
И равны,—пока не полюбимъ одну.

Тогда мы солжемъ, но себѣ не поможемъ,
Тогда мы забудемъ о Богѣ своемъ.
Мы можемъ, мы можемъ, мы многое можемъ,
Но только—мой равный!—пока мы вдвоемъ.

XVIII.

ЛОМАНЫЯ ЛИНІИ.

Ломаныя линіи, острые углы.
Да, мы здѣсь—мы прячемся въ дымномъ царствѣ мглы.

Мы еще покажемся изъ угрюмыхъ норъ,
Мы еще нарядимся въ праздничный уборъ.

Глянемъ и захватимъ васъ, вбросимъ въ наши сны.
Мы еще покажемъ вамъ свѣжесть новизны.

Подождите, старые, знавшіе всегда
Только два качанія, только нѣтъ и да.

Будетъ откровеніе, вспыхнетъ царство мглы.
Утро дышитъ пурпуромъ... Чу! кричатъ орлы!

XIX.

НАШИМЪ ВРАГАМЪ.

Вы томительные,
Усыпительные,
Ничего вамъ не дано,
Даромъ канете на дно.

Богомъ кинутые,
И отринутые,
Не согрѣты вы ничѣмъ,
И живете низачѣмъ.

Не постигнувшіе,
И не двигнувшіе
Ничего и никогда,
Вы погибли навсегда.

Вы распавшіеся,
Неудавшіеся,
У дорожнаго столба
Невзошедшіе хлѣба.

XX.

ГАРМОНІЯ СЛОВЪ.

Почему въ языкѣ отошедшихъ людей
Были громы пѣвучихъ страстей?
И намеки на звонъ всѣхъ временъ и пировъ,
И гармонія красочныхъ словъ?

Почему въ языкѣ современныхъ людей
Стукъ ссыпаемыхъ въ яму костей?
Подражательность словъ, точно эхо молвы,
Точно ропотъ болотной травы?

Потому что когда, молода и горда,
Между скалъ возникала вода,
Не боялась она прорываться впередъ,
Если станешь предъ ней, такъ убьетъ.

И убьетъ, и зальетъ, и прозрачно бѣжитъ,
Только волей своей дорожитъ.
Такъ рождается звонъ для грядущихъ временъ,
Для теперешнихъ блѣдныхъ племенъ.

XXI.

ДРУГУ.

Милый другъ, почему безконечная боль
Затаилась въ душѣ огорченной твоей?
Быть счастливымъ себя хоть на мигъ приневоль,
Будь какъ царь водяной, и какъ горный король,
Будь со мною въ дрожаньи безсвязныхъ вѣтвей.

Посмотри, какъ воздушно сіянье Луны,
Какъ проходитъ она—не дыша, не спѣша.
Всѣ видѣнья въ застывшей тиши сплетены,
Всюду свѣтъ и восторгъ, всюду сонъ, всюду сны.
О, земля хороша, хороша, хороша!

XXII.

* * *

Если грустно тебѣ,
Ты не думай, мой другъ.
Весь очерченъ въ Судьбѣ
Твой назначенный кругъ.

Развѣ думаетъ лѣсъ?
Развѣ плачетъ о чемъ?
Онъ живетъ для чудесъ,
Озаренный лучомъ.

Развѣ нѣжный цвѣтокъ
Будетъ думать весной?
Вѣрь напѣвности строкъ,
Будь безъ думы со мной.

XXIII.

* * *

Ты мнѣ говоришь, что какъ женщина я,
Что я разсуждать не умѣю,
Что я ускользаю, что я какъ змѣя,—
Ну, что же, я спорить не смѣю.

Люблю по-мужски я всѣмъ тѣломъ мужскимъ,
Но женское сердцу желанно,
И вотъ отчего, разсуждая съ другимъ,
Я такъ выражаюсь туманно.

Я женщинъ, какъ высшую тайну люблю,
А женщины любятъ скрываться,
И вотъ почему я не могъ, не терплю
Въ завѣтныхъ глубинахъ признаться.

Но весь я прекрасенъ, дышу, и дрожу,
Мнѣ жаль, что тебя я печалю.
Приблизься, тебѣ я всю правду скажу,—
А можетъ быть только ужалю.

XXIV.

* * *

Мы брошены въ сказочный міръ,
Какой-то могучей рукой.
На тризну? На битву? На пиръ?
Не знаю. Я вѣчно—другой.

Я каждой минутой—сожженъ.
Я въ каждой измѣнѣ—живу.
Не праздно я здѣсь воплощенъ.
И ярко я сплю—наяву.

И знаю, и помню, съ тоской,
Что внизъ я сейчасъ упаду.
Но, брошенный мѣткой рукой,
Я цѣль—безъ ошибки найду.

XXV.

АККОРДЫ.

Въ красотѣ музыкальности,
Какъ въ недвижной зеркальности,
Я нашелъ очертанія сновъ,
До меня не разсказанныхъ,
Тосковавшихъ и связанныхъ,
Какъ растенья подъ глыбою льдовъ.

Я имъ далъ наслажденіе,
Красоту ихъ рожденія,
Я разрушилъ звенящіе льды.
И, какъ гимны неслышные,
Дышатъ лотосы пышные
Надъ пространствомъ зеркальной воды.

И въ нѣмой музыкальности,
Въ этой новой зеркальности,
Создаетъ ихъ живой хороводъ
Новый міръ, недосказанный,
Но съ разсказаннымъ связанный
Въ глубинѣ отражающихъ водъ.

XXVI.

SIN MIEDO.

Если ты поэтъ и хочешь быть могучимъ,
Хочешь быть безсмертнымъ въ памяти людей,
Порази ихъ въ сердце вымысломъ пѣвучимъ,
Думу закали на пламени страстей.

Ты видалъ кинжалы древняго Толедо?
Лучшихъ не увидишь, гдѣ бы ни искалъ.
На клинкѣ узорномъ надпись: „Sin miedo“,—
Будь всегда безстрашнымъ,—властенъ ихъ закалъ.

Раскаленной стали форму придавая,
Въ сталь кладутъ по черни золотой узоръ,
И вѣка сверкаетъ красота живая
Двухъ металловъ слитыхъ, разныхъ съ давнихъ поръ.

Чтобъ твои мечты во вѣкъ не отблистали,
Чтобъ твоя душа всегда была жива,
Разбросай въ напѣвахъ золото по стали,
Влей огонь застывшій въ звонкія слова.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

I.

ТРИЛИСТНИКЪ.

Дагни Кристенсенъ.

1. Изъ рода королей.

Да, тебя я знаю, знаю. Ты изъ рода королей.
Ты изъ расы гордыхъ скальдовъ древней родины твоей.

Ты не чувствуешь, не знаешь многихъ звуковъ, многихъ словъ,
Оттого что въ нихъ не слышно дуновенія вѣковъ.

Ты не видишь и не знаешь многихъ красокъ и картинъ,
Оттого что въ нихъ не свѣтитъ мощь родныхъ морскихъ глубинъ.

Но едва передъ тобою молвишь бѣглый вѣщій звукъ,
Тотчасъ мы съ тобою вмѣстѣ, мы въ одинъ замкнуты кругъ.

И когда во взорѣ можешь силу Моря отразить,
Между мною и тобою тотчасъ ласковая нить.

Нить признанья, ожиданья, безконечности мечты,
Долгихъ пѣсенъ безъ названья, откровеній красоты.

Между мною и тобою вѣетъ возгласъ „Навсегда".
„Ты забудешь?"—„Невозможно".—„Ты ко мнѣ вернешься?"—„Да".

Да, тебя я знаю, счастье. Ты—рожденная волной.
Вотъ, я связанъ царскимъ словомъ. Помни. Помни! Будь со мной!

2. Въ моемъ саду.

Въ моемъ саду мерцаютъ розы бѣлыя,
Мерцаютъ розы бѣлыя и красныя,
Въ моей душѣ дрожатъ мечты несмѣлыя,
Стыдливыя, но страстныя.

Тебя я видѣлъ только разъ, любимая,
Но только разъ мечта съ мечтой встрѣчается,
Въ моей душѣ любовь непобѣдимая
Горитъ и не кончается.

Лицо твое я вижу поблѣднѣвшее,
Волну волосъ, какъ пряди сновъ согласныя,
Въ глазахъ твоихъ признанье потемнѣвшее,
И губы, губы красныя.

Съ тобой позналъ я только разъ, любимая,
То яркое, что счастьемъ называется,
О, тѣнь моя, безплотная, но зримая,
Любовь не забывается.

Моя любовь—пьяна, какъ гроздья спѣлые,
Въ моей душѣ—звучатъ призывы страстные,
Въ моемъ саду—сверкаютъ розы бѣлыя
И ярко, ярко-красныя.

3. Солнце удалилось.

Солнце удалилось. Я опять одинъ.
Солнце удалилось отъ земныхъ долинъ.
Снѣжныя вершины свѣтъ его хранятъ.
Солнце посылаетъ свой послѣдній взглядъ.

Воздухъ цѣпенѣетъ, властно скованъ мглой.
Кто-то, наклоняясь, дышитъ надъ землей.
Тайно стынутъ волны меркнущихъ морей.
—Уходи отъ ночи, уходи скорѣй.—

—Гдѣ жь твой тихій уголъ?—Нѣтъ его нигдѣ.
Онъ лишь тамъ, гдѣ взоръ твой устремленъ къ звѣздѣ.
Онъ лишь тамъ, гдѣ свѣтитъ лучъ твоей мечты.
Только тамъ, гдѣ Солнце. Только тамъ, гдѣ ты.

II.

* * *

Нѣтъ дня, чтобъ я не думалъ о тебѣ,
Нѣтъ часа, чтобъ тебя я не желалъ.
Проклятіе невидящей Судьбѣ,
Мудрецъ сказалъ, что міръ постыдно малъ.

Постыдно малъ и тѣсенъ для мечты,
И все же ты далеко отъ меня.
О, боль моя! Желанна мнѣ лишь ты,
Я жажду новой боли и огня!

Люблю тебя капризною мечтой,
Люблю тебя всей силою души,
Люблю тебя всей кровью молодой,
Люблю тебя, люблю тебя, спѣши!

III.

* * *

Я заснулъ на распутьи глухомъ.
Въ высотѣ, на небесныя кручи,
Поднимались тяжелыя тучи.
Это было не ночью, а днемъ.

Я лежалъ на избитомъ пути,
На краю много знавшей дороги.
Здѣсь и люди и звѣри и боги
Проходили, чтобъ что-то найти.

Я дремалъ какъ живой, но мертвецъ,
Какъ умершій, но чающій жизни.
И, отдавшись душой укоризнѣ,
Задремалъ я какъ трупъ наконецъ.

И тогда мнѣ явилась она,
Та, кого я и прежде, неясно,
Такъ любилъ, безнадежно, безгласно,
Какъ любить намъ велѣла—Луна.

Надо мною безплотная тѣнь,
Наклоняя воздушное тѣло,
Ближе быть, дальше быть, не хотѣла.
И погасъ утомительный день.

Все смѣшалось въ сомкнувшейся мглѣ.
Я мечталъ—да, какъ всѣ—о святынѣ.
И какъ трупъ я покоюсь донынѣ
На избитой шагами землѣ.

IV.

* * *

Мы прячемъ, душимъ тонкой сѣтью лжи
Свою любовь.
Мы шепчемъ: „Да? Ты мой?—Моя?—Скажи!—
—„Скорѣй! Одежды брачныя готовы!"

Но я люблю, какъ любитъ пѣть ручей,
Какъ свѣтитъ лучъ.
Послѣдній я, иль первый, межь лучей,
Навѣкъ, на мигъ,—мнѣ все равно,—я жгучъ.

Но я люблю, какъ любитъ льнуть къ волнѣ
Воздушность ивъ.
Мнѣ все равно, что̀ скрыто тамъ на днѣ,—
Я въ зеркалѣ поверхности красивъ.

Поверхность отражаетъ выси горъ,
Измѣны дня.
Мой милый другъ, лелѣй въ себѣ мой взоръ,
Какъ тѣнь, какъ сонъ, люби, люби меня!

V.

ТОНЧАЙШІЯ КРАСКИ.

Тончайшія краски
Не въ яркихъ созвучьяхъ,
А въ еле-замѣтныхъ
Дрожаніяхъ струнъ,—

Въ нихъ зримы сіянья
Планетъ запредѣльныхъ,
Непознанныхъ свѣтовъ,
Невидимыхъ лунъ.

И если въ минуты
Глубокаго чувства,
Мы смотримъ безгласно
И любимъ безъ словъ,
Мы видимъ, мы слышимъ,
Какъ свѣтятъ намъ солнца,
Какъ дышатъ намъ блески
Нездѣшнихъ міровъ.

VI.

НА РАЗНЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

Мы говоримъ на разныхъ языкахъ.
Я свѣтъ весны, а ты усталый холодъ.
Я златоцвѣтъ, который вѣчно молодъ,
А ты песокъ на мертвыхъ берегахъ.

Прекрасна даль вскипающаго моря,
Его просторъ играющій широкъ.
Но берегъ мертвъ. Намытъ волной песокъ.
Свиститъ, хруститъ, съ гремучей влагой споря.

А я живу. Какъ въ сказочныхъ вѣкахъ,
Воздушный садъ исполненъ аромата.
Поетъ пчела. Моя душа богата.
Мы говоримъ на разныхъ языкахъ.

VII.

ПОЗДНО.

Было поздно въ нашихъ думахъ.
Пѣла полночь съ дальнихъ башенъ.
Темный сонъ домовъ угрюмыхъ
Былъ таинственнен и страшенъ.

Было тягостно-обидно.
Даль небесъ была беззвѣздна.
Было слишкомъ очевидно,
Что любить, любить намъ—поздно.

Мы не поняли начала
Нашихъ сновъ и пѣснопѣній.
И созвучье отзвучало
Безъ блаженныхъ изступленій.

И на улицахъ угрюмыхъ
Было скучно и морозно.
Было полночь въ нашихъ думахъ.
Было поздно, поздно, поздно.

VIII.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ.

СОНЕТЪ.

Въ тѣ дни, когда вездѣ былъ Млечный Путь,
Я полюбилъ несдержанность мечтанья,
И вѣрю, звѣздный хаосъ мірозданья
Въ моихъ словахъ блеснетъ когда-нибудь.

Теперь! Сейчасъ! Вольнѣе дышитъ грудь.
Я полонъ сладкой дрожью ожиданья,
Они встаютъ, забытыя преданья,
Погасшія, хотятъ опять блеснуть.

Я вижу первозданную планету,
Воздушную, какъ островъ голубой,
Тамъ въ первый разъ я счастливъ былъ съ тобой.

Въ начальной тьмѣ оставилъ я примѣту,
Сказавъ тебѣ: „Прощай, когда-нибудь
„Мы вновь съ тобой полюбимъ—Млечный Путь".

IX.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Она такъ шумно-весела,
И такъ свѣтла,—
Какъ между скалъ пѣвучій ключъ,
Какъ яркій лучъ.

Въ ней все любовь, въ ней все мечта,
И красота,
Какъ все въ лѣсу, въ лучахъ весны,
Любовь и сны.

Зачѣмъ же радостный расцвѣтъ
Веселыхъ лѣтъ,—
Какъ лѣтній блескъ смѣненъ зимой,—
Оконченъ тьмой?

Теперь навѣкъ съ однимъ она,
Прошла весна.
Какъ дымъ вкругъ пурпура огней,
Онъ всюду съ ней.

Цвѣтокъ роскошный отблисталъ,
И мертвый сталъ.
И какъ въ гербаріи онъ сжатъ,
Безцвѣтенъ взглядъ.

Въ ней ключъ застывшій усыпленъ,
Въ ней смутный сонъ,
Какъ тусклый мертвенный налетъ
Стоячихъ водъ.

X.

СОЕДИНЕННЫЕ.

Сожженный край томительной равнины,
На ней забытый раненый солдатъ.
Вдали синѣютъ горы-исполины.
— „Ты не придешь, ты не придешь назадъ!“

Тамъ, гдѣ-то, край обиженный и бѣдный.
Въ глухой избѣ, за пряжей, у окна,
Какая-то одна, съ улыбкой блѣдной,
Вдали отъ мужа—мужняя жена.

Мѣняетъ Солнце область созерцанья,
Роняетъ тѣнь однимъ и жжетъ другихъ.
Все ближе ночь. Все тише восклицанья.
Въ такую ночь пришелъ онъ какъ женихъ.

Равнины спятъ. Предъ счастьемъ пробужденья
Мѣняетъ Солнце пышный свой нарядъ.
Къ одной странѣ восходятъ всѣ видѣнья.
—Да, онъ придетъ, придетъ къ тебѣ назадъ!

XI.

ПРИДОРОЖНЫЯ ТРАВЫ.

Спите, полумертвые увядшіе цвѣты,
Такъ и не узнавшіе расцвѣта красоты,
Близъ путей заѣзженныхъ взрощенные Творцомъ,
Смятые невидѣвшимъ тяжелымъ колесомъ.

Въ часъ, когда всѣ празднуютъ рожденіе весны,
Въ часъ, когда сбываются несбыточные сны,
Всѣмъ дано безумствовать, лишь вамъ однимъ нельзя.
Возлѣ васъ раскинулась заклятая стезя.

Вотъ, полуизломаны, лежите вы въ пыли,
Вы, что въ небо дальнее свѣтло глядѣть могли,
Вы, что встрѣтить счастіе могли бы, какъ и всѣ,
Въ женственной, въ нетронутой, въ дѣвической красѣ.

Спите же, взглянувшіе на страшный пыльный путь,
Вашимъ равнымъ—царствовать, а вамъ—навѣкъ уснуть,
Богомъ обдѣленные на праздникѣ мечты,
Спите, не видавшіе расцвѣта красоты.

XII.

ВЛЮБЛЕННЫЕ.

Jeg gaar fra den ene til den
anden Blomst, de er berusede. .
K. Hamsun. Pan.

Храня влюбленную истому,
Я цѣпенѣю и гляжу.
Отъ одного цвѣтка къ другому
Въ саду перехожу.

Воздушно ландыши бѣлѣютъ,
Въ себя влюбляется нарциссъ,
И гроздья красныхъ лилій млѣютъ,
Раскрылись и зажглись.

И счастью преданы нѣмому,
Уста раскрывшихся цвѣтовъ,
Отъ одного цвѣтка къ другому
Струятъ блаженство сновъ.

Я вижу, какъ они мѣняютъ
Свой легкій праздничный нарядъ,
Другъ друга пылью соблазняютъ,
Влюбляютъ и пьянятъ.

Душистой пылью опьяненный,
Цвѣтокъ цѣлуется съ цвѣткомъ.
А я, безумный, я, влюбленный,
Съ блаженствомъ незнакомъ.

Но я храню свою истому,
Тобой живу, тобой дрожу.
И отъ цвѣтка идя къ другому,
Всѣмъ—сердце разскажу.

XIII.

* * *

Я знаю людей съ голубыми глазами,
Я знаю, что принято думать о нихъ.
Но это молчаніе Неба надъ нами
Не есть ли горящій безмолвіемъ стихъ?

Не стихъ, а поэма, о томъ, что лазурность
Все видитъ, все знаетъ, всегда глубина,
И молча твердитъ намъ: „Безбурность. Безбурность.
„Я лучше, чѣмъ буря. Я счастіе сна".

XIV.

ВЕЧЕРНЯЯ ТИШЬ.

Темнѣетъ вечеръ голубой,
Мерцаютъ розовыя тѣни.
Мой другъ, скорѣй, пойдемъ съ тобой
На тѣ завѣтныя ступени.

Надъ нами будетъ желтый крестъ,
Цвѣтныя окна церкви темной.
Зажжется небо, и окрестъ
Повсюду будетъ блескъ заемный.

Багряно-огненный закатъ
Во мглѣ освѣтитъ лица наши.
Съ могилъ къ намъ розы обратятъ
Свои раскрывшіяся чаши.

Для насъ надгробные кресты,
Въ лучахъ послѣдняго сіянья,
Воспримутъ чары красоты,
Какъ знакъ нѣмого обѣщанья.

И всѣ тона, и всѣ цвѣта,
Какіе только въ небѣ слиты,
Какъ въ рай забытыя врата,
Намъ будутъ въ этотъ мигъ открыты.

И смолкнутъ наши голоса.
И мы, другъ въ другѣ пропадая,
Погаснемъ, какъ въ цвѣткѣ роса,
Какъ въ тучкѣ искра золотая.

XV.

ВОЛНЫ.

Волна бѣжитъ. Волна съ волною слита.
Волна съ волною слита въ одной мечтѣ.
Прильнувъ къ скаламъ, онѣ гремятъ сердито.
Онѣ гремятъ сердито: „Не тѣ! Не тѣ!“

И въ горькомъ снѣ волна волнѣ шепнула.
Волна волнѣ шепнула: „Въ тебѣ—мечта“.
И плещутъ вновь: „Меня ты обманула!“
„Меня ты обманула. И ты—не та!“

XVI.

НАРЦИССЪ И ЭХО.

Air y ffor...
Calderon.

Цвѣтокъ и воздухъ, смущенный эхомъ,
То полный плачемъ, то полный смѣхомъ.
Цвѣтокъ нарцисса, и звукъ завѣтный,
Отвѣтомъ вставшій, но безотвѣтный.

Надъ глубью водной, мертво-зеркальной,
Безплодно стынетъ цвѣтокъ печальный,
Своимъ обманутъ прекраснымъ ликомъ,
Не внемля внѣшнимъ мольбамъ и крикамъ.

А звукъ завѣтный, хотя и внѣшній,
Навѣкъ пронизанъ тоской нездѣшней,
Ревнуетъ, молитъ, грозитъ, пророчитъ,
И вотъ рыдаетъ, и вотъ хохочетъ.

Но нѣтъ сліянья для двухъ прекрасныхъ,
Мы розно стынемъ въ терзаньяхъ страстныхъ.
И гаснутъ звуки, и ясны воды
Въ бездушномъ царствѣ глухой Природы.

XVII.

МУДРОСТЬ СЕРДЦА.

Ты видалъ ли, какъ вздыхаетъ вешній вѣтеръ межь цвѣтовъ,
Ихъ цѣлуетъ, и качаетъ, ими прянъ и сладко-новъ.

Ты видалъ ли, какъ лелѣютъ волны лотосъ голубой,
Какъ онѣ цвѣтокъ ласкаютъ, окруживъ его собой.

Ты видалъ ли, какъ воздушно свѣтитъ въ сумеркахъ звѣзда,
Какъ предъ нею, вмѣстѣ съ нею, дышитъ вечеромъ вода.

Въ этомъ мудрость, въ этомъ счастье—увлекаясь, увлекать,
Зажигать и въ то же время самому свѣтло сверкать.

Увлекая, увлекаться—мудрость сердца моего,
Этимъ я могу достигнуть—слишкомъ многаго—всего!

XVIII.

УТРЕННІЙ ЦВѢТОКЪ.

Я нашелъ въ лѣсу цвѣтокъ,
Онъ такой былъ легкій, нѣжный,
И рукой моей небрежной
Сломанъ тонкій стебелекъ.

Много я сорвалъ цвѣтовъ,
И ликующихъ и блѣдныхъ,
Въ этихъ чащахъ заповѣдныхъ,
Далеко отъ городовъ.

Но упрямая душа
Говоритъ, что лишь вначалѣ,
Въ утро, чуждое печали,
Радость счастья хороша.

И воздушный тотъ цвѣтокъ
Я во всѣхъ своихъ скитаньяхъ,
Въ наслажденьяхъ, и въ страданьяхъ,
Позабыть никакъ не могъ.

XIX.

* * *

Я не знаю, какъ же быть?
Продолжать или забыть?
Черезъ улицу, давно,
Изъ окна смотрю въ окно.

И давно ко мнѣ приникъ,
Сквозь окно, далекій ликъ.
За воздушною средой,
Манитъ, нѣжный, молодой.

Этотъ ликъ глядитъ давно
Сквозь прозрачное окно.
Ближе быть нельзя никакъ:
Будетъ какъ-то все не такъ.

Нѣтъ, не такъ слились бы мы
Въ сладкой связи близкой тьмы,
Какъ мы слиты силой сновъ,
Безъ любви, и безъ оковъ.

Я не знаю, какъ же быть?
Какъ любить—и не любить?
Духъ далекій, духъ родной,
Вѣчно-ль будешь ты со мной?

XX.

ШИПОВНИКЪ.

Шиповникъ алый,
Шиповникъ бѣлый.
Одинъ—усталый,
И опѣмѣлый,
Другой—влюбленный,
Лѣниво-страстный,
Душистый, сонный,
И красный, красный.

Едва вздыхая,
И цѣпенѣя,
Въ дыханьи мая
Влюбляясь, млѣя,
Они мечтаютъ
О невозможномъ,
И доцвѣтаютъ
Во снѣ тревожномъ.

И близко, близко
Одинъ къ другому,
Въ корняхъ, такъ низко,
Хранятъ истому,
Въ листахъ, въ вершинахъ,
Въ цвѣтахъ, повсюду,
И въ снахъ единыхъ
Открылись чуду.

О, чудо мая
Неотвратимо!
Но время, тая,
Проходитъ мимо,
Но май устанетъ,
И онѣмѣетъ,
И вѣтеръ встанетъ,
Цвѣты развѣетъ.

Ихъ рокъ—быть рядомъ
И жаждать слиться,
Ихъ рокъ—лишь взглядомъ
Соединиться.
О, сонъ усталый,
О, вздохъ несмѣлый!
Шиповникъ алый,
Шиповникъ бѣлый!

XXI.

СРАЗУ.

Ты мнѣ понравилась такъ сразу оттого,
Что ты такъ дѣвственно-стыдлива и прекрасна,
Но за стыдливостью, и сдержанно, и страстно,
Коснулось что-то сердца твоего.

Въ твои глаза взглянувъ, я вижу въ зыбкомъ взорѣ,
Что страсть была тебѣ знакома и близка.
Ты легкая волна, играющая въ морѣ,
Ты тонкій стебель нѣжнаго цвѣтка.

Дыханьемъ вѣтерка, въ завѣтное мгновенье,
Нарушена была твоя нѣмая тишь,
Но было такъ легко его прикосновенье,
Что ты его едва-едва таишь.

Мнѣ все же чудится, что ласки поцѣлуя
Ты ясно слышала, и знаешь сладость ихъ,
И я, увидя зыбь глубокихъ глазъ твоихъ,
Тебя люблю, желая и ревнуя.

XXII.

БѢЛЫЙ ЦВѢТОКЪ.

Въ твои глаза взглянувши, я понялъ въ тотъ же мигъ,
Что ты цвѣтокъ воздушный и сладостный родникъ.

Въ твоей душѣ такъ много прозрачныхъ свѣтлыхъ водъ,
И надъ водой зеркальной цвѣтокъ-мечта живетъ.

Весь бѣлый, бѣлый, бѣлый, онъ лишь въ себя влюбленъ.
Его восторгъ воздушный ни съ кѣмъ не раздѣленъ.

Но я люблю воздушность и бѣлые цвѣты.
Прекрасная! Запомни, что мнѣ желанна ты!

XXIII.

ТЫ ЗДѢСЬ.

Ты здѣсь, со мною, такъ близко-близко.
Я полонъ счастья. Въ душѣ гроза.
Ты цѣпенѣешь—какъ одалиска,
Полузакрывши свои глаза.

Кого ты любишь? Чего ты хочешь?
Теперь томишься? Иль съ давнихъ поръ?
О чемъ поешь ты, о чемъ пророчишь,
О, затѣненный, но яркій взоръ?

Мое блаженство, побудь со мною,
Я весь желанье, я весь гроза.
Я весь исполненъ тобой одною.
Открой мнѣ счастье! Закрой глаза!

XXIV.

ЧЕРЕМУХА.

Черемухой душистой съ тобой опьянены,
Мы вдругъ забыли утро, и вдругъ вступили въ сны.

И утро превратилось въ моря безъ береговъ,
Моря пловучихъ тучекъ, вѣтвей, кустовъ, цвѣтовъ.

Цвѣты, деревья, травы, и травы, и цвѣты,
Моря цвѣтовъ и красокъ, любовь, и я, и ты.

Лицо къ лицу склонивши и руку въ руку взявъ,
Мы вдругъ прониклись счастьемъ легко дрожащихъ травъ.

Безмѣрнымъ свѣтомъ Солнце свѣтило съ высоты,
И было изумленье, восторгъ, и я, и ты.

Въ насъ царствовала Вѣчность, въ насъ былъ короткій часъ,
И утро выростало для насъ, для насъ, для насъ.

Мы были два сіянья, два призрака весны,
Черемухой душистой подсказанные сны.

XXV.

ПРОЗРАЧНОСТЬ.

Воздухъ сталъ прозрачнѣй и печальнѣй,
Умеръ день, а ночь не родилась.
Изъ окна, въ своей опочивальнѣ,
Лишь одна звѣзда, блеснувъ, зажглась.

Облачкомъ окутанная бѣлымъ,
Ласково глядѣла съ высоты,
Призракомъ воздушно-онѣмѣлымъ,
Образомъ нетлѣнной чистоты.

И съ тобой, по берегу морскому,
Я впередъ безгласно уходилъ,
Къ новому, къ нежданному, къ другому,
Къ воздуху безъ тучъ и безъ свѣтилъ.

XXVI.

* * *

Ты вся мнѣ кажешься какой-то тайной сладкой,
Когда вотъ здѣсь, вотъ тутъ, молчишь, едва дыша,
И для меня навѣкъ останется загадкой
Твоя безмолвная душа.

Всѣмъ видомъ сказочнымъ, немножко старосвѣтскимъ,
Напоминающимъ прадѣдовскіе дни,
И этимъ голосомъ, задержаннымъ и дѣтскимъ,
Ты точно говоришь: „Усни".

Когда же ты поешь такъ сладостно и ровно,
Ты вся мнѣ кажешься нетронутымъ цвѣткомъ,
Едва лелѣемымъ, стыдливо и любовно,
Полувлюбленнымъ вѣеркомъ.

XXVII.

ШЕСТНАДЦАТИ ЛѢТЪ.

Счастливая дѣвушка
Шестнадцати лѣтъ!
О, возрастъ влюбленности
И быстрыхъ побѣдъ!
О, мигъ пробужденія,
Румяный расцвѣтъ!

Весь міръ вамъ—какъ житница,
Онъ нэмъ только пустъ.
Онъ вамъ улыбается,
Какъ розовый кустъ,
Какъ нѣжность подвижная
Смѣющихся устъ.

Къ вамъ жизнь приближается,
Ласкаетъ, зоветъ.
Подъ солнцемъ на озерѣ
Вскрывается ледъ.
На пчельникѣ топится
И копится медъ.

Во всемъ обѣщанія
И ласковый свѣтъ.
Вы спросите, взглянете,
Вамъ будетъ отвѣтъ.
О, милая дѣвушка
Шестнадцати лѣтъ!

XXVIII.

ЗАМАРАШКА.

Уличной испанкѣ.

Бѣдная ты замарашка,
Сѣренькій робкій звѣрокъ,
Ты полевая ромашка,
Никѣмъ не любимый цвѣтокъ.

Ты и не знаешь, какъ манитъ
Прелесть незнатныхъ полей,
Видъ твой души не обманетъ,
Ты всѣхъ мнѣ красавицъ милѣй.

XXIX.

КОЛДУНЬЯ.

СОНЕТЪ.

Какъ медленно, какъ тягостно, какъ скучно
Проходитъ жизнь, являя тотъ же ликъ.
Широкая рѣка течетъ беззвучно,
А въ сердцѣ дышитъ бьющійся родникъ.

И новаго онъ хочетъ каждый мигъ,
И старое онъ видитъ неотлучно.
Субботній день, какъ всѣ, прошелъ, поникъ,
И полночь бьетъ, и полночь однозвучна.

Такъ что же, завтра—снова какъ вчера?
Нѣтъ, есть восторгъ минуты изступленной.
Меня зовутъ. Я слышу. Такъ. Пора.

Пусть завтра встрѣчу смерть въ чаду костра,—
За сладость счастья сладко быть сожженной.
Межь демоновъ я буду до утра!

XXX.

МОРСКАЯ ДУША.

У нея глаза морского цвѣта,
И живетъ она какъ бы во снѣ.
Отъ весны до окончанья лѣта
Духъ ея въ нездѣшней сторонѣ.

Ждетъ она чего-то молчаливо,
Гдѣ сильнѣй всего шумитъ прибой,
И въ глазахъ глубокихъ въ мигъ отлива
Холодѣетъ сумракъ голубой.

А когда высоко встанетъ буря,
Вся она застынетъ, внемля плескъ,
И глядитъ какъ звѣрь, глаза прищуря,
И въ глазахъ ея зеленый блескъ.

А когда настанетъ половодье,
Вся изнемогая отъ тоски,
Блѣдная влюбленная колдунья
Расширяетъ черные зрачки.

И слова какого-то обѣта
Все твердитъ, взволнованно дыша,
У нея глаза морского цвѣта,
У нея невѣрная душа.

XXXI.

СЕМИЦВѢТНИКЪ.

Люси Савицкой.

Нѣжнѣе, чѣмъ польская панна,
И значитъ нѣжнѣе всего.

Бальмонтъ.

1.

Лѣсной ручей поетъ, не зная почему,
Но онъ свѣтло журчитъ и нарушаетъ тьму.
А въ трепетѣ лучей поетъ еще звончѣй,
Какъ будто говоря, что онъ ничей, ничей.

Такъ ты всегда свѣтла, не зная почему,
И быть такой должна, наперекоръ всему.
Твоя душа—напѣвъ звенящаго ручья,
Который говоритъ, что ты ничья, ничья.

2.

Смотри, какъ звѣзды въ вышинѣ
Свѣтло горятъ тебѣ и мнѣ.
Онѣ не думаютъ о насъ,
Но свѣтятъ намъ въ полночный часъ.

Прекрасенъ ими небосклонъ,
Въ нихъ вѣченъ свѣтъ, и вѣченъ сонъ.
И кто ихъ видитъ—жизни радъ,
Чужою жизнію богатъ.

Моя любовь, моя звѣзда,
Такой какъ звѣзды будь всегда.
Горя не думай обо мнѣ.
Но дай побыть мнѣ въ звѣздномъ снѣ.

3.

Нѣтъ, ты не поняла, что въ безднѣ пустоты
Я не обрывъ, не тьма, а вольный сонъ мечты,
Такой же радостный и вкрадчивый, какъ ты.

Я пропасти люблю, но такъ же, какъ лѣса,
Молчанье, и за нимъ—земные голоса,
И все подземное, и свѣтъ, и небеса.

Я, безконечное въ конечномъ ощутивъ,
Люблю и высоту, влюбляюсь и въ обрывъ,
И я въ чудовищномъ свободенъ и красивъ.

Свободенъ, потому, что только мигъ я въ немъ,
И сладко сплю въ тѣни, сказавши тьмѣ: „Уснемъ".
Но вотъ ужь я возсталъ, я весь огонь съ огнемъ.

Мы всюду встрѣтимся, гдѣ чары красоты,
Гдѣ въ самомъ хаосѣ завершены черты,
Гдѣ свѣтъ гармоніи, гдѣ счастіе, гдѣ ты.

4.

Люси, моя весна! Люси, моя любовь!
Какъ сладко снова жить, и видѣть солнце вновь.
Я былъ въ глубокой тьмѣ, моя душа спала,
Но задрожала мгла, когда весна пришла.

Восторгомъ стала боль, отвѣтомъ сталъ вопросъ,
Отъ смѣха губъ твоихъ, и золота волосъ.
И тонкій станъ ко мнѣ прильнулъ въ воздушномъ спѣ,
И предалъ я свой духъ чарующей веснѣ.

О, стройная мечта, не разлучусь я съ ней!
Кто въ мірѣ можетъ быть моей Люси нѣжнѣй?
Кто лучше всѣхъ? Люси, спроси ручей, цвѣты:
Лучи, ручей, цвѣты мнѣ говорятъ, что—ты!

5.

Кто полюбивъ—не сразу полюбилъ?
Въ глубокой тьмѣ—горятъ огни свѣтилъ.
И кто уставъ—свою покинулъ тьму,
Его звѣзда—свѣтло горитъ ему.

Къ тебѣ прильнувъ—я вижу бездну водъ.
Въ моихъ зрачкахъ—твой гордый блескъ живетъ.
Зеркаленъ ликъ—прозрачной глубины,
Тамъ два стебля—влюбленно сплетены.

Въ одномъ цвѣткѣ—какъ бархатная ночь,
Въ другомъ цвѣткѣ—огонь, что рвется прочь.
И мы горимъ—прекраснѣй нѣтъ свѣтилъ,
И въ первый разъ—я сразу полюбилъ.

6.

Когда сейчасъ передо мною
Ты въ сладострастьи замерла,
Одною схвачены волною,
Мы отдались любви и зною,
Но въ нашихъ взорахъ пеленою
Возникла трепетная мгла.

И мы глаза свои закрыли,
Чтобъ видѣть лишь себя во снѣ,
И въ блескѣ сна, въ цвѣточной пыли,
Мы жизнью слитно-разной жили,
Какъ два видѣнья той же были,
Какъ два луча въ одной волнѣ.

И всѣ слова одной страницы
Соединить насъ не могли,
Сверкнувъ другъ другу какъ зарницы,
Тонули мы какъ въ небѣ птицы,
И ты, полуоткрывъ рѣсницы,
Была вблизи—но какъ вдали!

7.

„Зачѣмъ ты хочешь словъ? Ужели ты не видишь,
„Какъ сладко мнѣ съ тобой, цвѣтокъ мой голубой?
„Ни друга, ни врага ты взглядомъ не обидишь,
„Цвѣтешь, всегда цвѣтешь, взлелѣянный Судьбой.

„Зачѣмъ тебѣ слова? Я какъ и ты безгласна.
„Я сны истомные лелѣю какъ и ты.
„Смотри, какъ дышимъ мы, тревожно, нѣжно, страстно...
„О, милый, милый мой! Вѣдь мы съ тобой—цвѣты!“

XXXII.

* * *

Влага только на мгновенье
Можетъ къ лотосу прильнуть,
Дастъ ему свое забвенье,
И опять стремится въ путь.

Лотосъ только на мгновенье
Принимаетъ поцѣлуй
И восторгъ прикосновенья
Перемѣнно-быстрыхъ струй.

Мигъ блаженства, легкость ласки,
Вольно-слитныя сердца,
Прелесть призрачной завязки
И мгновеннаго конца.

Лотосъ послѣ быстрой ласки
Весь блеститъ легко дрожа,
И вода въ подвижной сказкѣ
Обновленна и свѣжа.

XXXIII.

ТРИ ЦВѢТА.

Черный, желтый, и красный,
Три испанскіе цвѣта.
Сліянье тріады согласной
Разгадано сердцемъ поэта.

Черный цвѣтъ подозрѣнья
Страшенъ душамъ невѣрнымъ,
Обманчивый мигъ утоленья
Къ возмездьямъ приводитъ примѣрнымъ.

Желтый—дикая ревность,
Жгучесть раненой чести,
До времени скрытая гнѣвность,
Злорадство разсчитанной мести.

Всѣхъ отчетливѣй—красный,
Полный жизни и смерти.
Довѣрьтесь тріадѣ согласной,
Любите, но страсти не вѣрьте!

XXXIV.

СЕРЕНАДА.

Я сомкнулъ глаза усталые,
Міра больше нѣтъ.
Плачьте, плачьте, запоздалые,
Свѣтитъ вамъ лишь поздній свѣтъ.
Дышатъ сумерки неясныя,
Смотрятъ звѣзды съ высоты.
Плачьте, страстные, подвластные
Тайнамъ темноты.

Я закрылъ глаза усталые,
Стройный міръ погасъ.
Кровь слагаетъ сказки алыя,
И обманываетъ насъ.
Дышатъ шелесты неясные,
Дымно спитъ рѣчная гладь.
Плачьте, страстные, безгласные,
Вамъ недолго спать.

XXXV.

КРЕСТОНОСЕЦЪ.

СОНЕТЪ.

Ни ревности, ни скукѣ, ни злословью,
Моей души живой я не предамъ.
Блуждая по несчетнымъ городамъ,
Однимъ я услажденъ всегда—любовью.

Мой умъ увлекъ меня къ Средневѣковью,
Ко днямъ служенья тающимъ мечтамъ.
И, крестоносецъ, годы я отдамъ,
Чтобъ розы сновъ зардѣлись алой кровью.

Моей! Моей! Невѣрныхъ больше нѣтъ.
Въ пустынѣ—все смѣшавшихъ—долгихъ лѣтъ
Сравнялись всѣ молитвы и проклятья.

И въ вѣрность дней не вѣрю я одинъ.
Во имя жертвы, счастья безъ объятья,
Я сумрачный, я гордый паладинъ.

ЗАЧАРОВАННЫЙ ГРОТЪ

I.

* * *

О, Сафо, знаешь только ты
Необъяснимость откровенья
Непобѣжденной красоты
Въ лучахъ безсмертнаго мгновенья!

О, Сафо, знаешь только ты,—
Чье имя—сладость аромата,—
Непзреченныя мечты,
Для насъ блеснувшія когда-то!

О, Сафо, знаешь только ты,
Какъ ярко ширятся, безъ счета,
Непостижимые цвѣты
Изъ зачарованнаго грота!

II.

* * *

Жизнь проходитъ,—вѣченъ сонъ.
Хорошо мнѣ,—я влюбленъ.

Жизнь проходитъ,—сказка нѣтъ.
Хорошо мнѣ,—я поэтъ.

Душенъ міръ,—въ душѣ свѣжо.
Хорошо мнѣ, хорошо.

III.

ОТПАДЕНІЯ.

Отпаденія въ міръ сладострастія
Намъ самою Судьбой суждены.
Намъ невѣдомо высшее счастіе.
И любить, и желать—мы должны.

И не любитъ-ли жизнь настоящее?
И не свѣтятъ-ли звѣзды за мглой?
И не хочетъ-ли Солнце горящее
Сочетаться любовью съ Землей?

И не дышитъ-ли влага прозрачная,
Въ глубину принимая лучи?
И не ждетъ-ли Земля новобрачная?
Такъ люби. И цѣлуй. И молчи.

IV.

МОЕ ПРИКОСНОВЕНЬЕ.

Мое прикосновенье,
Мой сладкій поцѣлуй—
Какъ свѣтлое забвенье,
Какъ пѣнье вешнихъ струй.

Воздушное лобзанье,
До истощенья силъ—
Какъ сладость приказанья
Того, кто сердцу милъ.

Оно легко змѣится
Вдоль тѣла и лица —
И длится, длится, длится,
Какъ будто безъ конца.

V.

* * *

Мой милый!—ты сказала мнѣ.—
Зачѣмъ въ душевной глубинѣ
Ты будишь бурныя желанья?
Все, что въ тебѣ, влечетъ меня.
И вотъ въ душѣ моей, звеня,
Ростетъ, ростетъ очарованье!

Тебя люблю я столько лѣтъ,
И нѣженъ я, и я поэтъ.
Такъ какъ же это, совершенство,
Что я тебя своей не звалъ,
Что я тебя не цѣловалъ,
Не задыхался отъ блаженства?

Скажи мнѣ, счастье, почему?
Пойми: никакъ я не пойму,
Зачѣмъ мы стали у предѣла?
Зачѣмъ не хочешь ты любить,
Себя въ восторгѣ позабыть,
Отдать и душу мнѣ и тѣло?

Пойми, о, нѣжная мечта:
Я жизнь, я солнце, красота,
Я время сказкой зачарую,
Я въ страсти звѣзды создаю,
Я весь—весна, когда пою,
Я—свѣтлый богъ, когда цѣлую!

VI.

УТРЕННИКЪ.

Я нарвалъ черемухи душистой,
Освѣженной утреннею мглой.
Какъ въ ней много пьяности росистой.
Милая, скорѣй окно открой!

Я тебя къ тебѣ самой ревную,
Я тебя такъ тѣсно обовью,
И тебя цвѣтами зачарую,
И тебя росою напою.

Предо мною тонкая преграда,
Сквозь стекло видна твоя кровать.
Нѣтъ, не надо твоего, не надо,
Дай тебя мнѣ всю поцѣловать!

VII.

Я тебя закутаю
Дрёмой грезъ плѣнительныхъ,
Я тебя опутаю
Сѣтью тонкихъ травъ,
Нѣжно забаюкаю
Сказкой ласкъ томительныхъ,
Замедленной мукою
Сладостныхъ отравъ.

Ты вздохнешь, влюбленная,
Поблѣднѣвъ отъ счастія,
Сладко-утомленная,
Какъ вечерній свѣтъ.
Скована безбрежностью
Тайны сладострастія,
Ты увидишь съ нѣжностью,
Что съ тобой—поэтъ.

VIII.

АРУМЪ.

Тропическій цвѣтокъ, багряно-пышный арумъ!
Твои цвѣты грозятъ ликующимъ пожаромъ.

Твои листы горятъ, нельзя ихъ позабыть,
Какъ копья, чья судьба—орудьемъ смерти быть.

Цвѣтокъ-чудовище, надменный и злокій,
Съ недобрымъ пламенемъ, съ двуцвѣтной поволокой.

Снаружи блещущей сіяніемъ зари,
Свѣтло-пурпуровой,—и черною внутри.

Губительный цвѣтокъ, непобѣдимый арумъ,
Я преданъ всей душой твоимъ могучимъ чарамъ.

Я знаю, что онѣ такъ пышно мнѣ сулятъ:
Съ любовнымъ праздникомъ въ нихъ дышитъ жгучій ядъ!

IX.

ХОТЬ РАЗЪ.

Мы боимся—мы дѣлимъ—дробимъ
Нашъ восторгъ предъ возникшей картиной.
О, хоть разъ я хочу быть любимъ
Съ беззавѣтностью--пусть хоть звѣриной!

Хоть звѣриной, когда неземной
На землѣ намъ постичь невозможно.
Вотъ, ты чувствуешь? Сладко со мной?
Мы не блѣдно забылись, не ложно.

Утомившись, мы снова хотимъ,
Орхидейнымъ подобные чашамъ.
Мы съ тобою весь міръ побѣдимъ,
Онъ возникнетъ чарующе-нашимъ.

Ты качаешься въ сердцѣ моемъ,
Какъ на влагѣ—восторгъ отраженій.
Мы съ тобою весь міръ закуемъ
Красотою змѣиныхъ движеній!

X.

АНИТА.

Я былъ желаненъ ей. Она меня влекла,
Испанка стройная съ горящими глазами.
Далекимъ заревомъ жила ночная мгла,
Любовь невнятными шептала голосами.
Созвучьемъ словъ своихъ она меня зажгла,
Испанка смуглая съ глубокими глазами.

Альковъ раздвинулся воздушно-кружевной,
Она не стала мнѣ шептать: „Пусти... Не надо...“
Не дѣвѣ Сѣвера, не нимфѣ ледяной,
Твердилъ я вкрадчиво: „Anita! Adorada!“
Тигрица жадная дрожала предо мной,—
И кромѣ глазъ ея мнѣ ничего не надо.

XI.

СЛІЯНІЕ.

СОНЕТЪ.

Красивый звѣрь изъ тигровой семьи,
Жестокій обликъ чувственной пантеры,
Съ тобой я слитъ въ истомномъ забытьи,
Тебя люблю, безъ разума, безъ мѣры.

Я зналъ давно, какъ властны всѣ химеры,
Я предалъ имъ мечтанія мои,
Но ты даешь мнѣ сладость новой вѣры,
Даешь мнѣ знать о новомъ бытіи.

Различности въ сліяніи единомъ,
Кошачья мягкость, съ женской красотой,
Ликъ юноши, плѣненнаго мечтой.

Влюбленный ангелъ, съ помысломъ звѣринымъ,
Возьми меня, скорѣй, мой нектаръ пей,
Ласкай меня, люби меня, убей!

XII.

РУСАЛКА.

Если можешь, пойми. Если хочешь, возьми.
Ты одинъ мнѣ понравился между людьми.
До тебя я была холодна и блѣдна.
Я съ глубокаго, тихаго, темнаго дна.

Нѣтъ, помедли. Сейчасъ загорится для насъ
Молодая Луна. Вотъ, ты видишь? Зажглась!
Дышитъ мракъ голубой. Ну, цѣлуй же! Ты мой?
Здѣсь. И здѣсь. Такъ. И здѣсь... Ахъ, какъ сладко съ тобой!

XIII.

* * *

Я ласкалъ ее долго, ласкалъ до утра,
Цѣловалъ ея губы и плечи.
И она наконецъ прошептала: „Пора!
„Мой желанный, прощай же—до встрѣчи".

И часы пронеслись. Я стоялъ у волны.
Въ ней качалась русалка нагая.
Но не блѣдная дѣва вчерашней Луны,
Но не та, но не та, а другая.

И, ее оттолкнувъ, я упалъ на песокъ,
А русалка, со смѣхомъ во взорѣ,
Вдругъ запѣла: „Просторъ полноводный глубокъ.
„Много дѣвъ, много раковинъ въ морѣ.

„Тотъ, кто слышалъ напѣвъ первозданной волны,
„Вѣчно полонъ мечтаній безбрежныхъ.
„Мы—съ глубокаго дна, и у той глубины
„Много дѣвъ, много раковинъ нѣжныхъ".

XIV.

КОЛДУНЬЯ ВЛЮБЛЕННАЯ.

Мнѣ вѣдомо пламя отчаянья,
Я знаю, что̀ знаютъ въ аду.
Но, мраку отдавшись, бѣгу отъ раскаянья,
И новыхъ грѣховъ задыхаяся жду.

Красивую маску безстрастія
Лишь равный способенъ понять.
Глаза мои могутъ ослѣпнуть отъ счастія,
Ослѣпнуть отъ муки,—но слезъ имъ не знать.

О, да, я колдунья влюбленная,
Смѣюсь, по обрыву скользя.
Я ночью безумна, я днемъ полусонная,
Другой я не буду—не буду—нельзя.

XV.

ИГРАЮЩЕЙ ВЪ ИГРЫ ЛЮБОВНЫЯ.

Есть поцѣлуи—какъ сны свободные,
Блаженно-яркіе, до изступленія.
Есть поцѣлуи—какъ снѣгъ холодные.
Есть поцѣлуи—какъ оскорбленіе.

О, поцѣлуи—насильно данные,
О, поцѣлуи—во имя мщенія!
Какіе жгучіе, какіе странные,
Съ ихъ вспышкой счастія и отвращенія!

Бѣги же съ трепетомъ отъ изступленности,
Нѣтъ мѣры снамъ моимъ, и нѣтъ названія.
Я силенъ—волею моей влюбленности,
Я силенъ дерзостью—негодованія!

XVI.

НЕРЕИДА.

Нѣтъ, не даромъ я по взморью возлѣ пѣнныхъ волнъ бродилъ,
Въ часъ, когда встаютъ туманы, какъ застывшій дымъ кадилъ.
Нѣтъ, не даромъ я въ легенды мыслью жадною впикалъ,
Постигая духовъ моря, лѣса, воздуха и скалъ.
Вотъ и полночь. Надъ прибоемъ свѣтитъ полная Луна.
И упорно возникаетъ, на мгновенье, тишина.
Между шорохомъ, и шумомъ, и шипѣніемъ волны,
Недовольной этимъ быстрымъ наступленьемъ тишины.
Между шелестомъ свистящимъ все ростущихъ быстрыхъ водъ
Возникаютъ нереиды, отдаленный хороводъ.
Всѣ похожи и различны, всѣ влекутъ отъ свѣта въ тьму,
Всѣ подвластны безъ различья назначенью одному.
Чуть одну изъ нихъ отмѣтишь, между ею и тобой
Дрогнетъ мягко и призывно сумракъ ночи голубой.
И отъ глазъ твоихъ исчезнетъ отдаленный хороводъ,—
Лишь она одна предстанетъ на дрожащей зыби водъ.
Полудѣва, полурыба, изъ волосъ сплететъ звено,
И, приблизивъ ликъ свой лживый, увлечетъ тебя на дно.

Я васъ знаю, нереиды. Вотъ и полночь. Тишина.
Надъ прерывистымъ прибоемъ свѣтитъ полная Луна.
Я взглянулъ, и мягко дрогнулъ сумракъ ночи голубой.
„Мой желанный! Мой любимый! Какъ отрадно мнѣ съ тобой!
„Мой желанный! Мой любимый!“—Нѣтъ, постой меня ласкать.
И за сѣть волосъ лучистыхъ я рукою быстрой хвать.
Полудѣва! Полурыба! Не изъ водныхъ духовъ я!
Не огнемъ желаній тщетныхъ зажжена душа моя.
Если любишь, будь со мною, ласку дерзкую возьми
И, узнавши власть поэта, издѣвайся надъ людьми.
И красавицу морскую я цѣлую въ лунной мглѣ,
Бросивъ чуждую стихію, тороплюсь къ родной землѣ.
И упрямую добычу прочь отъ пѣнныхъ брызгъ влеку,
Внемля шорохъ, свистъ и шелестъ водъ, бѣгущихъ по песку.

XVII.

* * *

Я больше ее не люблю,
А сердце умретъ безъ любви.
Я больше ее не люблю,
И жизнь мою смертью зови.

Я буря, я пропасть, я ночь,
Кого обнимаю, гублю.
О, счастіе вольности!—Прочь!
Я больше тебя не люблю!

XVIII.

* * *

Да, я люблю одну тебя,
За то, что вся ты—страсть,
За то, что ты, забывъ себя,
Спѣшишь съ высотъ упасть.

Съ высотъ холодныхъ и нѣмыхъ
Тебя я заманилъ
Туда, гдѣ слышенъ звонкій стихъ,
Гдѣ не любить нѣтъ силъ.

И въ этой пропасти глухой
Мы—утро бытія.
Смотри, желанная, я твой,
Смотри, ты вся—моя.

XIX.

ХОЧУ.

Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ,
Изъ сочныхъ гроздій вѣнки свивать.
Хочу упиться роскошнымъ тѣломъ,
Хочу одежды съ тебя сорвать!

Хочу я зноя атласной груди,
Мы два желанья въ одно сольемъ.
Уйдите, боги! Уйдите, люди!
Мнѣ сладко съ нею побыть вдвоемъ!

Пусть будетъ завтра и мракъ и холодъ,
Сегодня сердце отдамъ лучу.
Я буду счастливъ! Я буду молодъ!
Я буду дерзокъ! Я такъ хочу!

XX.

* * *

Я войду въ зачарованный гротъ,
Я узнаю всю сладость земную.
Тамъ красавица милаго ждетъ,
Я воздушно ее поцѣлую.

Горячо къ ней прижмусь и прильну,
Въ опьянѣньи своемъ закачаю.
Я люблю молодую волну,
Я желанье лобзаньемъ встрѣчаю.

Безгранично-глубокъ небосводъ,
И, какъ небо, мечтанья безкрайны.
Я люблю зачарованный гротъ:
Въ немъ для любящихъ вѣчныя тайны.

XXI.

ПѢНЬЕ РУЧЬЯ.

Въ пѣньи звонкаго ручья
Перемѣнность трепетанья.
Въ немъ отдѣльность бытія,
Восхваленье мірозданья.

Онъ сорвался съ высоты,
Возжелавъ безвѣстной дали.
Многоснѣжные хребты
Въ немъ стремленье воспитали.

И покинувъ горный склонъ,
И себя любя безъ мѣры,
Весь вспѣненъ, домчался онъ
До заманчивой пещеры.

Въ лабиринтъ ея проникъ.
Что тамъ было? Что тамъ стало?
Чей-то вскрикъ въ тиши возникъ,
Такъ воздушно и устало.

Гдѣ-то алые цвѣты
Зашептались, закачались,
И видѣнья красоты
Поцѣлуемъ повстрѣчались.

Поцѣлуй? Зачѣмъ? И чей?
Кто узнаетъ! Это тайна...
Дальше, прочь бѣжитъ ручей,
Онъ въ пещерѣ былъ случайно.

XXII.

* * *

Мы съ тобой сплетемся въ забытьи:
Ты—среди подушекъ, на диванѣ,
Я—прижавъ къ тебѣ уста мои,
На колѣняхъ, въ чувственномъ туманѣ.

Спущены тяжелыя драпри,
Изъ угла намъ свѣтятъ канделябры,
Я увижу волны, блескъ зари,
Рыбъ морскихъ чуть дышащія жабры.

Бѣлыхъ ногъ, предавшихся мечтамъ,
Красоту и нѣгу безъ предѣла,
Отданное стиснутымъ рукамъ,
Судорожно бьющееся тѣло.

Раковины мягкій мракъ любя,
Дальнихъ глазъ твоихъ ища глазами,
Буду жечь, впивать, вбирать тебя
Жадными несытыми губами.

Солнце встанетъ, свѣтъ его умретъ.
Что намъ Солнце—разума угрозы?
Тотъ, кто любитъ, влажный медъ сберетъ
Съ вѣнчика раскрытой—скрытой розы.

XXIII.

ВЕСЕЛЫЙ ДОЖДЬ.

Веселый дождь низлился съ высоты,
Когда смѣялось утро Мая.
Прошелъ въ лѣсахъ, взростилъ въ садахъ цвѣты,
Весь міръ улыбкой обнимая.

Веселый дождь, источникъ нѣжныхъ сновъ,
Твой зовъ къ забвенью сердце слышитъ.
Какъ много въ міръ ты намъ послалъ цвѣтовъ,
Ты праздникъ въ жизни всѣхъ, кто дышитъ.

XXIV.

* * *

У ногъ твоихъ я понялъ въ первый разъ,
Что красота объятій и лобзаній
Не въ ласкахъ губъ, не въ поцѣлуѣ глазъ,
А въ страсти незабвенныхъ трепетаній,—

Когда глаза—въ далекіе глаза—
Глядятъ, какъ смотритъ коршунъ опьяненный,—
Когда въ душѣ нависшая гроза
Пылилась въ бурѣ странно-измѣненной,—

Когда въ душѣ, какъ перепѣвный стихъ,
Услышанный отъ властнаго поэта,
Дрожитъ любовь ко мглѣ—у ногъ твоихъ,
Ко мглѣ и тьмѣ, нѣжнѣй чѣмъ ласки свѣта.

XXV.

* * *

За то, что нѣтъ благословенія
Для нашей сказки—отъ людей;—
За то, что ищемъ мы забвенія
Не въ блескѣ принятыхъ страстей;—

За то, что въ сладостной безцѣльности
Мы тайной связаны съ тобой;—
За то, что тонемъ въ безпредѣльности,
Непобѣжденные Судьбой;—

За то, что наше упоеніе
Непостижимо намъ самимъ;—
За то, что силою стремленія
Себя мы пыткамъ предадимъ;—

За новый обликъ сладострастія,—
Душой безумной и слѣпой,—
Я проклялъ все,—во имя счастія,
Во имя гибели съ тобой.

XXVI.

* * *

Она отдалась безъ упрека,
Она цѣловала безъ словъ.
— Какъ темное море глубоко,
Какъ дышатъ края облаковъ!

Она не твердила: „Не надо“,
Обѣтовъ она не ждала.
— Какъ сладостно дышитъ прохлада,
Какъ таетъ вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утратъ.
— Какъ сказочно свѣтятъ созвѣздья,
Какъ звѣзды безсмертно горятъ!

DANSES MACABRES

I.

ПОЭТЫ.

Ю. Балтрушайтису.

Тебѣ извѣстны, какъ и мнѣ,
Непобѣдимыя влеченія,
И мы—въ небесной вышинѣ,
И мы—подводныя теченія.

Предъ нами дышитъ череда
Явленій Силы и Недужности,
И въ центрѣ круга мы всегда,
И мы мелькаемъ по окружности.

Мы смотримъ въ зеркало Судьбы,
И какъ на праздникъ наряжаемся,
Полувладыки и рабы,
Вкругъ темныхъ склеповъ собираемся.

И, услыхавъ полночный бой,
Упившись музыкой желѣзною,
Мы мчимся въ пляскѣ круговой
Надъ раскрывающейся бездною.

Игра кладбищенскихъ огней
Насъ манитъ сказочными чарами,
Вездѣ гдѣ смерть, мы тутъ же съ ней,
Какъ тѣни дымныя—съ пожарами.

И мы незримые горимъ,
И сонъ чужой тревожимъ ласками,
И межь неопытныхъ царимъ
Безумьемъ, ужасомъ и сказками.

II.

ЗАКЛЯТІЕ.

1.

Я видѣлъ правду только разъ,
Когда солгали мнѣ.
И съ той поры, и въ этотъ часъ,
Я весь горю въ огнѣ.

Я былъ ребенкомъ лѣтъ пяти,
И мнѣ жилось легко.
И я не зналъ, что я въ пути,
Что буду далеко.

Безбольный міръ кругомъ дышалъ
Обманами цвѣтовъ.
Я счастливъ былъ, я крѣпко спалъ,
И каждый день былъ новъ.

Усадьба, липы, старый садъ,
Стрекозы, камыши.
Зачѣмъ нельзя уйти назадъ
И кончить жизнь въ тиши?

Я въ лѣтній день спросилъ отца:
„Скажи мнѣ: вѣченъ свѣтъ?“
Улыбкой грустнаго лица
Онъ мнѣ отвѣтилъ: „Нѣтъ“.

И мать спросилъ я въ полуснѣ:
„Скажи: Онъ добрый—Богъ?"
Она кивнула молча мнѣ,
И удержала вздохъ.

Но какъ же такъ, но какъ же такъ?
Одинъ сказалъ мнѣ: „Да",
Другой сказалъ, что будетъ мракъ,
Что въ жизни нѣтъ „Всегда".

И сталъ я спрашивать себя,
Гдѣ правда, гдѣ обманъ,
И кто же мучаетъ любя,
И мракъ зачѣмъ намъ данъ.

2.

Я вышелъ утромъ въ старый садъ
И легъ среди травы.
И былъ расцвѣтъ растеній смятъ
Отъ дѣтской головы.

Въ саду былъ черный ветхій чанъ
Съ зацвѣтшею водой.
Онъ былъ какъ знакъ безвѣстныхъ странъ,
Онъ былъ моей мечтой.

Вонъ ряска тамъ, подъ ней вода,
Лягушка тамъ живетъ.
И вдругъ ко мнѣ пришла Бѣда,
И замеръ небосводъ.

Жестокой грезой дѣтскій умъ
Внезапно былъ смущенъ,
И злою волей, силой думъ,
Онъ въ рабство обращенъ.

Такъ грязенъ чанъ, въ немъ грязный мохъ..
Я слышалъ мысль мою.
Что если буду я какъ Богъ?
Что если я убью?

Лягушкѣ тѣсно и темно,
Пусть въ Рай она войдетъ.
И руку дѣтскую на дно
Увлекъ водоворотъ.

Водоворотъ безумныхъ сновъ,
Непоправимыхъ думъ.
Но садъ кругомъ былъ ярко-новъ,
И свѣтелъ былъ мой умъ.

Я помню скользкое въ рукахъ,
Я помню холодъ, дрожь,
Я помню Солнце въ облакахъ,
И въ дѣтскихъ пальцахъ ножъ.

Я темный духъ, я гномный царь,
Минута не долга.
И торжествующій дикарь
Скальпировалъ врага.

И что-то билось безъ конца
Въ глубокой тишинѣ.
И призракъ страшнаго лица
Приблизился ко мнѣ.

И кто-то близкій мнѣ сказалъ,
Что проклятъ я теперь,
Что кто слабѣйшаго терзалъ,
Въ томъ сердца нѣтъ, онъ звѣрь..

Но странно былъ мой умъ упрямъ,
И молча думалъ я,
Что боль дана какъ правда намъ,
Чужая и моя.

3.

О, знаю, боль сильнѣй всего,
И ярче всѣхъ огней,
Безъ боли тупо и мертво
Мельканье жалкихъ дней.

И я порой терзалъ другихъ,
Я мучилъ ихъ... Ну, что жъ!
Зато я создалъ звонкій стихъ,
И этотъ стихъ не ложь.

Кому я радость доставлялъ,
Тотъ спалъ, какъ сытый звѣрь.
Кого терзаться заставлялъ,
Предъ тѣмъ открылась дверь.

И самъ въ безжалостной борьбѣ
Терзаніе принявъ,
Благословенье шлю тебѣ,
Кто предо мной неправъ.

Быть-можетъ, ересь я пою?
Мой духъ ослѣпъ, оглохъ?
О, нѣтъ, я слышу мысль мою,
Я знаю, вѣченъ Богъ!

III.

КОСТРЫ.

Да, и жгучіе костры
Это только сонъ игры.
Мы играемъ въ палачей.
Чей же проигрышъ? Ничей.

Мы мѣняемся всегда.
Нынче „нѣтъ“, а завтра „да“.
Нынче я, а завтра ты.
Все во имя Красоты.

Каждый звукъ—условный крикъ.
Есть у каждаго двойникъ.
Каждый тамъ глядитъ какъ духъ,
Здѣсь тѣлесно грезитъ вслухъ.

И пока мы здѣсь дрожимъ,
Міръ всемірный нерушимъ.
Но въ желаньи глянуть внизъ
Всѣ верховные сошлись.

Каждый любитъ, тѣнь любя,
Видѣть въ зеркалѣ себя.
И сплетенье всѣхъ въ одно
Глубиной повторено.

Но, во имя глубины,
Мы страдаемъ, видя сны.
Всѣ мы здѣсь, наоборотъ,
Повторяемъ небосводъ.

Свѣтъ оттуда—здѣсь какъ тѣнь,
День—какъ ночь, и ночь—какъ день.
Вѣчный творческій восторгъ
Этотъ міръ какъ крикъ исторгъ.

Міръ страданьемъ освященъ,
Жги меня, и будь сожженъ.
Нынче я, а завтра ты,
Все во имя Красоты.

IV.

ТАЙНА ГОРБУНА.

Ты, конечно, проходилъ
По обширнымъ городамъ.
Много мраковъ и свѣтилъ,
Много разныхъ чудищъ тамъ.

Поглядишь и тамъ и тутъ,
Видишь полчища людей.
Цѣлый міръ въ любомъ замкнутъ,
Міръ обмановъ и затѣй.

Почему у горбуна
Такъ насмѣшливо лицо?
Въ этомъ домѣ два окна,
Есть въ немъ дверь и есть крыльцо.

Что жь, войдемъ и поглядимъ.
Въ этомъ скрыто что-нибудь.
Если мы душою съ нимъ,
Онъ не можетъ дверь замкнуть.

Мы заходимъ въ темный ходъ,
Видны знаки по стѣнамъ.
Опрокинутъ небосводъ.
И немножко жутко намъ!

Умъ нашъ новостью смущенъ,
Искаженность манитъ насъ.
Здѣсь нежданный свѣтъ зажженъ,
Постоянный свѣтъ погасъ.

Кто вошелъ въ такой уютъ,
Къ Сатанѣ онъ бросилъ взглядъ.
Въ этой храминѣ поютъ,
И, какъ въ храмѣ, здѣсь кадятъ.

Кверху поднятымъ лицомъ
Примешь небо и весну.
Спину выгнувши кольцомъ,
Встрѣтишь мракъ и глубину.

И невольно душитъ смѣхъ,
И ликуешь какъ змѣя.
Оттого что тайный грѣхъ—
Оттѣненье бытія.

Оттого у горбуна
И насмѣшливо лицо.
Эта странная спина—
Сатанинское кольцо!

V.

ГОЛОСЪ ДЬЯВОЛА.

Я ненавижу всѣхъ святыхъ,
Они заботятся мучительно
О жалкихъ помыслахъ своихъ,
Себя спасаютъ исключительно.

За душу страшно имъ свою,
Имъ страшны пропасти мечтанія,
И ядовитую Змѣю
Они казнятъ безъ состраданія.

Мнѣ ненавистенъ былъ бы Рай
Среди тѣней съ улыбкой кроткою,
Гдѣ вѣчный праздникъ, вѣчный май
Идетъ размѣренной походкою.

Я не хотѣлъ бы жить въ Раю,
Казня находчивость змѣиную,
Отъ дѣтскихъ дней люблю Змѣю,
И ей любуюсь, какъ картиною.

Я не хотѣлъ бы жить въ Раю,
Межъ тупоумцевъ экстатическихъ.
Я гибну, гибну—и пою,
Безумный демонъ сновъ лирическихъ.

VI.

ВРАГЪ.

У меня былъ врагъ заклятый,
У меня былъ врагъ.
На его постели смятой
Хохотъ демона проклятый
Оживлялъ полночный мракъ.
Безъ него жена смѣялась,
Обнималась, цѣловалась.
Хохотъ демона былъ мой.
Побылъ съ ней. Ай-да! Домой!

Врагъ заклятый былъ далеко.
Возвратился. „Честь!"
Ты, безъ страха и упрека!
Я, какъ ты, во власти рока.
Хочешь? Что же, месть, такъ месть.
Часъ и мѣсто. Мы явились.
Мы сошлись и поклонились.
Чей-то взоръ покрылся тьмой.
Хохотъ демона былъ мой!

VII.

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ СРОДСТВО.

сонетъ.

Я съ нею шелъ въ глубокомъ подземельи,
Рука съ рукой, я былъ вдвоемъ—одинъ.
Мы встрѣтились въ сверкающемъ весельи,
Мы нѣжились, какъ лилін долинъ.

Потомъ пришли къ дверямъ старинной кельи,
Предстала Смерть, какъ блѣдный исполинъ.
И мы за ней, въ глубокомъ подземельи,
Стремились прочь отъ зелени долинъ.

Мы шли во тьмѣ, другъ друга не видали,
Любовь была какъ сказка дальнихъ лѣтъ,
Любовь была печальнѣе печали.

Въ концѣ пути зажегся мрачный свѣтъ,
И я, искатель вѣчной Антигоны,
Увидѣлъ рядомъ голову—Горгоны.

VIII.

НЕРАЗЛУЧИМЫЕ.

Подъ низкою крышкою гроба,
Забиты гвоздями,
Недвижно лежали мы оба,
Съ враждебными оба чертами.

Застывшіе трупы, мы жили
Сознаньемъ проклятья,
Что вотъ и въ могилѣ—въ могилѣ! —
Мы въ мерзостной позѣ объятья.

И Дьяволъ смѣялся надгробно,
Плитой погребальной:
„Эге“,—говорилъ:—„какъ удобно
„Уродцамъ— въ могилѣ двуспальной!“

IX.

ДВА ТРУПА.

Два трупа встрѣтились въ могилѣ,
И прикоснулся къ трупу трупъ,
Въ холодной тьмѣ, въ тюрьмѣ, и въ гнили,
Прикосновеньемъ мертвыхъ губъ.

Они, влюбленные, когда-то
Дышали вмѣстѣ подъ Луной
Весенней лаской аромата
И шелестящей тишиной.

Они клялись любить до гроба.
И вотъ, по истеченьи дней,
Земная жадная утроба
Взяла ихъ въ пищу для червей.

Тяжелые, съ потухшимъ взглядомъ,
Тамъ, гдѣ повсюду мгла и мгла,
Они лежатъ такъ тѣсно рядомъ,
Зловонно-мягкія тѣла.

Для мелкихъ тварей ставши пищей,
И разлученные съ душой,
Они гніющее жилище,
Гдѣ новый пиръ, для нихъ чужой.

И дико спятъ они въ туманѣ,
И видятъ сказочные сны
Неописуемыхъ дыханій
И необъятной тишины.

X.

НАДЪ БОЛОТОМЪ.

Надъ болотомъ позабытымъ брошенъ мостъ,
За болотомъ позабытымъ брызги звѣздъ.
Тамъ, за топью, цѣпенѣя, спитъ Лазурь,
Затаивъ для дней грядущихъ сумракъ бурь.

Неживыя, пропадаютъ брызги звѣздъ,
И къ болоту отъ болота брошенъ мостъ.
И одно лишь не обманетъ—жадность бурь,
Ею дышитъ—съ ней въ объятьяхъ—спитъ Лазурь.

XI.

ВѢДЬМА.

Я встрѣтилъ вѣдьму старую въ задумчивомъ лѣсу.
Спросилъ ее: „Ты знаешь-ли, какой я грѣхъ несу?“
Смѣется вѣдьма старая, смѣется что́ есть силъ:
„Тебя-ль не знать? Не первый ты, что молодость убилъ.
„Отвергъ живыя радости, и сталъ себѣ врагомъ,
„И тащишься въ дремучій лѣсъ убогимъ старикомъ“.
Я вижу, вѣдьма старая все знаетъ про меня,
Смѣется смѣхомъ дьявола, мечту мою кляня,
Мечту мою о праведномъ безгрѣшномъ житіи,—
И молвилъ ей: „А знаешь-ли ты чаянья мои?
„Я въ лѣсъ вошелъ, но лѣсъ пройду, прозраченъ, какъ ручей,
„И выйду къ морю ясному божественныхъ лучей“.

Смѣется вѣдьма старая: „Куда тебѣ идти?
„Зашелъ сюда—конецъ тебѣ: зачахнешь на пути.
„Сіи лѣса—дремучіе, отъ вѣка здѣсь темно,
„Блуждать вамъ здѣсь дозволено, а выйти не дано.
„Ишь, выйду къ морю свѣтлому! Ты думаешь: легко?
„И что въ немъ за корысть тебѣ! Темно и глубоко".
И вѣдьма разсмѣялася своимъ беззубымъ ртомъ:
„На морѣ жить нельзя тебѣ, а здѣсь твой вѣрный домъ".
И вѣдьма разсмѣялася, какъ дьяволъ егозя:
„Вода морская—горькая, и пить ее—нельзя".

XII.

INCUBUS.

Какъ стихъ сказителя народнаго,
Изъ посѣдѣвшей старины,
Изъ отдаленія холоднаго,
Несетъ къ намъ стынущіе сны,—

Такъ темной полночью рожденныя
Воззванья башенныхъ часовъ,
Моей душою повторенныя,
Встаютъ какъ говоръ голосовъ.

И льнутъ ко мнѣ съ мольбой и съ ропотомъ:
„Мы жить хотимъ въ умѣ твоемъ".
И возвѣщаютъ тайнымъ шопотомъ:
„Внимай, внимай, какъ мы поемъ.

„Мы замираемъ, какъ проклятія,
„Мы возростаемъ, какъ прибой.
„Раскрой безгрѣшныя объятія,
„Мы всѣ обнимемся съ тобой".

И я взглянулъ, и вдругъ, нежданные,
Лучи Луны, цѣлуя мглу,
Легли, какъ саваны туманные,
Передо мною на полу.

И въ каждомъ саванѣ—видѣніе,
Какъ нерожденная гроза,
И просятъ губы наслажденія,
И смотрятъ мертвые глаза.

Я жду, лежу, какъ трупъ, но слышащій.
И встала тѣнь, волнуя тьму,
И этотъ призракъ еле дышащій
Приникнулъ къ сердцу моему.

Какая боль, какая страстная,
Какъ сладко мнѣ ее продлить!
Какъ будто тянется неясная
Непрерываемая нить!

И тѣнь все ближе наклоняется,
Горитъ огонь зеленыхъ глазъ,
И каждый мигъ она мѣняется,
И мнѣ желаннѣй каждый разъ.

Но снова башня дышитъ звуками,
И чей-то слышенъ тихій стонъ,
И я не знаю, чьими муками
И чьею грудью онъ рожденъ.

Я только знаю, только чувствую,
Не открывая сжатыхъ глазъ,
Что я какъ жертва соприсутствую,
И что оконченъ сладкій часъ.

И вотъ сейчасъ она развѣется,
Моя оторгнутая тѣнь,
И на губахъ ея видиѣется
Воздушно-алый, алый день.

XIII.

ПОЖАРЪ.

Я шутя ея коснулся,
Не любя ее зажегъ.
Но, увидѣвъ яркій пламень,
Я—всегда мертвѣй, чѣмъ камень—
Ужаснулся,
И хотѣлъ бѣжать скорѣе,
И не могъ.

Трепеща и цѣпенѣя,
Выросталъ огонь, блестя,
Онъ дрожалъ, слегка свистя,
Онъ сверкалъ проворствомъ Змѣя,
Все быстрѣй,
Онъ являлъ передо мною лики сказочныхъ звѣрей.
Съ дымомъ бьющимся мѣшаясь,
Въ содержаньи умножаясь,
Онъ, взметаясь, красовался надо мною и надъ ней.

Полный вспышекъ и тѣней,
Равномѣрно, неотступно,
Росъ губительный пожаръ.
Мнѣ онъ былъ блестящей рамой,
Въ ней возникъ онъ жгучей драмой,
И преступно,
Вмѣстѣ съ нею я свѣтился въ быстромъ блескѣ дымныхъ чаръ.

XIV.

* * *

Хорошо-ль тебѣ, дѣвица,
Тамъ глубоко подъ землей?
Ты была цвѣтокъ, и птица,
Праздникъ мой!
Хорошо-ль тебѣ, дѣвица,
Такъ глубоко подъ землей?

Ты, какъ всѣ, лишь день свѣтила,
И ничтожно умерла.
Глубока твоя могила,
Сонъ и мгла.
Ты, какъ всѣ, лишь день свѣтила,
Потускнѣла, умерла.

Твой конецъ послѣдній близокъ,
Ты остывшій блѣдный трупъ.
Теремъ твой, дѣвица, низокъ,
Мигъ твой скупъ.
Твой конецъ послѣдній близокъ,
Ты посмѣшище и трупъ.

XV.

ВЪ ТОТЪ МИГЪ.

Въ тотъ мигъ разставанья въ немъ умерло что-то,
Онъ съ нею былъ взглядомъ, не съ нею душою.
А въ ней лишь одна трепетала забота:
„О, если бъ могла я быть вѣчно съ тобою!“

Лицо у нея лишь на мигъ исказилось,
Она, холодѣя, сдержала рыданья.
„Прощай“ у обоихъ въ душѣ проносилось,
И онъ ей съ улыбкой сказалъ: „До свиданья!“

Въ тотъ мигъ разставанья, какъ вѣтеръ свободный,
Онъ только и ждалъ, чтобъ скорѣй удалиться.
И, вздрогнувъ, блѣднѣя въ тоскѣ безысходной,
Она прошептала: „Я буду молиться!“

XVI.

AD INFINITUM.

Въ храмѣ все—какъ прежде было.
Слышенъ тихій взмахъ кадилъ.
„Я смѣялся, я шутилъ.
„Неужели ты любила?“

Дыменъ смутный трепетъ свѣчъ,
На иконахъ свѣтъ заемный.
Каждый хочетъ въ церкви темной
Отъ свѣчи свѣчу зажечь.

Въ храмѣ будетъ такъ, какъ было.
Слышенъ тихій звонъ кадилъ.
„А, невѣрный! Ты шутилъ.
„Горе! Горе! Я любила.“

XVII.

КЪ СМЕРТИ.

Смерть, медлительно-обманная,
Смерть, я ждалъ тебя года,
Но для каждаго ты странная
И нежданная всегда.

Мнѣ казалась упоительной
Мысль о томъ, что ты придешь
И прохладою цѣлительной,
Торжествуя, обоймешь.

И воздушною одеждою
Мнѣ навѣешь легкій мракъ.
Нѣтъ, обманутъ я надеждою,
Ты придешь не такъ, не такъ.

Какъ невѣдомое, грубое,
Ты возникнешь въ тишинѣ.
Какъ чудовище беззубое,
Ты свой ротъ прижмешь ко мнѣ.

И неловкими прижатьями
Этихъ скользкихъ мертвыхъ губъ,
Неотвратными объятьями
Превращенъ я буду въ трупъ.

Но еще не безсознательный,
Не затянутый во тьму,
И мучительно-внимательный
Къ разложенью своему.

Вотъ, рука окоченѣлая
Точно манитъ и грозитъ,
Синевато-грязно-бѣлая,
Искривилась... Гнусный видъ!

Вотъ, лицо покрылось пятнами,
Восковою пеленой,
И дыханьями развратными
Гниль витаетъ надо мной.

Отвратительно-знакомыя
Щекотанія у рта.
Это мухи! Наѣкомыя!
Я ихъ пища, ихъ мечта!

И приходятъ ночи, низкія,
Какъ упавшій потолокъ.
Гдѣ-же вы, родные, близкіе?
Міръ отпрянувшій далекъ.

Глухо пали комья грязные,
Я лежу въ своемъ гробу,
Дышатъ черви безобразные
На щекахъ, въ глазахъ, на лбу.

Какъ челнокъ, сраженный мелями,
Долженъ медлить, долженъ гнить,
Я недѣли за недѣлями
Рокъ безсиленъ измѣнить.

За любовь мою чрезмѣрную
Къ наслажденіямъ земнымъ,
Послѣ смерти, съ этой скверною
Грѣшный духъ неразлучимъ.

Цѣлыхъ семь недѣль томленія,
Отвращенія, тоски,
Семь недѣль, до избавленія,
Рабство, ужасъ, и тиски!

Лишь одной отрадой нищенской
Адъ могу я услаждать:
Предъ оградою кладбищенской
Бѣлой тѣнью въ полночь встать.

СОЗНАНІЕ

I.

* * *

Я съ каждымъ могу говорить на его языкѣ,
Склоняю-ли взоръ свой къ ручью или къ темной рѣкѣ.

Я знаю, что нѣкогда, въ воздухѣ, темномъ отъ грозъ,
Средп длиннокрылыхъ, межь братьевъ, я былъ альбатросъ.

Я знаю, что нѣкогда, въ рыхлой весенней землѣ,
Червемъ, я съ червемъ наслаждался въ чарующей мглѣ.

Я съ Солнцемъ сливался, и мною разсвѣтъ былъ зажженъ,
И Солнцу, въ Египтѣ, звучалъ, на разсвѣтѣ, Мемнонъ.

Я былъ безпощаднымъ, когда набѣгалъ на враговъ,
Но, кровью омывшись, я снова былъ свѣтелъ и новъ.

Съ врагомъ я, врагомъ, состязался въ неравной борьбѣ,
И молча я вторилъ сраженный: „О, слава тебѣ!"

И мной, безъимяннымъ, не разъ изумленъ былъ Сократъ.
И нынѣ о мудромъ, со мной, обо мнѣ, говорятъ.

Я съ каждымъ могу говорить на его языкѣ,
Ищи меня въ небѣ, ищи меня въ темной рѣкѣ.

II.

* * *

Я не знаю, что такое—презрѣніе,
Презирать никого не могу.
У самаго слабаго были минуты рокового горѣнія,
И съ тайнымъ восторгомъ смотрю я въ лицо—врагу.

Я не знаю, какъ можно быть гордымъ
Предъ другимъ. Я гордъ—предъ собой.
О, струны мои, прозвените небывалымъ аккордомъ,
Чтобъ врагъ мой былъ, какъ я, во мглѣ голубой!

III.

* * *

Я не могу понять, какъ можно ненавидѣть
Остывшаго къ тебѣ, обидчика, врага.
Я радости не зналъ—сознательно обидѣть,
Свобода ясности мнѣ вѣчно дорога.

Я всѣхъ люблю равно, любовью равнодушной,
Я весь душой съ другимъ, когда онъ тутъ, со мной,
Но чуть онъ отойдетъ, какъ свѣтлый и воздушный
Забвеньемъ я дышу, своею тишиной.

Когда тебя твой рокъ случайно сдѣлалъ гнѣвнымъ,
О, смѣйся надо мной, приди, ударь меня:
Ты для моей души не станешь ежедневнымъ,
Не сможешь затемнить—мнѣ вспыхнувшаго—дня.

Я всѣхъ люблю равно, любовью безучастной,
Какъ слушаютъ волну, какъ любятъ облака.
Но есть и для меня источникъ боли страстной,
Есть ненавистная и жгучая тоска.

Когда любя люблю, когда любовью боленъ,
И тотъ, другой, какъ вещь, беретъ всю жизнь мою,
Я ненависть въ душѣ тогда сдержать не воленъ,
И хоть въ душѣ своей, но я его убью.

IV.

ЗАГЛЯНУТЬ.

Позабывшись,
Наклонившись,
И незримо для другихъ,
Удивленно
Заглянуть,
Полусонно
Воздохнуть,—
Это путь,
Для того чтобъ возсоздать
То, чего намъ въ этой жизни вплоть до смерти не видать.

V.

ДУША.

Душа—прозрачная среда,
Гдѣ свѣтитъ радуга всегда,
Въ ней свѣтъ небесный преломленъ,
Въ ней духъ, который въ жизнь влюбленъ.

Въ душѣ есть духъ, какъ въ солнцѣ свѣтъ,
И тождества межь ними нѣтъ,
И разлучиться имъ нельзя,
Въ нихъ высшій смыслъ живетъ сквозя.

И трижды яркая мечта—
Еще не полная, не та,
Какая выткалась въ покровъ
Для четверичности міровъ.

Послѣдней, той, гдѣ все—одно,
Въ слова замкнуться не дано,
Хоть ею полонъ смутный стихъ,
Въ одеждѣ сумраковъ земныхъ.

И внѣшній ликъ той мысли данъ:
Нашъ міръ—безбрежный Океанъ,
И пламя, воздухъ, и вода
Съ землею слиты навсегда.

VI.

* * *

Жемчужные тона картинъ венеціанскихъ
Мнѣ такъ же нравятся, какъ темные цвѣта
Богинь египетскихъ, видѣній африканскихъ,
И такъ же, какъ ночей норвежскихъ чернота.

Но тамъ въ Норвегіи еще есть ночь иная,
Когда въ полночный часъ горитъ свѣтило дня.
И яркіе цвѣта, вся сила ихъ земная,
Въ кровавыхъ кактусахъ такъ радуютъ меня.

Что въ мірѣ я цѣню—различность сочетаній:
Люблю Звѣзду Морей, люблю Змѣиный Грѣхъ.
И въ дикой музыкѣ отчаянныхъ рыданій
Я слышу дьявольскій неумолимый смѣхъ.

VII.

ЧАСЫ.

Отчего въ протяжномъ боѣ
Убѣгающихъ часовъ
Слышно что-то роковое,
Точно хоры голосовъ?

Оттого, что съ каждымъ мигомъ
Ближе къ сердцу горькій часъ.
Вѣрь завѣтнымъ древнимъ книгамъ:
Страшный Судъ грядетъ на насъ.

Бойся тайныхъ злодѣяній,
Въ тайну жертвы вовлекись.
Нѣтъ вины безъ воздаяній.
Время зыбко. Берегись!

Бойся грозныхъ мукъ, ростущихъ
Изъ обманчивыхъ утѣхъ.
Бойся мертвыхъ, молча ждущихъ,
Чтобъ раскрыть твой тайный грѣхъ.

Нѣтъ малѣйшаго мгновенья,
Не записаннаго тамъ.
Нѣтъ пощады, нѣтъ забвенья
Улетающимъ мечтамъ.

Бойся выйти изъ вліянья
Полной свѣта полосы.
Слышишь голосъ предвѣщанья?
Бойся! Это бьютъ часы.

VIII.

МАЯТНИКЪ.

Равнодушно я считаю
Безучастное тикъ-такъ.
Наслаждаюсь и страдаю,
Вижу свѣтъ и вижу мракъ.

Я сегодня полновластенъ,
Я изъ племени боговъ.
Завтра, темный, я несчастенъ,
Близъ Стигійскихъ береговъ.

И откуда я закинутъ
Къ этимъ низостямъ земли?
Все равно. Огни остынутъ.
Я какъ всѣ умру въ пыли.

И откуда такъ упорно
Манитъ зовъ на высоту?
Все равно. Мечта узорна.
Я могу соткать мечту.

Роковое покрывало
Надъ Индой вѣковой,
Все, отъ самаго начала,
Дышитъ сказкою живой.

Вправо—духи, влѣво—тѣни,
Все сплетается въ одно.
Ты восходишь на ступени,
Ты нисходишь,—все равно.

Только знай, что влѣво больно,
Влѣво—больно, вправо—нѣтъ.
Сердце бьется своевольно,
А въ умѣ холодный свѣтъ.

Кто что любитъ, то и встрѣтитъ:
Насладись и умирай.
Эхо быстрое отвѣтитъ:
Отрекись и впади въ Рай.

Кто что любитъ, то и приметъ:
Хочешь это? Хочешь то?
Но свободы не отниметъ
У стремленія никто.

Духи, вправо, тѣни, влѣво!
Мѣрный маятникъ поетъ.
Все живетъ въ волнахъ напѣва,
Всѣмъ созвучьямъ свой чередъ.

IX.

ПАМЯТЬ.

Память, это лучъ небесный
Тѣмъ, кто можетъ вспомнить счастье,
Тѣмъ, кто можетъ слить начало
Съ ожидавшимся концомъ,

Въ жизни можетъ быть и тѣсной,
Но исполненной участья,
Гдѣ любовь Судьбу встрѣчала
Съ вѣчно-радостнымъ лицомъ.

Память, это совѣсть темныхъ,
Память, это бичъ небесный,
Память, это окрикъ судный
Для невѣрившихъ въ Судьбу,
Ликъ Владѣльца дней заемныхъ,
Видъ уликъ въ игрѣ безчестной,
Сонъ заснувшихъ въ сказкѣ чудной
И проснувшихся—въ гробу.

X.

УБІЙЦА ГЛѢБА И БОРИСА.

И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.
Пушкинъ.

Едва Владиміръ отошелъ,
Бѣды великія стряслися.
Обманно захватилъ престолъ
Убійца Глѣба и Бориса.

Онъ ихъ зарѣзалъ, жадный волкъ,
Услалъ блуждать въ краяхъ загробныхъ,
Богопротивный Святополкъ,
Какому въ мірѣ нѣтъ подобныхъ.

Но, этимъ духъ не напитавъ,
Не кончилъ онъ дѣяній адскихъ,
И князь древлянскій Святославъ
Былъ умерщвленъ близь горъ Карпатскихъ.

Свершилъ онъ много черныхъ дѣлъ,
Не списходя и не прощая.
И звонъ надъ Кіевомъ гудѣлъ,
О славѣ звѣря возвѣщая.

Его ничей не тронулъ стонъ,
И кралю Польши, Болеславу,
Сестру родную отдалъ онъ
На посрамленье и забаву.

Но Богъ съ высотъ своихъ глядѣлъ,
Въ своемъ вниманьи не скудѣя.
И безпощаденъ былъ удѣлъ
Безчеловѣчнаго злодѣя.

Его поляки не спасли,
Не помогли и печенѣги.
Его какъ мертваго несли,
Онъ позабылъ свои набѣги.

Не могъ держаться на копѣ,
И всюду чуялъ шумъ погони.
За нимъ въ полночной тишинѣ
Неслись разгнѣванные кони.

Предъ нимъ въ полночной тишинѣ
Вставали тѣни позабытыхъ.
Онъ съ крикомъ вскакивалъ во снѣ,
И дальше, дальше отъ убитыхъ.

Но отъ убитыхъ не уйти,
Они врага вездѣ нагонятъ,
Они какъ тѣни на пути,
Ничьи ихъ силы не схоронятъ.

И тщетно мчался онъ отъ нихъ,
Тоской терзался несказанной.
И умеръ онъ въ степяхъ чужихъ,
Оставивъ кличку: Окаянный.

XI.

ТЕРЦИНЫ.

Когда художникъ пережилъ мечту,
Въ его душѣ слагаются картины,
И за чертой онъ создаетъ черту.

Исчерпавъ жизнь свою до половины,
Поэтъ, скорбя о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Невольно пишетъ стройныя терцины.

Въ нихъ чувствуешь неугасимый свѣтъ
Страстей перекипѣвшихъ и отжившихъ,
Въ нихъ слышенъ ровный шагъ прошедшихъ лѣтъ.

Видѣнья дней, какъ будто бы не бывшихъ,
Встаютъ какъ сказка въ зеркалѣ мечты,
И слышенъ гулъ прилива отступившихъ.

А въ небесахъ, въ провалахъ пустоты,
Свѣтло горятъ закатнымъ блескомъ тучи,
Свѣтлѣе, чѣмъ осенніе листы.

Сознаньемъ смерти глянувшей могучи,
Звучатъ напѣвы пышныхъ панихидъ,
Величественны, скорбны, и пѣвучи.

Всѣ образы, что память намъ хранитъ,
Въ одеждѣ холодѣющихъ весталокъ,
Идутъ, идутъ, спокойные на видъ.

Но, Боже мой, какъ тотъ безумно-жалокъ,
Кто не узнаетъ прежній ароматъ
Въ забытой связкѣ выцвѣтшихъ фіалокъ.

Послѣдній стонъ. Дороги нѣтъ назадъ.
Кругомъ, вездѣ, густѣютъ властно тѣни.
Но тучи торжествующе горятъ.

Горятъ огнемъ нередремотной лѣни,
И, завладѣвъ всѣмъ царствомъ высоты,
Роняютъ свѣтъ на дольнія ступени.

Я васъ люблю, предсмертные цвѣты!

XII.

ОТЪ ПОЛЮСА ДО ПОЛЮСА.

Отъ полюса до полюса я Землю обошелъ,
Я плылъ путями водными, и счастья не нашелъ.

Я шелъ одинъ пустынями, я шелъ во тьмѣ лѣсовъ,
И всюду слышалъ возгласы мятежныхъ голосовъ.

И думалъ я, и проклялъ я бездушіе морей,
И къ людямъ шелъ, и прочь отъ нихъ въ просторъ бѣжалъ скорѣй.

Гдѣ люди, тамъ поруганы видѣнья высшихъ грезъ,
Тамъ тлѣніе, скрипѣніе назойливыхъ колесъ.

О, гдѣ жь они, далекіе невинности года,
Когда свѣтила сказочно вечерняя звѣзда?

Ослѣпли взоры жадные, одно горитъ свѣтло:
Отъ полюса до полюса—въ лохмотьяхъ счастья Зло.

XIII.

СЛѢПЕЦЪ.

Пожалѣйте, люди добрые, меня,
Мнѣ ужь больше не увидѣть блеска дня.

Самъ себя слѣпымъ я сдѣлалъ, какъ Эдипъ,
Мудрымъ будучи, отъ мудрости погибъ.

Я смотрѣлъ на Землю, полную цвѣтовъ,
И въ Землѣ увидѣлъ сонмы мертвецовъ.

Я смотрѣлъ на бѣлый Мѣсяцъ безъ конца,
Выпилъ кровь онъ, кровь изъ блѣднаго лица.

Я на Солнце глянулъ, Солнце разгадалъ,
День казаться мнѣ прекраснымъ пересталъ.

И увидѣвъ тайный обликъ всѣхъ вещей,
Страхъ я принялъ въ глубину своихъ очей.

Пожалѣйте, люди добрые, меня,
Мнѣ ужь больше не увидѣть блеска дня.

Можетъ Рокъ и васъ застигнуть слѣпотой,
Пожалѣйте соблазненнаго мечтой.

XIV.

* * *

Прекрасно быть безумнымъ, ужасно сумасшедшимъ,
Одно—въ Раю быть свѣтломъ, другое—въ Адъ нисшедшимъ.

О, грозное возмездье минутныхъ заблужденій:
Быть въ царствѣ темныхъ духовъ, кричащихъ привидѣній.

Отверженные лики чудовищныхъ созданій
Страшнѣй, чѣмъ то, что страшно, страшнѣе всѣхъ страданій.

Сознаніе, что Время упало и не встанетъ,
Сжимаетъ мертвой петлей, и ранитъ сердце, ранитъ.

И нѣтъ конца мученьямъ, и все кругомъ отвратно.
О, ужасъ приговора: „Навѣки! Безвозвратно!“

XV.

ОДИНОКОМУ.

1.

Ты благороднѣй и выше другихъ
Вѣчною силой стремленья.
Ты непропѣтый, несозданный стихъ,
Сдавленный крикъ оскорбленья.

Ты непостижность высокой мечты,
Связанной съ тѣсною долей.
Жажда уйти отъ своей слѣпоты,
Жажда разстаться съ неволей.

Ты проникаешь сознаньемъ туда,
Гдѣ прекращаются рѣки.
Другомъ не будешь ты мнѣ никогда,
Братомъ ты будешь навѣки.

2.

Когда я думаю, любилъ ли кто кого,
Я сердцемъ каждый разъ тебя припоминаю,
И вотъ, я знаю,
Что отъ твоей любви—въ твоей душѣ—мертво.

Мертво, какъ въ небесахъ, гдѣ тѣ же день и ночь
Проходятъ правильно отъ вѣка и донынѣ,
И какъ въ пустынѣ,
Гдѣ та же мысль стоитъ и не уходитъ прочь.

И вдругъ я вздрогну весь—о странный межъ людей!—
И я тебя люблю, хоть мы съ тобой далеки,
И эти строки
Есть клятва, что и я—не только рабъ страстей.

3.

Я полюбилъ пиндійцевъ потому,
Что въ ихъ словахъ—безчисленныя зданья,
Они ростутъ изъ яркаго страданья,
Пронзая глубь вѣковъ, мѣняя тьму.

И эллиновъ, и парсовъ я пойму.
Въ однихъ—самовлюбленное сознанье,
Въ другихъ—великій праздникъ упованья,
Что будетъ мигъ спокойствія всему.

Люблю въ мечтѣ — измѣнчивость убранства,
Мнѣ нравятся толпы магометанъ,
Оргійность первыхъ пытокъ христіанъ,

Всѣ сложные узоры христіанства.
Люблю волну . . . . . .
. . . . . .

4.

Зачѣмъ волна встаетъ въ безбрежномъ морѣ,
Она сама не знаетъ никогда.
Но въ ней и свѣтъ, и мракъ, и нѣтъ, и да,
Она должна возникнуть на просторѣ.

Въ своемъ минутномъ пѣнистомъ уборѣ,
Ужъ новыхъ волнъ стремится череда.
Бездонна перемѣнная вода,
И все должно въ согласьи быть, и въ спорѣ.

И потому вознесшійся утесъ,
Храня слѣды морскихъ безплодныхъ слезъ,
Мнѣ заститъ видъ и кажется ненужнымъ.

Я жду свершенья счастья моего.
Я жду, чтобъ волны моря, бѣгомъ дружнымъ,
Разрушили со смѣхомъ и его.

5.

О, Христосъ! О, рыбакъ! О, ловецъ
Человѣческихъ темныхъ сердецъ!
Ты стоишь надъ глубокой рѣкой,
И въ водѣ ты встаешь — какъ другой!

Широка та рѣка, глубока,
Потонули въ ней годы, вѣка.
Потонули въ рѣкѣ и мечты
Тѣхъ, что были сильнѣе, чѣмъ ты.

О, Христосъ! О, безумный ловецъ
Неожиданно темныхъ сердецъ!
Ты не зналъ, надъ какою рѣкой
Ты стоялъ, чтобъ возстать, какъ другой!

XVI.

ПРЕДОПРЕДѢЛЕНІЕ.

Когда тебя зоветъ Судьба,
Не думая иди,
Съ нѣмой покорностью раба,
Не зная, что тамъ впереди.
Иди, и ставши самъ собой,
Въ тотъ вѣчно-страшный часъ, когда
Ты будешь скованнымъ Судьбой,
Ты воленъ навсегда.

Мы всѣ вращаемся во мглѣ
По замкнутымъ кругамъ,
Мы жаждемъ неба на землѣ,
И льнемъ какъ воды къ берегамъ.
Но ты проникнешь въ Океанъ,
Сверхчеловѣкъ среди людей,
Когда навѣкъ поймешь обманъ
Влеченій и страстей.

Мы всѣ живемъ, мы всѣ хотимъ,
И все волнуетъ насъ,
Но Солнцемъ вѣчно-молодымъ
Исполненъ только высшій часъ.
Тотъ часъ, когда, отбросивъ прочь
Отцовскій вышитый нарядъ,
Мы вдругъ порвемъ земную ночь,
И вдругъ зажжемъ свой взглядъ.

XVII.

ДЕМОНЫ.

Нужно презирать демоновъ, какъ презираютъ палачей.
Мальбраншъ

Васъ презирать, о, демоны мои?
Вы предо мной встаете въ забытьи,
И въ сумракѣ, мой странный сонъ лелѣя,
Вѣщаете душѣ о царствѣ Змѣя.

И вижу я, какъ ходятъ палачи.
Таинственно кровавятся лучи
Какого-то внѣмірнаго свѣтила,
И то, что есть, встаетъ надъ тѣмъ, что было.

И слышу я: „Онъ много въ міръ вложилъ,
„Отъ вѣка Богу братъ, Сатанаилъ.
„И въ Вѣчности качаются двѣ чаши
„Однихъ вѣсовъ: они—его и наши.“

И зовъ звучитъ: „Да снидетъ въ землю вновь
„Рожденная для красной сказки кровь.
„Въ землѣ земное вспыхнетъ въ новой краскѣ,
„Вокругъ конца горятъ слова завязки.“

Я слышу васъ, о, демоны мои,
Мечтатели о лучшемъ бытіи,
Блюстители гармоніи надзвѣздной,
Удвоенной мучительною бездной.

XVIII.

* * *

Еще необходимо любить и убивать,
Еще необходимо накладывать печать,
Быть внѣшнимъ и жестокимъ, быть нѣжнымъ безъ конца,
И всѣхъ манить волненьемъ краснваго лица.

Еще необходимо. Ты видишь, почему:
Мы всѣ стремимся къ Богу, мы тянемся къ Нему,
Но Богъ всегда уходитъ, всегда къ Себѣ маня,
И хочетъ тьмы—за свѣтомъ, и послѣ ночи—дня.

Всегда разнообразныхъ, Онъ хочетъ новыхъ сновъ,
Хотя бы безобразныхъ, мучительныхъ міровъ,
Но только полныхъ жизни, бросающихъ свой крикъ,
И гаснущихъ покорно, создавши новый мигъ.

И маятникъ всемірный, незримый для очей,
Ведетъ по лабиринту разсвѣтовъ и ночей.
И сонмы звѣздъ несутся по страшному пути.
И Богъ всегда уходитъ. И мы должны идти.

XIX.

ИСКАТЕЛИ.

Они стучали въ дверь поочередно.
Стучали долго. Ночь была темна.
Съ небесной выси тускло и безплодно
Глядѣла внизъ всегдашняя Луна.

Молчало время. Ночь не проходила.
На всемъ была недвижности печать.
И вотъ рука подъятая застыла,
Уставши въ дверь безмолвную стучать.

Безчувственное каменное зданье
Бросало тѣнь съ огромной вышины.
Незримыя, но вѣрныя страданья
Носились въ царствѣ мертвой тишины.

И все темнѣй, все глуше, холоднѣе
Казалась дверь, закрытая навѣкъ.
И дрогнули два странника,—блѣднѣя,
Какъ дымъ надъ гладью спящихъ ночью рѣкъ.

И время усмѣхнулось ихъ безсилью.
И двинулось. Прошли года. Вѣка.
Ихъ внѣшній видъ давно кружится пылью.
Но свѣтитъ ихъ безсмертная тоска!

XX.

ПРЕДЪ ИТАЛЬЯНСКИМИ ПРИМИТИВАМИ.

Какъ же должны быть наивно-надменны
Эти плѣненные вѣрой своей!
Помнишь, они говорятъ: „Неизмѣнны
„Наши пути за предѣлами дней!"

Помнишь, они говорятъ: „До свиданья,
„Братъ во Христѣ! До свиданья—въ Раю!"
Я только знаю бездонность страданья,
Ждущаго темную душу мою.

Помнишь? Луга, невысокія горы,
Низко надъ ними висятъ небеса,
Чистенькихъ рощицъ мелькаютъ узоры,
Это, конечно, не наши лѣса.

Видишь тотъ край, гдѣ отсутствуютъ грозы?
Здѣсь пребываетъ святой Іеронимъ,
Льва исцѣлилъ онъ отъ острой занозы,
Сдѣлалъ служителемъ вѣрнымъ своимъ.

Львы къ нимъ являлись просить врачеванья!
Братъ мой, какъ я, истомленный во мглѣ,
Гдѣ же достать намъ съ тобой упованья
На измѣненной Землѣ?

XXI.

ФРА АНДЖЕЛИКО.

Если бъ эта дѣтская душа
Нашимъ грѣшнымъ міромъ овладѣла,
Мы совсѣмъ утратили бы тѣло,
Мы бы, точно тѣни, чуть дыша,
Встали у небеснаго предѣла.

Тамъ, вверху, сидѣлъ бы добрый Богъ,
Здѣсь, внизу, послушными рядами,
Призраки съ пресвѣтлыми чертами,
Пѣли бы воздушную, какъ вздохъ,
Пѣснь безтѣлесными устами.

Вѣчно примиренные съ Судьбой,
Чуждые навѣкъ заботамъ хмурнымъ,
Были бы мы озеромъ лазурнымъ,
Въ безднѣ безмятежно-голубой,
Въ царствѣ золотистомъ и безбурномъ.

XXII.

РИБЕЙРА.

Ты не былъ знакомъ съ ароматомъ
Кругомъ расцвѣтавшихъ цвѣтовъ.
Жестокій и мрачный анатомъ,
Ты жаждалъ разъятья основъ.

Понявъ убѣдительность муки,
Ее затаилъ ты въ крови,
Любя искаженныя руки,
Какъ любятъ лобзанья въ любви.

Ты выразилъ ужасъ неволи,
И бросилъ въ беззвѣздный предѣлъ
Кошмары, исполненныхъ боли,
Тобою разорванныхъ тѣлъ.

Сказавъ намъ, что ужасы пытокъ
Въ созданьяхъ мечты хороши,
Ты ярко явилъ намъ избытокъ
И бѣшенство мощной души.

И тьмою, какъ чарой, владѣя,
Ты мракъ пріобщилъ въ Красотѣ,
Ты братъ своего Прометея,
Который всегда въ темнотѣ.

XXIII.

ВЕЛАСКЕСЪ.

Велàскесъ, Велàскесъ, единственный геній,
Сумѣвшій таинственнымъ сдѣлать простое,
Какъ властно надъ сонмомъ твоихъ сновидѣній
Безмолвствуетъ Солнце, всегда-молодое!
Съ какимъ униженьемъ, и съ болью, и въ страхѣ,
Тобою—безсмертные, смотрятъ шуты,
Какъ странно бѣлѣютъ согбенныя пряхи
Въ величьи рабочей своей красоты!

И этотъ Распятый, надъ всѣми Христами
Вознесшійся тѣломъ утонченно-блѣднымъ,
И длинныя копья, что встали рядами
Надъ браннымъ героемъ, смиренно-побѣднымъ!
И эти инфанты, съ Филиппомъ Четвертымъ,
Такъ чувственно-яркимъ поэтомъ-царемъ,
Во всемъ этомъ блескѣ, для насъ распростертомъ,
Мы пыль золотую, какъ пчелы, беремъ!

Мы черпаемъ силу для нашихъ созданій
Въ живомъ родникѣ, не изсякшемъ донынѣ,
И въ силѣ рожденныхъ тобой очертаній
Привѣтствуемъ пышный оазисъ въ пустынѣ.
Мы такъ и не знаемъ, какою же властью
Ты былъ—и оазисъ, и вмѣстѣ миражъ,—
Судьбой ли, мечтой ли, умомъ, или страстью,
Ты вѣчно—прошедшій, грядущій, и нашъ!

XXIV.

СКОРБЬ АГУРАМАЗДЫ.

мотивъ изъ зендъ-авесты.

Я царственный создатель многихъ странъ,
Я свѣтлый богъ міровъ, Агурамазда.
Зачѣмъ же ликъ мой тьмою повторенъ,
И Анграмайни всталъ противовѣсомъ?
Я создалъ земли, полныя расцвѣта,
Но Анграмайни, тотъ, кто весь есть смерть,
Родилъ змѣю въ водѣ, и въ земляхъ зиму.
И десять зимъ въ году, и два лишь лѣта,
И холодѣютъ воды и деревья,
И худшій бичъ, зима, лежитъ на всемъ.
Я создалъ Сугдху, мирныя равнины,

Но Анграмайни создалъ саранчу,
И смерть пришла на хлѣбъ и на животныхъ.
И я, Агурамазда, создалъ Маргу,
Чтобъ въ ней царили дни труда и счастья,
Но Анграмайни создалъ зло и грѣхъ.
И создалъ я Нисайю, что за Бахдги,
Чтобъ не было въ людскихъ сердцахъ сомнѣнья,
Но Анграмайни вѣру умертвилъ.
Я создалъ Урву, пышность тучныхъ пастбищъ,
Но Анграмайни гордость людямъ далъ.
Я создалъ красоту Гаравати,
Но Анграмайни выстроилъ гроба.
И создалъ я оплотъ, святую Кахру,
Но Анграмайни трупы ѣсть велѣлъ,
И люди стали ѣсть убитыхъ ими.
И я, Агурамазда, создалъ много
Другихъ прекрасныхъ странъ, Гаэтуманту,
Варэну, и Рангха, и Семирѣчье,
Но Анграмайни, тотъ, кто весь есть смерть,
На все набросилъ зиму, зиму, зиму.
И много странъ глубокихъ и прекрасныхъ,
Томясь безъ свѣта, ждутъ моихъ лучей,
И я, Агурамазда, создалъ солнце,
Но Анграмайни, темный, создалъ ночь.

XXV.

ВЕЛИКОЕ НИЧТО.

1.

Моя душа—глухой всебожный храмъ,
Тамъ дышатъ тѣни, смутно наростая.
Отраднѣе всего моимъ мечтамъ
Прекрасныя чудовища Китая.

Драконъ, владыка солнца и весны,
Единорогъ, эмблема совершенства,
И фениксъ, образъ царственной жены,
Сліянье власти, блеска, и блаженства.
Люблю однообразную мечту
Въ созданіяхъ художниковъ Китая,
Застывшую, какъ иней, красоту,
Какъ иней снова, что искрится не тая.
Симметрія—ихъ основной законъ,
Они рисуютъ даль какъ восхожденье,
И сладко мнѣ, что страшный ихъ драконъ
Не адскій духъ, а символъ наслажденья.
А дивная утонченность тоновъ,
Дробящихся въ различіи согласномъ,
Проникновенье въ таинство основъ,
Лазурь въ лазури, красное на красномъ!
А равнодушье къ образу людей,
Пристрастье къ разновидностямъ звѣринымъ,
Сплетенье въ строгій узелъ всѣхъ страстей,
Огонь ума, скользящій по картинамъ!
Но болѣе, чѣмъ это все, у нихъ,
Люблю пробѣлъ лирическаго зноя.
Люблю постичь, сквозь легкій нѣжный стихъ,
Безбрежное отчаянье покоя.

2.

Къ старинnымъ манускриптамъ, въ поздній часъ,
Почувствовавъ обычное призванье,
Я рылся между свитковъ, и какъ разъ
Чвангъ-Санга прочиталъ повѣствованье.
Тамъ смутный кто-то, я не знаю кто,
Понялъ слова печали и забвенья:

„Безчувственно Великое Ничто,
„Въ немъ я и ты—мелькаемъ на мгновенье.
„Проходитъ Ночь, и въ рощѣ дышитъ свѣтъ,
„Двѣ птички, тѣсно сжавшись, спали рядомъ,
„Но съ блескомъ Дня той дружбы больше нѣтъ,
„И каждая летитъ къ своимъ усладамъ.
„За тьмою—жизнь, за холодомъ—апрѣль,
„И снова темный холодъ ожиданья.
„Я разобью нѣвучую свирѣль,
„Иду на Западъ, умерли мечтанья.
„Безчувственно Великое Ничто,
„Земля и Небо—сводъ нѣмого храма.
„Я тихо сплю—я тотъ же и никто,
„Моя душа—воздушность оніама".

XXVI.

НАМЕКЪ.

Сгибаясь, качаясь, исполненъ нѣмой осторожности,
Въ подводной прохладѣ, утопленный ждущій намекъ,
Вздымается стебель, таящій блаженство возможности,
Хранящій способность раскрыться, какъ бѣлый цвѣтокъ.

И такъ же, какъ стебель зеленый блистательной лиліи,
Мѣняясь въ холодномъ забвеньи, легенды вѣковъ,—
Въ моихъ нѣспонѣньяхъ,—уставши тянуться въ безсиліи,—
Раскрылись, какъ чаши свободно-живущихъ цвѣтковъ.

XXVII.

ТРИ ЛЕГЕНДЫ.

Есть лишь три легенды сказочныхъ вѣковъ.
Смыслъ ихъ вѣчно-старый, точно утро новъ.

И одна легенда, блескъ лучей дробя,
Говоритъ: „О, смертный! Полюби себя".

И другая, въ свѣтѣ страсти безъ страстей,
Говоритъ: „О, смертный! Полюби людей".

И вѣщаетъ третья, нѣжно, точно вздохъ:
„Полюби безсмертье. Вѣченъ только Богъ".

Есть лишь три преддверья. Нужно всѣ пройти.
О, скорѣй, скорѣе! Торопись въ пути.

Въ храмѣ сновъ безсмертныхъ дышитъ нѣжный свѣтъ,
Есть всему разгадка, есть на все отвѣтъ.

Не забудь же сердцемъ, и сдержи свой вздохъ:
Ярко только Солнце, вѣченъ только Богъ!

XXVIII.

* * *

Вѣрьте мнѣ, обманутые люди,
Я, какъ вы, ходилъ по всѣмъ путямъ.
Наша жизнь есть чудо въ вѣчномъ Чудѣ,
Наша жизнь—и здѣсь, и вѣчно тамъ.

Я знакомъ съ безмѣрностью страданій,
Я узналъ, гдѣ правда, гдѣ обманъ.
Яркій ужасъ нашихъ испытаній
Намъ не для насмѣшки плоской данъ.

Вѣрьте мнѣ, невѣрящіе братья,
Вы меня поймете черезъ день.
Нашей вольной жизни нѣтъ проклятья,
Мы избрали сами свѣтотѣнь.

Мы избрали Зло какъ путь познанья,
И закономъ сдѣлали борьбу.
Уходя въ тяжелое изгнанье,
Мы живемъ, чтобъ кончить жизнь въ гробу.

Но, когда съ застывшими чертами,
Мертвые, торжественно мы спимъ,
Онъ, Незримый, дышитъ рядомъ съ нами,
И, молясь, бесѣдуемъ мы съ Нимъ.

И душѣ таинственно понятно,
Въ этотъ мигъ бесѣды роковой,
Что въ пути, пройденномъ безвозвратно,
Рокъ ея былъ выбранъ ей самой.

Но, стремясь, грѣша, страдая, плача,
Духъ нашъ вольный былъ всегда хранимъ.
Жизнь была рѣшенная задача,
Смерть пришла какъ радость встрѣчи съ Нимъ.

ХУДОЖНИКЪ-ДЬЯВОЛЪ

Валерію Брюсову

I.

БЕЗУМНЫЙ ЧАСОВЩИКЪ.

Межь древнихъ горъ жилъ сказочный старикъ,
Безумiемъ объятый необычнымъ.
Онъ былъ богачъ, поэтъ—и часовщикъ.

Онъ былъ богатъ во многомъ и въ различномъ,
Владѣлъ землей, морями, сонмомъ горъ,
Вѣтрами, даже небомъ безграничнымъ.

Онъ былъ поэтъ, и сочеталъ въ узоръ
Незримыя безгласныя созданья,
Въ чьихъ обликахъ былъ краснорѣчьемъ—взоръ.

Шли годы внѣ разлада, внѣ страданья,
Онъ былъ бы лишь поэтомъ навсегда,
Но возънимѣлъ безумное мечтанье.

Слова онъ раздѣлилъ на нѣтъ и да,
Онъ бросилъ чувства въ область раздвоенья,
И дня и ночи встала череда.

А чтобъ вѣрнѣе было ихъ значенье,
Чтобы означить слѣдъ ихъ полосы,
Ихъ двойственность, ихъ смѣну, и теченье,—

Поэтъ безумный выдумалъ часы,
Ихъ дикій строй снабдилъ онъ голосами:
Одни изъ нихъ плѣнительной красы,—

Поютъ, звенятъ; другіе воютъ псами;
Смѣются; говорятъ; кричатъ, скорбя.
Такъ весь свой домъ увѣсилъ онъ часами.

И вѣчность звукомъ времени дробя,
Часы идутъ путемъ круговращенья,
Не уставая повторять себя,

Но самъ создавъ ихъ голосъ какъ впушенье,
Безумный часовщикъ съ теченьемъ лѣтъ
Сталъ чувствовать къ ихъ рѣчи отвращенье.

Въ его дворцѣ молчанья больше нѣтъ,
Часы кричатъ, хохочутъ, шепчутъ смутно,
И на мечту, звеня, кладутъ запретъ.

Ихъ стрѣлки, уходя ежеминутно,
Мѣняютъ свѣтъ на тѣнь, и день на ночь,
И все клянутъ, и все клянутъ попутно.

Не въ силахъ отвращенья превозмочь,
Безумный часовщикъ, въ припадкѣ гнѣва,
Рѣшилъ прогнать созвучья эти прочь,—

Лишить часы ихъ дикаго напѣва:
И вотъ, раскрывъ ихъ внутренній составъ,
Онъ вертитъ цѣпь направо и налѣво.

Но строй ли измѣнился въ нихъ и сплавъ,
Иль съ ними приключилось чарованье,
Они явили самый дерзкій нравъ,—

И подняли такое завыванье,
И начали такъ яростно звенѣть,
Что часовщикъ забылъ негодованье,—

И слыша проклинающую мѣдь,
Какъ трупами испуганный анатомъ,
Отъ ужаса лишь могъ закаменѣть.

А между тѣмъ часы, гудя набатомъ,
Все громче хаосъ воплей громоздятъ,
И каждый звукъ—неустранимый атомъ.

Имъ вторятъ горы, море, плѣнный адъ,
И вѣтры, напоенные проклятьемъ,
Въ пространствахъ сновъ кружатъ, кружатъ, кружатъ.

Рожденные чудовищнымъ зачатьемъ,
Межь древнихъ горъ мятутся нѣтъ и да,
Враждебные, слились однимъ объятьемъ,—

И больше не умолкнутъ никогда.

II.

ХУДОЖНИКЪ.

Я не былъ никогда такой, какъ всѣ.
Я въ самомъ дѣтствѣ былъ уже бродяга,
Не могъ застыть на узкой полосѣ.

Красивъ лишь тотъ, въ комъ дерзкая отвага,
И кто уменъ, хотя бы умъ его—
Умъ Ричарда, Мефисто, или Яго.

Все въ этомъ мірѣ тускло и мертво,
Но ярко себялюбье безъ зазрѣнья:
Не видѣть за собою—никого!

Я сплетъ жесткимъ холодомъ презрѣнья,
Въ пылу страстей я правлю ихъ игрой,
Подъ вѣдѣньемъ ума—все поле зрѣнья.

Людишки—мошки, славный пестрый рой,
Лови себѣ свѣтлянокъ для забавы,
На ладъ себя возвышенный настрой.

Люби любовь, лазурь, цвѣты, и травы,
А если истощишь восторгъ до дна,
Есть хохотъ съ вѣрнымъ дѣйствіемъ отравы.

Лети-ка прочь, ты въ мірѣ не одна,
Противна мнѣ банальность повтореній,
Моя душа для жажды создана.

Не для меня законы, разъ я геній.
Тебя я видѣлъ, такъ на что мнѣ ты?
Для творчества мнѣ нужно впечатлѣній.

Я знаю только прихоти мечты,
Я все предамъ для счастья созиданья
Роскошныхъ измышленій красоты.

Мнѣ нравится, что въ мірѣ есть страданья,
Я ихъ сплетаю въ сказочный узоръ,
Влагаю въ сны чужія трепетанья.

Обманы, сумасшествіе, позоръ,
Безумный ужасъ—все мнѣ видѣть сладко,
Я въ пышный смерчъ свиваю пыльный соръ.

Смѣюсь надъ дѣтски-женскимъ словомъ—гадко,
Во мнѣ живетъ злорадство паука,
Въ моихъ глазахъ—жестокая загадка.

О, мудрость мірозданья глубока,
Прекрасенъ видъ лучистой паутины,
И даже муха въ ней свѣтло-звонка.

Бѣлѣйшіе цвѣты ростутъ изъ тины,
Червонцѣй всѣхъ цвѣтовъ на плахѣ кровь,
И смерть—сюжетъ прекрасный для картины.

Приди—умри—во мнѣ воскреснешь вновь!

III.

ДЫМЫ.

Въ моемъ сознаньи—дымы дней сожженныхъ,
Остывшій чадъ страстей и слѣпоты.
Я посѣщалъ дома умалишенныхъ,—

Мнѣ близки ихъ безумныя мечты,
Я знаю обликъ нашихъ заблужденій,
Достигнувшихъ трагической черты.

Какъ цѣпкіе побѣги тѣхъ растеній,
Что люди чужеядными зовутъ,
Я льнулъ къ умамъ, исполненнымъ видѣній.

Вкругъ слабыхъ я свивался въ жесткій жгутъ,
Вкругъ сильныхъ вился съ гибкостью змѣиной,
Чтобъ тайну ихъ на свой повергнуть судъ.

Отъ змѣя не укрылся ни единый,
Я понялъ все, легко коснулся всѣхъ,
И міръ возникъ законченной картиной.

Невинность, ярость, дѣтство, смертный грѣхъ,
Въ нѣмой мольбѣ ломаемыя руки,
Протяжный стонъ, и чей-то тихій смѣхъ,—

Просторъ степей съ кошмаромъ желтой скуки,
Обрывки отверженныхъ племенъ,
Всѣ внѣшнія и внутреннія муки,—

Весь дикій плясъ подъ музыку временъ,
Всѣ радости—лишь ткани и узоры,
Чтобъ скрыть одинъ непреходящій сонъ.

На высотія я поднимался горы,
Въ глубокіе спускался рудники,
Со мной дружили геніи и воры.

Но я не исцѣлился отъ тоски,
Понявъ, что неизбѣжно равноцѣнны
И нивы, и безплодные пески.

Куда ни кинься, мы повсюду плѣнны,
Все взвѣшено на сумрачныхъ вѣсахъ,
Творцы себя, мы вѣчны и мгновенны.

Мы звѣри—и звѣрьми внушенный страхъ,
Мы блески—и гасители пожара,
Мы факелы—и вѣтеръ мы впотьмахъ.

Но въ насъ всего сильнѣй ночная чара:
Мы хвалимъ свѣтъ заката, и затѣмъ
Двѣнадцатаго съ башенъ ждемъ удара.

Создавши сонмы солнечныхъ системъ,
Мы смертью населили ихъ планеты,
И сладко намъ, что мракъ-утайщикъ нѣмъ.

Во тьмѣ полночной слиты всѣ предметы.
Скорѣй на шабашъ, къ бѣшенству страстей.
Мы дьявольскимъ сіяніемъ одѣты.

Мѣшокъ игральныхъ шулерскихъ костей,
Исполненныя скрытаго злорадства,
Колдуньи, съ кликой демоновъ-людей,

Спѣшатъ найти убогое богатство
Безплодныхъ ласкъ, запретную мечту
Обѣдни черной, полной святотатства.

И звѣзды міра гаснутъ налету,
И тѣнь вѣсовъ качается незримо
На міровомъ таинственномъ посту.

Все взвѣшено и все неотвратимо.
Добро и зло—два лика тѣхъ же думъ.
Видѣнье міра тонетъ въ морѣ дыма.

Во мглѣ пустынь свирѣпствуетъ самумъ.

IV.

СНЫ.

Мнѣ снятся поразительные сны.
Они всегда съ дѣйствительностью слиты,
Какъ въ тающемъ аккордѣ двѣ струны.

Тѣ мысли, что давно душой забыты,
Какъ существа, встаютъ передо мной,
И окна сновъ гирляндой ихъ обвиты.

Они ростутъ живою пеленой,
Чудовищно и страшно шевелятся,
Глядятъ—и вдругъ ихъ смоетъ, какъ волной.

Мгновенье мглы, и тѣни вновь тѣснятся.
Я въ странномъ замкѣ. Всюду тишина.
За дверью ждутъ, но дверь открыть боятся.

Не знаю, кто. Но знаю: тишь страшна.
И кто-то можетъ каждый мигъ возникнуть,
Вотъ, бѣлый, всталъ, глядитъ изъ-за окна.

И я хочу позвать кого-то, крикнуть,
Но все напрасно: голосъ мой погасъ.
Постой, я долженъ къ ужасамъ привыкнуть.

Вѣдь онъ встаетъ уже не первый разъ.
Взглянулъ. Ушелъ. Какое облегченье!
Но лучше въ садъ пойти. Который часъ?

На циферблатѣ умерли мгновенья!
Недвижно все. Замкнута глухо дверь.
Я въ царствѣ леденящаго забвенья.

Нѣтъ „послѣ", есть лишь мертвое „теперь".
Не знаю, какъ, но времени не стало.
И ночь молчитъ, какъ страшный черный звѣрь.

Вдругъ потолокъ таинственнаго зала
Сталъ медленно вздыматься въ высоту,
И принялъ видъ небеснаго провала.

Все выше. Вотъ заходитъ за черту
Тѣхъ вышнихъ звѣздъ, гдѣ Рай порой мнѣ снится,
Превысилъ ихъ, и превзошелъ мечту.

Но нужно же ему остановиться!
И вотъ съ верховной точки потолка
Какой-то блескъ подвижный сталъ свѣтиться:—

Два яркіе и злые огонька.
И, дрогнувъ на воздушной тонкой нити,
Спускаться стало—тѣло паука.

Раздался чей-то рѣзкій крикъ: „Глядите!“
И кто-то вторилъ въ гулѣ голосовъ:
„Я говорилъ вамъ—звѣря не будите“.

Вдругъ изо всѣхъ, залитыхъ мглой, угловъ,
Какъ рой мышей, какъ змѣи, смутно встали
Безчисленныя скопища головъ.

А между тѣмъ съ высотъ, изъ блѣдной дали,
Спускается чудовищный паукъ,
И взглядъ его—какъ холодъ мертвой стали.

Куда бѣжать! Видѣній замкнутъ кругъ.
Мучительныя лица кверху вздернувъ,
Они не разнимаютъ сжатыхъ рукъ.

И вдругъ,—какъ шулеръ, карты передернувъ,
Сразитъ врага,—паукъ, скользнувши внизъ,
Внезапно превратился въ тяжкій жерновъ.

И мельничныя брызги поднялись.
Всѣ люди, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ,
Въ водоворотъ чудовищный сплелись.

И точно эту влагу были плети,
Такъ много было бѣшенства кругомъ,—
Росли и рвались вновь узлы и сѣти.

Невидимымъ гонимы рычагомъ,
Стремительно неслись въ водоворотѣ
За другомъ другъ, враждебный за врагомъ.

Какъ будто бы по собственной охотѣ,
Вкругъ страшнаго носились колеса,
Въ загробно-блѣдной лунной позолотѣ.

Мятется бѣлой пѣны полоса,
Утопленники тонутъ, пропадаютъ,
А тамъ, на днѣ—подводные лѣса.

Встаютъ какъ тьма, безмолвно выростаютъ,
Оплоты, какъ гиганты, громоздятъ,
И вѣтви змѣевидныя сплетаютъ.

Вверху, внизу, куда ни кинешь взглядъ,
Густѣютъ глыбы зелени ползущей,
Ростутъ, и угрожающе молчатъ.

Мѣняются. Такъ вотъ онъ, міръ грядущій,
Такъ это-то въ себѣ скрывала тьма!
Безмѣрный городъ, грозный и гнетущій.

Невѣдомые высятся дома,
Уродливо тѣсна ихъ вереница,
Въ нихъ пляски, ужасъ, хохотъ, и чума.

Безглазыя изъ оконъ смотрятъ лица,
Чудовища глядятъ съ покатыхъ крышъ,
Безумный городъ, мертвая столица.

И вдругъ, порвавъ мучительную тишь,
Я просыпаюсь, полный содраганій,—
И вижу убѣгающую мышь—

Послѣдній призракъ демонскихъ вліяній!

V.

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ.

Я въ кукольномъ театрѣ. Предо мной,
Какъ тѣни отъ качающихся вѣтокъ,
Исполненныя прелестью двойной,

Мѣняются толпы маріонетокъ.
Ихъ каждый взглядъ разсчитанно-правдивъ,
Ихъ каждый шагъ правдоподобно-мѣтокъ.

Чувствительность проворствомъ замѣнивъ,
Они полны нѣмого обаянья,
Ихъ modus operandi прозорливъ.

Понявши все изящество молчанья,
Они играютъ въ жизнь, въ мечту, въ любовь,
Безъ воплей, безъ стиховъ, и безъ вѣщанья,

Убитыя, встаютъ немедля вновь,
Такъ веселы и вмѣстѣ съ тѣмъ бездушны,
За родину не проливаютъ кровь.

Художественнымъ замысламъ послушны,
Осуществляютъ формулы страстей,
Къ добру и злу, какъ боги, равнодушны.

Передъ толпой зѣвающихъ людей,
Исполненныхъ звѣринаго веселья,
Смѣется въ каждой куклѣ чародѣй.

Любовь людей—отравленное зелье,
Стремленья ихъ—верченье колеса,
Ихъ мудрость—тошнотворное похмѣлье.

Ихъ мнѣнья—лай разсерженнаго пса,
Заразная ихъ дружба истерична,
Узка земля ихъ, низки небеса.

А здѣсь—какъ все удобно и прилично,
Какая въ смѣнѣ смысловъ быстрота,
Какъ жизнь и смерть мелькаютъ гармонично!

Но что всего важнѣе, какъ черта,
Достойная быть правиломъ навѣки,
Вся цѣль ихъ дѣйствій—только красота.

Свободныя отъ тягостной опеки
Того, чему мы всѣ подчинены,
Безмолвные они „сверхчеловѣки".

Въ волшебномъ царствѣ мертвой тишины
Одинъ лишь голосъ высшаго рѣшенья
Безстрастно истолковываетъ сны.

Все зримое—игра воображенья,
Различность многогранности одной,
Въ несчетный разъ—повторность отраженья.

Смущенное жестокой тишиной,
Которой нѣтъ начала, нѣтъ предѣла,
Сознанье сны роняетъ пеленой.

Обманъ души, прикрытый тканью тѣла,
Картинный перемѣнчивый туманъ,
Свободный жить—до грани передѣла.

Святой Антоній, Гамлетъ, Донъ-Жуанъ,
Макбетъ, Ромео, Фаустъ—привидѣнья,
Которымъ всѣмъ удѣлъ единый данъ:—

Путями страсти, мысли, заблужденья,
Изображать безчисленность идей,
Калейдоскопъ цвѣтистаго хотѣнья.

Святой, мудрецъ, безумецъ, и злодѣй,
Равно должны играть въ предѣлахъ клѣтки,
И представлять животныхъ и людей.

Для куколъ—куклы, всѣ—маріонетки,
Театръ въ театрѣ, сложный сонъ во снѣ,
Мы съ Дьяволомъ и Рокомъ—однолѣтки.

И что же? Онъ, глядящій въ тишинѣ,
На то, что создалъ онъ въ усладу зрѣнья,
Онъ счастливъ? Онъ блаженствуетъ вполнѣ?

Онъ полонъ блеска, смѣха, и презрѣнья?

VI.

НАВОЖДЕНІЕ.

Когда я спалъ, ко мнѣ явился Дьяволъ,
И говоритъ: „Я сдѣлалъ все, что могъ:
Искателемъ въ моряхъ безвѣстныхъ плавалъ,—

„Какъ пилигримъ, въ пустыняхъ мялъ песокъ,
Ходилъ по тюрьмамъ, избамъ, и больницамъ,
Все выполнилъ—и мой оконченъ срокъ".

И мыслямъ какъ поющимъ внемля птицамъ,
Я вопросилъ: „Ну, что же? Отыскалъ?“
Но былъ онъ какъ-то странно блѣднолицымъ.

Изъ двухъ, другъ въ друга смотрящихъ, зеркалъ
Глядѣли тѣни комнаты застывшей,
Кругъ Мѣсяца въ окно изъ нихъ сверкалъ.

И Дьяволъ, блѣдный обликъ свой склонивши,
Стоялъ какъ нѣкій богъ, и зеркала
Тотъ ликъ зажгли, двукратно повторивши.

Я чувствовалъ, что мгла кругомъ жила,
Во мнѣ конецъ съ началомъ были слиты,
И ночь была волнующе свѣтла.

Вокругъ окна, волшебно перевиты,
Качались виноградные листы,
Подъ Мѣсяцемъ какъ будто кѣмъ забыты.

Предавшись чарамъ этой красоты,
Какой-то міръ увидѣлъ я впервые,
И говорю: „Ну, что же? Я и ты—

„Все ты, да я, да ты: полуживые,
Мы тянемся, мы думаемъ, мы ждемъ.
Куда жъ влекутъ насъ цѣли роковыя?“

И онъ сказалъ: „Назначеннымъ путемъ,
Я проходилъ по царственнымъ озерамъ,
Смотрѣлъ, какъ травы стынутъ подо льдомъ.

„Я шелъ болотомъ, лугомъ, полемъ, боромъ,
Бросался дикимъ коршуномъ со скалъ,
Вникалъ во все мѣняющимся взоромъ“.

И я спросилъ: „Ну, что же? Отыскалъ?“
Но былъ онъ неизмѣнно блѣднолицымъ,
И дрогнулъ ликъ его межь двухъ зеркалъ.

Зарницы такъ отвѣтствуютъ зарницамъ.
„Что жь дальше?“ И отвѣтилъ Дьяволъ мнѣ:
„Я путь направилъ къ сказочнымъ столицамъ.

„Тамъ блѣдны всѣ, тамъ молятся Лунѣ.
На всѣхъ тѣлахъ тамъ пышныя одежды.
Кругомъ—вода. Волна поетъ волнѣ.

„Межь сновъ припоминаній и надежды,
Алѣютъ и цѣлуются уста,
Сжимаются отъ сладострастья вѣжды.

„Отъ вѣка и до вѣка—красота,
Волшебницы подобныя тигрицамъ,
Тамъ ласки, мысли, звуки, и цвѣта“.

И преданъ снамъ, ихъ стройнымъ вереницамъ,
Воскликнулъ я: „Ну, что же, отыскалъ?“
Но Дьяволъ оставался блѣднолицымъ!

Изъ двухъ, другъ въ друга смотрящихъ, зеркалъ
Глядѣли сонмы призраковъ сплетенныхъ,
Какъ бы внезапно стихнувшій кагалъ.

Все тотъ же образъ, полный думъ безсонныхъ,
Дробился тамъ, въ зеркальности, на днѣ,
Мѣняясь въ сочетаньяхъ повторенныхъ.

Сомнамбулы тянулись къ вышинѣ,
И каждый духъ похожъ былъ на другого,
Всѣ вмѣстѣ стыли въ лунномъ полуснѣ.

И къ Дьяволу я обратился снова,
Въ четвертый разъ, и даже до семи:
„Что жь, отыскалъ?“ Но онъ молчалъ сурово..

Умѣя обращаться со звѣрьми,
Я помянулъ царя мечты безсонной:
„Ты хочешь душу взять мою? Возьми“.

Но онъ стоялъ какъ нѣкій богъ, склоненный,
И явственно увидѣлъ я, что онъ,
Весь бѣлый, весь луною озаренный—

Былъ снизу черной тѣнью повторенъ.
Увидѣвъ этотъ ужасъ раздвоеній,
Я простоналъ: „Уйди, хамелеонъ!

„Уйди, бродяга, полный измѣненій,
Ты, между всѣхъ горящій блескомъ силъ,
Безсильный отъ твоей сокрыться тѣни!“

И страхъ меня смертельный пробудилъ.

VII.

ХИМЕРЫ.

Высоко на парижской Notre Dame
Красуются жестокія химеры.
Они умно усѣлись по мѣстамъ.

Въ безпутствѣ соблюдая чувство мѣры,
И гнусность доведя до красоты,
Они могли бы намъ являть примѣры.

Лазурный фонъ небесной пустоты
Обогащенъ красою ихъ несходства,
Господствомъ въ каждой—собственной черты.

Святыхъ легко смѣшаешь, а уродство
Всегда фигурно, личность въ немъ видна,
Въ чемъ явное пороковъ превосходство.

Но общность между ними есть одна:
Какъ крючья вопросительнаго знака,
У всѣхъ химеръ изогнута спина.

Скептически пропзрастенья мрака,
Шпіонски-выжидательны они,
Какъ мародеры возлѣ бивуака.

Не получивъ отвѣта исконп,
И чуждые голубоглазья вѣры,
Сидятъ архитектурные слѣпни,—

Односторонне-зрячія химеры,
Задумались надъ крышами домовъ,
Какъ на морѣ уродливыя шхеры.

Вкругъ Церкви, этой высшей изъ основъ,
Враждебнымъ станомъ выстроились зданья,
Берлоги тьмы, уютъ распутныхъ сновъ,—

И Церковь, осудивши тѣ мечтанья
Сердецъ, обросшихъ грубой тканью мха,
Развратный хаосъ въ мірѣ созиданья,—

Гдѣ дышитъ ядомъ каждая кроха,—
Воздвигла слѣпокъ мерзости звѣриной,
Зеркальный ликъ поклонниковъ грѣха.

Но межь людей, быть-можетъ, я единый
Въ глубокій смыслъ чудовищъ тѣхъ проникъ,
Всегда иное чуя за картиной.

Привѣтъ тебѣ, отшедшій мой двойникъ,
Создатель этихъ двойственныхъ видѣній,
Я въ стихъ влагаю твой скульптурный крикъ.

Привѣтъ вамъ, сонмы страшныхъ заблужденій!
Ты—геній сводни, духъ единорогъ,
Сподручникъ жадный вѣдьмовскихъ радѣній.

Гермафродитъ, глядящій на порокъ,
Ты жабу давишь въ пыткѣ думъ безсонныхъ,
Весь міръ ты развратилъ бы, если бъ могъ.

Концы ушей, продленно-заостренныхъ,
Стоятъ, какъ бы заслышавши вдали
Протяжный гулъ тобою соблазненныхъ.

Колдуній новыхъ жабы привели.
Но ты ужъ слышишь ропотъ осужденья,
Для васъ костры свирѣпые зажгли.

И ты, заклятый врагъ дѣторожденья,
Колдунья съ птицей, демоны-враги,
Препоны для простого наслажденья!

Твое лицо—зловѣщій ликъ Яги,
Нагія десна алчны и беззубы,
Твоя рука имѣетъ видъ ноги,

Твои черты безжалостныя грубы,
Застыли пряди каменныхъ волосъ,
Не знали поцѣлуевъ эти губы,—

Не вѣдали глаза химеры слезъ,
И шерстью, точно сорною травою,
Твой хищный станъ уродливо обросъ.

Какъ вѣстникъ твой, крича, передъ тобою
Стервятникъ омерзительный сидитъ,
Покрытый вмѣсто перьевъ чешуею.

Въ его когтяхъ какой-то звѣрь хруститъ,
Но какъ ни гнусенъ вѣстникъ твой ужасный,
Ты болѣе чудовищна на видъ.

И оба вы судьбѣ своей подвластны,
Одна мечта на васъ наводитъ лоскъ,
Единый геній, жесткій и безстрастный.

Какъ сжатъ печатью вдавленною воскъ,
Такъ лобъ у васъ, наклонно убѣгая,
Къ убійству духъ направилъ, сжавши мозгъ.

И ты еще, уродина другая,
Орангутангъ и жалкій идіотъ,
Ты скорчился, въ тоскѣ изнемогая.

Убогій демонъ, выродокъ, и скотъ,
Герой мечты безумнаго Эдгара,
Зачатой въ этомъ мірѣ въ черный годъ.

Въ тебѣ инстинктъ горѣлъ огнемъ пожара,
И ты двухъ женщинъ подло умертвилъ,
Но въ цвѣтѣ крови страшная есть чара.

Тебя нежданный ужасъ подавилъ,
И ты бѣжалъ на этотъ Домъ Видѣній,
Безпомощный калачъ, лишенный силъ.

Вы, дьяволы любовныхъ наслажденій,
Какъ много въ васъ отверженной мечты.
Одинъ какъ ангелъ, съ крыльями... О, геній!

Зачѣмъ въ безпутномъ пирѣ срамоты,
Для сладости обманчиваго часа,
Принизился до мелкихъ тварей ты!

Твое лицо—безстыдная гримаса,
Ты нагло манишь, высунувъ языкъ,—
Усталыхъ ласкъ приправа и прикраса.

Ты знаешь, какъ продлить тягучій мигъ,
Ты, съ холеными женскими руками,
Любовь умомъ обманывать привыкъ.

Другой нагленъ, съ кошачьими зрачками,
Надъ Городомъ Безумія склонясь,
Всѣмъ обликомъ хохочетъ надъ врагами.

Онъ гибокъ, сладострастенъ, и какъ разъ
Въ объятьи на-смерть съ хохотомъ удавитъ,
Какъ змѣй вкругъ тѣла нѣжнаго вiясь.

Еще другой, всего превыше ставитъ
Блаженство въ щель чужую заглянуть,
Глядитъ, дрожитъ, и грязный ротъ слюнявитъ.

Еще, съ лицомъ козла, ввалилась грудь,
Глаза глубоко всажены въ орбиты,
Сумѣлъ онъ весь въ распутствѣ потонуть.

Вы разны всѣ, и всѣ вы стройно слиты,
Вы всѣ незримой сѣтью сплетены,
Равно въ семьѣ единой имениты.

Но всѣхъ прекраснѣй въ свитѣ Сатаны,
Сліяніе ума и лицемѣрья,
Волшебный образъ некоей жены.

Она вѣнецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предверье,
Карикатура ей изжитыхъ думъ,
Крылатый коршунъ, выщипавшій перья.

Взамѣну чувствъ у ней остался умъ,
Она ханжа въ отшельнической рясѣ,
Изсохшій монастырскій толстосумъ.

Застывши въ иронической гримасѣ,
Она какъ бы блюдетъ ихъ всѣхъ кругомъ.
Иронія прилична въ свинопасѣ.

И всѣ они вѣнчаютъ—Божій Домъ!

VIII.

ШАБАШЪ.

Въ день четверга, излюбленный у насъ,
Затѣмъ что это праздникъ всѣхъ могучихъ,
Мы собрались въ предвозвѣщенный часъ.

Луна была сокрыта въ дымныхъ тучахъ,
Возросшихъ какъ лѣса и города.
Всѣ ждали тайнъ и ласкъ блаженно-жгучихъ.

Мы донеслись по воздуху туда,
На кладбище, къ уюту усыпленныхъ,
Гдѣ люди днемъ лишь бродятъ иногда.

Толпы колдуній, жадныхъ и влюбленныхъ,
Ряды глядящихъ пристально людей,
Мы были сонмомъ духовъ изступленныхъ.

Одинъ, мудрѣйшій въ знаніи страстей,
Былъ ярче всѣхъ лицомъ своимъ прекраснымъ.
Онъ былъ нашъ царь, любовникъ всѣхъ, и Змѣй.

Тамъ были свѣчи съ пламенемъ неяснымъ,
Одни съ зеленовато-голубымъ,
Другія съ блѣдно-желтымъ, третьи съ краснымъ.

И всѣ они струили тонкій дымъ.
Кто подходилъ и имъ дышалъ мгновенье,
Тотъ становился тотчасъ молодымъ.

Тамъ были пляски, игры, превращенья
Людей въ животныхъ, и звѣрей въ людей,
Соединенныхъ въ счастіи внушенья.

Подъ блескомъ тѣхъ измѣнчивыхъ огней,
Напоминавшихъ лѣтнюю зарницу,
Сплетались члены сказочныхъ тѣней.

Какъ будто кто вращалъ ихъ вереницу,
И женщину всегда ласкалъ козелъ,
Мужчина обнималъ всегда волчицу.

Таковъ законъ, иначе—произволъ,
Особый видъ волнующей приправы,
Когда стремится къ полу чуждый полъ.

Но вотъ въ сверканьи свѣчъ сѣдыя травы
Качнулись, пошатнулись, возросли,
Какъ души, сладкой полныя отравы.

Неясный мѣсяцъ выступилъ вдали
Изъ дрогнувшаго на небѣ тумана,
И жабы въ черныхъ платьяхъ приползли.

Давнишнія созданья Аримана,
Они влекли колдуній молодыхъ,
Еще не знавшихъ сладостей дурмана.

Нашъ кругъ разъялся, принялъ ихъ, затихъ,
И демоны къ нимъ жадные припали,
Перевернувъ порядокъ членовъ ихъ.

И мѣсяцъ имъ свѣтилъ изъ дымной дали,
И Змѣй нашъ устремилъ на нихъ свой взглядъ,
И мы отъ ихъ блаженства трепетали.

Но вотъ свершенъ таинственный обрядъ,
И всѣ колдуньи, въ спахъ какихъ-то гнѣвныхъ,
„Давайте мертвыхъ! Мертвыхъ намъ!“ кричатъ.

Протяжностью заклятій перепѣвныхъ,
Составленныхъ изъ повседневныхъ словъ,
Но лишь не въ сочетаньяхъ ежедневныхъ,—

Они смутили мирный сонъ гробовъ,
И изъ могилъ расторгнутыхъ возстали
Гнилые трупы ветхихъ мертвецовъ.

Они сперва какъ будто выжидали,
Потомъ, качнувшись, быстро шли впередъ,
И дьявольскимъ сіяніемъ блистали.

Раскрывъ отжившій, вдругъ ожившій, ротъ,
Какъ юноши, они къ колдуньямъ льнули,
И всю толпу схватилъ водоворотъ.

Всѣ хохоты въ одномъ смѣшались гулѣ,
И сладостно казалось намъ шептать
О тайнахъ смерти, въ чувственномъ разгулѣ.

Отца ласкала дочь, и сына мать,
И тѣло къ тѣлу жаться было радо,
Въ различности искусства обнимать.

Но вотъ вдали, гдѣ кончилась ограда,
Раздался первый возгласъ пѣтуха,
И мы спѣшимъ отъ гнили и распада,—

Въ блаженствѣ соучастія грѣха.

IX.

ПРОБУЖДЕНІЕ ВАМПИРА.

Изъ всѣхъ картинъ, что создалъ я для міра,
Всего желаннѣй сердцу моему
Картина—„Пробужденіе Вампира".

Я право самъ не знаю, почему.
Завѣтныя ли въ ней мои мечтанья?
Двойной ли смыслъ? Не знаю. Не пойму.

Во мглѣ полуразрушеннаго зданья,
Гдѣ умерло величье давнихъ дней,
Въ углу лежитъ безумное созданье,—

Безумное въ жестокости своей,
Безкровный обликъ съ алыми губами,
Единый—изъ отверженныхъ тѣней.

Межъ демоновъ, какъ царь между рабами,
Красивый демонъ, въ лунной полумглѣ,
Онъ спитъ, какъ спятъ сокрытые гробами.

И всюду сонъ и блѣдность на землѣ.
Какъ льдины, облака вверху застыли,
И лунный проблескъ замеръ на скалѣ.

Онъ спитъ, какъ странный сонъ отжившей были,
Какъ тотъ, кто зналъ всю роскошь красоты,
Какъ тѣ, что гдѣ-то чѣмъ-то раньше жили.

Печалью искаженныя черты
Изобличаютъ жадность къ возбужденьямъ,
Изношенность душевной пустоты.

Онъ все жъ проснется къ новымъ наслажденьямъ,
Отъ полночи живетъ онъ до зари,
Среди страстей, неистовымъ видѣньемъ.

Но первый лучъ есть приговоръ: „Умри".
И вотъ ростетъ вторая часть картины.
Вторая часть: ихъ всѣхъ, конечно, три.

На небѣ, какъ расторгнутыя льдины,
Стоитъ гряда воздушныхъ облаковъ.
Другое зданье. Пышныя гардины.

Полураскрытъ гранатовый альковъ.
Тамъ женщина застыла въ страстной мукѣ,
И грудь ея—какъ бѣлый пухъ снѣговъ.

Откинуты изогнутыя руки,
Какъ будто милый жмется къ ней во снѣ,
И сладко ей, и страшно ей разлуки.

А тотъ, кто спится, тутъ же въ сторонѣ,
Онъ тоже услажденъ своей любовью,
Но страшенъ онъ въ глядящей тишинѣ.

Къ ея груди прильнувъ, какъ къ изголовью,
Онъ спитъ, блаженствомъ страсти утомленъ,
И ротъ его окрашенъ алой кровью.

Кто болѣе изъ нихъ двоихъ влюбленъ?
Одинъ во снѣ увидѣлъ наслажденье,
Другой укралъ его—и усыпленъ.

И оба не предвидятъ пробужденья.
Въ лазури чуть блѣднѣютъ янтари.
Луна огромна въ далях исхожденья.

Еще не вспыхнулъ первый лучъ зари.
Завершена вторая часть картины.
Вампиръ не зналъ, что всѣхъ ихъ будетъ три.

На небесахъ, какъ тающія льдины,
Бѣгутъ толпы разъятыхъ облаковъ,
У оконъ бьются нити паутины.

Но окна сперты тяжестью оковъ,
Безстыдный день царитъ въ покояхъ зданья,
И весь горитъ гранатовый альковъ.

Охвачена порывомъ трепетанья,
Та, чья мечта была роскошный пиръ,
Проснулась для безмѣрнаго страданья.

Ее любилъ, ее ласкалъ—вампиръ.
А онъ, согбенный, съ жадными губами,
Какой онъ новый вдругъ увидѣлъ міръ!

Обманутый плѣнительными снами,
Онъ не успѣлъ исчезнуть въ должный мигъ,
Чтобъ ждать, до срока, тѣнью межь тѣнями.

Заснувшій духъ проснулся какъ старикъ.
Отчаяньемъ захваченный мгновеннымъ,
Не въ силахъ удержать онъ рѣзкій крикъ.

Онъ жить хотѣлъ вовѣки неизмѣннымъ,
И вдругъ утратилъ силу прежнихъ чаръ,
И вдругъ себя навѣкъ увидѣлъ плѣннымъ,—

Увидѣвъ яркій солнечный пожаръ!

X.

ГОРОДА МОЛЧАНЬЯ.

Въ одной изъ странъ, гдѣ нѣтъ ни дня, ни ночи,
Гдѣ ночь и день смѣшались навсегда,
Гдѣ мигъ длиннѣй, но вѣкъ существъ короче.

Тамъ небо—какъ вечерняя вода,
Безжизненно, воздушно, безучастно,
Въ странѣ, гдѣ спятъ нѣмые города.

Тамъ всѣ въ своихъ отдѣльностяхъ согласно,
Глухія башни дремлютъ въ вышинѣ,
И тѣни-люди движутся безгласно.

Тамъ всѣ живутъ и чувствуютъ во снѣ,
Стоятъ, сидятъ съ закрытыми глазами,
Проходятъ въ безпредѣльной тишинѣ.

Узоры крышъ нѣмыми голосами
О чемъ-то позабытомъ говорятъ,
Роса мерцаетъ блѣдными слезами.

Сѣдыя травы блескомъ ихъ горятъ,
И темныя деревья, холодѣя,
Раскинулись въ неумолимый рядъ.

Отъ города до города, желтѣя,
Идутъ пути, и стройные стволы
Стоятъ, какъ бы просторомъ ихъ владѣя.

Все сковано въ застывшемъ царствѣ мглы,
Печальной сказкой выстроились зданья,
Какъ западни—ихъ темные углы.

Въ странѣ, гдѣ спятъ восторги и страданья,
Бываетъ праздникъ жертвы разъ въ году,
Безъ словъ, какъ здѣсь внѣ слова всѣ мечтанья.

Чтобъ отвратить жестокую бѣду,
Чтобы отвергнуть ужасъ пробужденья,
Чтобъ быть, какъ прежде, въ мертвенномъ чаду.

На ровномъ полѣ, гдѣ сошлись владѣнья
Различно-спящихъ мирныхъ городовъ,
Ростутъ толпою люди-привидѣнья.

Они встаютъ безбрежностью головъ,
Съ поникшими, какъ травы, волосами,
И мысленный какъ будто слышатъ зовъ.

Они глядятъ—закрытыми глазами,
Сквозь тонкую преграду блѣдныхъ вѣкъ.
Ждетъ—избранный нѣмыми голосами.

И вотъ выходитъ демонъ-человѣкъ,
Взмахнулъ надъ изумленнымъ глыбой стали,
И голову безгласную отсѣкъ.

И тѣни головами закачали.
Семь темныхъ духовъ къ трупу подошли,
И кровь его въ кадильницы собрали.

И вдоль путей, лоснящихся въ пыли,
Забывшія о пыткѣ яркой боли,
Видѣнья сонмы дымныхъ свѣчъ зажгли.

Семь темныхъ духовъ ходятъ въ темномъ полѣ,
Кадильницами черными кропятъ,
Во имя сновъ, молчанья, и неволи.

Деревья смотрятъ, выстроившись въ рядъ.
На цѣлый годъ закляты сновидѣнья,
Вкругъ жертвы ихъ—свѣтильники горятъ.

Потухли. Отдалилось пробужденье.
Свои глаза сомкнувши навсегда,
Проходятъ молча люди-привидѣнья.

Въ странѣ, гдѣ спятъ нѣмые города.

XI.

ОСУЖДЕННЫЕ.

Онъ каждый день приходитъ къ намъ въ тюрьму,
Въ тотъ часъ, когда, достигнувъ до зенита,
Лижетъ Солнце, предвкушая тьму.

Въ его глазахъ вопросовъ столько слито,
Что, въ нихъ взглянувъ, невольно мы дрожимъ,
И помнимъ то, что было позабыто.

Онъ смотритъ какъ печальный серафимъ,
Онъ говоритъ безкровными устами,
И мы какъ осужденные предъ нимъ.

Онъ говоритъ: „Вы были въ стройномъ храмѣ,
Тамъ сонмы ликовъ пѣли въ свѣтлой мглѣ,
И въ окнахъ Солнце искрилось надъ вами.

„Вы были какъ въ спокойномъ кораблѣ,
Который тихо плылъ къ странѣ родимой,
Зачѣмъ же измѣнили вы землѣ?

„Разрушивъ храмъ, въ тоскѣ неукротимой,
Мѣняя направленье корабля,
Вы плыли, плыли къ точкѣ еле-зримой,—

„Какъ буравомъ равнину водъ сверля.
Но глубь, сверкнувъ, росла водоворотомъ,
И точка не вставала какъ земля.

„Все къ новымъ бѣдамъ, поискамъ, заботамъ
Она вела васъ бѣглымъ огонькомъ,
И смерть была за каждымъ поворотомъ.

„Вашъ умъ жестокимъ былъ для васъ врагомъ,
Онъ васъ завлекъ въ безмѣрныя пустыни,
Гдѣ всюду только пропасти кругомъ.

„Вотъ почему вы прокляты отнынѣ,
Среди высокихъ плотныхъ этихъ стѣнъ,
Съ душою, полной мрака и гордыни.

„Вѣка вѣковъ продлится этотъ плѣнъ.
Припомните, какъ вы въ тюрьму попали,
Искатели великихъ перемѣнъ".

И мы, какъ раздробленныя скрижали,
Свой смыслъ утративъ, блѣдные, въ пыли,
Предъ нимъ скорбимъ, и нѣтъ конца печали.

Онъ снова рѣчь ведетъ,—какъ бы вдали,
Хотя предъ нами взоръ его блестящій,
Въ которомъ всѣ созвѣздья свѣтъ зажгли.

Онъ говоритъ: „Вы помните, все чаще
Вамъ скучно становилось между водъ,
И смутно отъ дороги предстоящей.

„Но разъ попали вы въ водоворотъ,
Вамъ нужно было все впередъ стремиться,
И такъ свершать круги изъ года въ годъ.

„О, мука—въ безпредѣльности кружиться,
Кончать, чтобъ вновь къ началу приходить,
Желать, и никогда не насытиться!

„Все-жь въ самой жаждѣ—вамъ была хоть нить,
Былъ хоть намекъ на сладость обладанья,
Любовь была—въ желаніи любить.

„Но въ повтореньи гаснутъ всѣ мечтанья,
И какъ ни жди, но, если тщетно ждешь,
Есть роковой предѣлъ для ожиданья.

„Искать свѣтилъ, и видѣть только ложь,
Носить въ душѣ роскошный міръ созвучій,
И знать, что въ яви къ нимъ не подойдешь.

„У васъ въ душѣ свинцомъ нависли тучи,
И сталъ вашъ лозунгъ—Больше Никогда,
И даль закрылась пѣною летучей.

„Куда ни гляпешь—зыбкая вода,
Куда ни ступишь—скрытое теченье,
Вотъ почему вы мертвы навсегда".

И вспомнивъ наши прежнія мученья,
Мы ждемъ, чтобъ нашъ казнитель и судья
Далъ внѣшнее для нихъ обозначенье.

Онъ говоритъ: „Въ пустыняхъ бытія
Вы были—умъ до времени усталый,
Не до конца лукавая змѣя.

„И демоны васъ бросили на скалы,
И ввергли васъ въ высокую тюрьму,
Гдѣ только кровь какъ макъ блистаетъ алый,—

„А все другое слито въ полутьму,
Гдѣ, скукою объяты равнодушной,
Вы молитесь убійству одному.

„Молитесь же!" И нашъ палачъ воздушный,
Вдругъ измѣняя свой небесный видъ,
Встаетъ какъ Дьяволъ, блѣдный и бездушный,—

Того, другого между насъ разнгъ,
Лишь маніемъ руки, лишь острымъ взглядомъ,
И алый макъ цвѣтетъ, горитъ, грозитъ.

И мы, на мигъ живые—съ трупомъ рядомъ,
Дрожимъ, сознавъ, что мы осуждены,
За то, что, бросивъ Рай съ безгрѣшнымъ садомъ,

Змѣиные не полюбили сны.

XII.

ЧЕРНЫЙ И БѢЛЫЙ.

Шумящій день умчался къ днямъ отшедшимъ.
И снова ночь. Который въ мірѣ разъ?
Не думай—или станешь сумасшедшимъ.

Я твой опять, я твой, полночный часъ.
О таинствахъ мы сговорились оба,
И нѣтъ того, кто бъ могъ расторгнуть насъ.

Подвластный духъ, возстань скорѣй изъ гроба,
Раскрывъ рѣсницы, снова ихъ смежи,
Забудь, что насъ разъединяла злоба.

Сплетенье страсти, замысловъ, и лжи,
Покорное и хитрое созданье,
Скорѣй мнѣ праздникъ чувства покажи.

О, что за боль въ минутѣ ожиданья!
О, что за блескъ въ расширенныхъ зрачкахъ!
Ко мнѣ! Скорѣе! Ждутъ мои мечтанья!

И вотъ на запредѣльныхъ берегахъ
Зажглись вліянья черной благодати,
И ты со мной, мой блескъ, мой сонъ, мой страхъ.

Ты, incubus таинственныхъ зачатій,
Ты, succubus, мѣняющій свой ликъ,
Ты, первый звукъ въ моемъ глухомъ набатѣ.

Подай мнѣ краски, вѣрный мой двойникъ.
Вотъ такъ. Зажжемъ теперь большія свѣчи.
Побудь со мной. Диктуй свой тайный крикъ.

Ты наклоняешь дѣвственныя плечи.
Что жь написать? Ты говоришь: весну.
Весенній день и радость первой встрѣчи.

Да, любятъ всѣ. Любили въ старину.
Наложимъ краски зелени побѣдной,
Изобразимъ расцвѣтъ и тишину.

Но зелень травъ глядитъ насмѣшкой блѣдной.
Въ ночныхъ лучахъ скелетствуетъ весна,
И закисью цвѣты мерцаютъ мѣдной.

Во всѣ оттѣнки вторглась желтизна,
Могильной сказкой смотритъ сонъ мгновенья,
Онъ—блѣдный трупъ, и блѣдный трупъ—она.

Но не въ любви единой откровенье,
Изобразимъ убійство и мечту,
Багряность маковъ, алый блескъ забвенья.

Захватимъ сновидѣнья налету,
Замкнемъ ихъ въ наши бѣлыя полотна,
Войну какъ сонъ, и сонъ какъ красоту.

Но красный цвѣтъ намъ служитъ неохотно,
Встаютъ цвѣты, красивые на видъ,
Лежатся трупы, такъ правдиво-плотно,—

Но вспыхнетъ день, и насъ разоблачитъ,
Осенній желтоцвѣтъ вольется въ алость
И прочь жизнеподобіе умчитъ.

На всемъ мелькнетъ убогая усталость,
Въ оттѣнкахъ—полуглупый смѣхъ шута,
Въ движеньяхъ—неумѣлость, запоздалость.

Во всемъ намъ измѣняетъ красота,
Вездѣ мы попадаемъ въ паутину,
Мы поздніе, въ чьемъ сердцѣ—пустота.

Отбросимъ же фальшивую картину,
Невѣрны мы другъ другу навсегда,
Какъ въ раззорены слуги господину.

Мой succubus, что-жь дѣлать намъ тогда?
Теперь-то и подвластны намъ стихіи,
Земля, огонь, и воздухъ, и вода.

Мы поняли запреты роковые,
Такъ вступимъ въ царство вѣрныхъ двухъ тоновъ.
Намъ черный съ бѣлымъ—вѣстники живые.

И днемъ и ночью—въ нихъ правдивость сновъ,
Въ одномъ—всѣхъ красокъ скрытое убранство,
Въ другомъ—вся отрѣшенность отъ цвѣтовъ.

Какъ странно ихъ нѣмое постоянство,
Какъ рвутся черно-бѣлые цвѣты,
Отсюда—въ междузвѣздное пространство.

Тамъ дышитъ идеальность черноты,
Здѣсь—втайнѣ—блескъ оттѣнковъ безпредѣльныхъ,
И слышенъ гимнъ двухъ геніевъ мечты:

„Какъ жаднымъ душамъ двухъ враговъ смертельныхъ,
Какъ любящимъ, въ чьемъ сердцѣ глубина,
Какъ бѣшенству двухъ линій параллельныхъ,—

„Для встрѣчи безконечность намъ нужна".

XIII.

ВЕЧЕРНІЙ ЧАСЪ.

Волшебный часъ вечерней тишины,
Исполненный невидимыхъ внушеній,
Въ моей душѣ расцвѣчиваетъ сны.

Въ вечернихъ водахъ много отраженій,
Въ нихъ дышитъ Солнце, вѣтви, облака,
Нѣмые знаки зрѣющихъ рѣшеній.

А между тѣмъ широкая рѣка
Стремитъ впередъ свободное теченье,
Своею скрытой жизнью глубока.

Минувшія незнанья и мученья
Мерцаютъ блѣднолицою толпой,
И я къ нимъ полонъ страннаго влеченья.

Мнѣ снится сумракъ блѣдно-голубой,
Мнѣ снятся дни невинности воздушной,
Когда я не былъ—для другихъ—судьбой.

Теперь, толпою властвуя послушной,
Я для нея—палачъ и божество,
Картинность думъ—въ нихъ смѣнѣ равнодушной.

Но не всегда для сердца моего
Былъ такъ отвратенъ образъ человѣка,
Не вѣчно сердце было такъ мертво.

Мыслитель, соблазнитель, и калѣка,
Я болѣе не полюблю людей,
Хотя бы прожилъ вѣкъ Мельхиседека.

О, свѣтлый май, съ блаженствомъ безъ страстей!
О, ландыши, съ ихъ свѣжестью истомной!
О, воздухъ утра, воздухъ-чародѣй!

Усадьба. Садъ съ бесѣдкою укромной.
Безгрѣшные деревья и цвѣты.
Луна весны въ лазури полутемной.

Все памятно. Но Геній Красоты
Съ Колдуньей Знанья, страшные два духа,
Закляли сонъ младенческой мечты.

Колдунья Знанья, жадная старуха,
Духъ Красоты, неуловимый змѣй,
Шептали что-то вкрадчиво и глухо.

И проклялъ я невинность первыхъ дней,
И проходя уклонными путями,
Вкусилъ всего, чтобъ все постичь яснѣй.

Міры, вѣка—насыщены страстями.
Ты хочешь быть безсмертнымъ, міровымъ?
Промчись, какъ громъ, съ пожаромъ и съ дождями.

Восторжествуй надъ мертвымъ и живымъ,
Люби себя—бездонно, ненасытно,
Пусть будетъ символъ твой—огонь и дымъ.

Въ борьбѣ стихій содружество ихъ слитно,
Соедини ихъ двойственность въ себѣ,
И будетъ тѣнь твоя въ вѣкахъ гранитна.

Понявъ Судьбу, я равенъ сталъ Судьбѣ,
Въ моей душѣ равны лучи и тѣни,
И я молюсь—покою и борьбѣ.

Но все-жь балконъ и ветхія ступени
Милѣе мнѣ, чѣмъ пышность гордыхъ сновъ,
И я міры отдамъ за кустъ сирени.

Порой—порой!—весь міръ такъ свѣжъ и новъ,
И все влечетъ, все близко безъ изъятья,
И свистъ стрижей, и звонъ колоколовъ, —

Покой могилъ, незримыя зачатья,
Печальный свѣтъ слабѣющихъ лучей,
Правдивость словъ молитвы и проклятья,—

О, все поетъ и блещетъ какъ ручей,
И сладко знать, что ты какъ звонъ мгновенья,
Что ты живешь, но ты ничей, ничей.

Объятый безъизмѣрностью забвенья,
Ты святость и преступность побѣдилъ,
Въ блаженствѣ мірового единенья.

Туманъ луговъ, какъ тихій дымъ кадилъ,
Встаетъ хвалой гармоніи безбрежной,
И смыслы словъ ясней въ словахъ свѣтилъ.

Какой восторгъ—вернуться къ грусти нѣжной,
Скорбѣть, какъ полусломанный цвѣтокъ,
Въ сознаніи печали безнадежной.

Я счастливъ, грустенъ, свѣтелъ, одинокъ,
Я тѣнь въ водѣ, отброшенная явой,
Я цѣленъ весь, инымъ я быть не могъ.

Не такъ-ли предокъ мой вольполюбивый,
Ниспавшій свѣточъ ангельскихъ системъ,
Проникся вдругъ печальностью красивой,—

Когда, войдя лукавостью въ Эдемъ,
Онъ поразился блескомъ мірозданья,
И замеръ, свѣтелъ, холоденъ, и нѣмъ.

О, свѣтъ вечерній! Позднее страданье!

XIV.

КАМЕНЬ СКАЛЪ.

Какъ выступы сѣдыхъ прибрежныхъ скалъ
Источены повторностью прилива,
Что столько разъ враждебно набѣгалъ,—

Въ моей душѣ, гдѣ было все красиво,
Измѣнены завѣтныя черты,
Въ ней многое какъ бы отвѣтно криво.

Изъ царства внѣвременной темноты
Къ намъ рвутся извращенныя мечтанья,
Во всемъ величьи дикой наготы.

Побыть въ стихійной вспышкѣ возростанья,
Глядѣть, какъ пѣнно высится вода,
Понять, что хаосъ—утро мірозданья!

Быть-можетъ, не вернется никогда
Вотъ эта радость думъ о необычномъ,
Хоть ропотъ волнъ о нихъ поетъ всегда.

И сладко встать высоко надъ привычнымъ,
Содѣлаться—велѣніемъ Судьбы—
Къ своей судьбѣ стихійно-безразличнымъ.

Но что мы можемъ, блѣдные рабы!
Набѣгъ страстей шатнулся, отступаетъ,
Какъ войско, внявъ отбойный зовъ трубы.

Волна, достигши высшаго, вскипаетъ,
Мѣняетъ цвѣтъ зелено-голубой,
Ломается, блеститъ, и погибаетъ.

Отпрянулъ неустойчивый прибой,
Бѣжитъ назадъ въ безбрежныя пустыни,
Чтобъ въ новый мигъ затѣять новый бой.

И такъ же вѣтеръ, съ первыхъ дней донынѣ
Таящійся въ горахъ съ ихъ влажной тьмой,
На краткій мигъ бросаетъ ихъ твердыни,—

Промчитъ грозу равниною нѣмой,
Случайно изумитъ людей циклономъ,
И вновь спѣшитъ, къ ущельямъ горъ, домой.

А я инымъ покорствую законамъ,
По волѣ измѣняться мнѣ нельзя,
Я камень скалъ, съ ихъ вынужденымъ стономъ.

Во мнѣ блуждаютъ отклики, скользя,
Недвижно я мѣняюсь, еле зримо,
А если двинусь—гибелью грозя.

Блѣднѣетъ все, бѣжитъ неудержимо,
Измѣны дней отпечатлѣли слѣдъ,
Всѣ тѣни міра здѣсь проходятъ мимо,

Но въ смѣнѣ волнъ для камня счастья нѣтъ

XV.

ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Закрывъ глаза, я слушаю безгласно,
Какъ гаснетъ шумъ смолкающаго дня,
Въ моей душѣ торжественно и ясно.

Послѣдній свѣтъ закатнаго огня,
Въ окно входя цвѣтною полосою,
Ласкательно баюкаетъ меня.

Опустошенный творческой грозою,
Блаженно стынетъ нѣжащійся духъ,
Какъ стебли травъ, забытые косою,

Я весь преображаюсь въ чуткій слухъ,
И внемлю чье-то дальнее рыданье,
И близкое ко мнѣ жужжанье мухъ.

Я замеръ въ сладкой дремѣ ожиданья,
Вотъ-вотъ кругомъ сольется все въ одно,
Я въ музыкѣ всемірнаго мечтанья.

Все то, что во Вселенной рождено,
Куда-то въ пропасть мчится по уклонамъ,
Какъ мертвый камень падаетъ на дно.

Одинъ—свѣтло смѣясь, другой—со стономъ,
Всѣ падаютъ, какъ звуки съ тонкихъ струнъ,
И міръ объятъ красиво скорбнымъ звономъ.

Я вижу много дальнихъ снѣжныхъ лунъ,
Я вижу изумрудныя планеты,
По нхъ морямъ не пѣнится бурунъ.

На нихъ иные призраки и свѣты.
И я въ безмолвномъ счастьи сознаю,
Что для меня не всѣ созвучья спѣты.

Я радуюсь иному бытію,
Гармонію планетъ воспринимаю,
И самъ—въ дворцѣ души своей—пою.

Просторамъ звѣздъ ни грани нѣтъ, ни краю.
Пространства звоновъ полны торжествомъ,
И, все понявъ, я смыслы нхъ впиваю.

Исходный лучъ въ сплетеньи міровомъ,
Мой разумъ слитъ съ безбрежностью блаженства,
Поющаго о мертвомъ и живомъ.

Да будутъ пытки! Въ этомъ совершенство.
Да будетъ боль стремленій безъ конца!
Отъ рабства мглы—до яркаго главенства!

Мы звенья вкругъ созвѣзднаго кольца,
Прогалины среди вѣтвей сплетенныхъ,
Мы свѣтотѣнь разумнаго лица.

Лучами нашихъ сновъ освобожденныхъ
Мы тянемся къ безмѣрной Красотѣ
Въ моряхъ сознанья, звонкихъ и бездонныхъ.

Мы каждый мигъ—и тѣ же и не тѣ,
Великая расторгнута завѣса,
Мы быстро мчимся къ сказочной чертѣ,—

Какъ наши звѣзды къ звѣздамъ Геркулеса.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Четверогласіе Стихій.

	Стр.
Я въ этотъ міръ пришелъ	5
Будемъ какъ Солнце	6
Воздушный храмъ	6
Голосъ Заката	8
Разсвѣтъ	9
Гимнъ Огню	10
Новолуніе	14
Лунное безмолвіе	15
Вліяніе Луны	15
Восхваленіе Луны	17
Влага	21
Воззванье къ Океану	22
Бѣлый пожаръ	22
Двойная жизнь	23
Льдины	24
Сонъ	25
Съ морского дна	26
Дождь	33
Прерывистый шелестъ	34
Безвѣтріе	35
Снѣжинки	36
Къ Вѣтру	37
Вѣтеръ горъ и морей	37
Вѣтеръ	38
Завѣтъ бытія	39
Вскрытіе льда	40
Сѣверъ	41
Испанскій цвѣтокъ	42
Толедо	43
Paseo de las Delicias въ Севильѣ	44

Стр.

Къ царицѣ фей. 44
Къ юному схимнику. 45
Не лучше ли страданіе. 46
Сумерки. 47
Успокоеніе. 48
Сказать мгновенью „Стой“. 48
Вербы. 49
Цвѣтокъ. 50

2. Змѣиный глазъ.

Праздникъ свободы. 53
Я изысканность русской медлительной рѣчи. . 54
Если въ душу я взгляну. 54
Мои пѣснопѣнья. 55
Слова—хамелеоны. 56
Все равно мнѣ. 57
Что достойно, что безчестно. 58
Жить среди беззаконія. 58
Воля. 59
Мнѣ снятся караваны. 60
Я полюбилъ свое безпутство. 61
Глаза. 62
Сквозь строй. 62
Въ застѣнкѣ. 63
Въ домахъ. 64
Мститель. 65
Соперники. 66
Ломаныя линіи. 66
Нашимъ врагамъ 67
Гармонія словъ. 68
Другу. 68
Если грустно тебѣ. 69
Ты мнѣ говоришь 69
Мы брошены въ сказочный міръ 70
Аккорды 71
Sin miedo 71

3. Млечный путь.

Трилистникъ. 75
Нѣтъ дня, чтобъ я не думалъ о тебѣ. 77
Я заснулъ на распутьи глухомъ 78
Мы прячемъ 79
Тончайшія краски 79

Стр.
На разныхъ языкахъ 80
Поздно 81
Млечный путь. *Сонетъ* 81
Обыкновенная исторія 82
Соединенные 83
Придорожныя травы 84
Влюбленные 85
Я знаю людей 86
Вечерняя тишь 86
Волны 87
Нарциссъ и эхо 88
Мудрость сердца 88
Утренній цвѣтокъ 89
Я не знаю 90
Шиповникъ 91
Сразу 92
Бѣлый цвѣтокъ 93
Ты здѣсь 93
Черемуха 94
Прозрачность 95
Ты вся мнѣ кажешься 95
Шестнадцати лѣтъ 96
Замарашка 97
Колдунья. *Сонетъ* 97
Морская душа 98
Семицвѣтникъ 99
Влага только на мгновенье 102
Три цвѣта 103
Серенада 104
Крестоносецъ. *Сонетъ* 104

4. Зачарованный гротъ.

О, Сафо 109
Жизнь проходитъ 109
Отпаденія 110
Мое прикосновенье 110
Мой милый 111
Утренникъ 112
Я тебя закутаю 112
Арумъ 113
Хоть разъ 114
Анита 114
Слiяніе. *Сонетъ* 115

Стр.
Русалка 116
Я ласкалъ 116
Колдунья влюбленная 117
Играющей въ игры любовныя 117
Неренда 118
Я больше ее не люблю 119
Да, я люблю одну тебя 120
Хочу 120
Я войду въ зачарованный гротъ 121
Пѣнье ручья 121
Мы съ тобой сплетемся 122
Веселый дождь 123
У ногъ твоихъ 124
За то, что нѣтъ благословенія 124
Она отдалась безъ упрека 125

5. Danses Macabres.

Поэты 129
Заклятіе 130
Костры 134
Тайна горбуна 135
Голосъ Дьявола 137
Врагъ 138
Избирательное сродство. *Сонетъ* 138
Неразлучимые 139
Два трупа 140
Надъ болотомъ 141
Вѣдьма 141
Incubus 142
Пожаръ 144
Хорошо ль тебѣ, дѣвица 145
Въ тотъ мигъ 146
Ad infinitum 146
Къ Смерти 147

6. Сознаніе.

Я съ каждымъ могу говорить 153
Я не знаю, что такое—презрѣніе 154
Я не могу понять, какъ можно ненавидѣть . . . 154
Заглянуть 155
Душа 155
Жемчужные тона картинъ венеціанскихъ . . . 156
Часы 157

Стр.
Маятникъ 158
Память 159
Убійца Глѣба и Бориса 160
Терцины 162
Отъ полюса до полюса 163
Слѣпецъ 164
Прекрасно быть безумнымъ 165
Одинокому 165
Предопредѣленіе 168
Демоны 169
Еще необходимо любить и убивать. 170
Искатели 171
Предъ итальянскими примитивами. 172
Фра Анджелико. 173
Рибейра. 173
Веласкесъ 174
Скорбь Агурамазды 175
Великое Ничто 176
Намекъ 178
Три легенды 179
Вѣрьте мнѣ, обманутые люди. 179

7. Художникъ-Дьяволъ.

Безумный часовщикъ 183
Художникъ 185
Дымы. 187
Сны 189
Кукольный театръ 193
Навожденіе 195
Химеры. 198
Шабашъ 203
Пробужденіе вампира. 206
Города молчанья 209
Осужденные 211
Черный и бѣлый 215
Вечерній часъ 218
Камень скалъ. 221
Освобожденіе 228

КАТАЛОГИ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВЪ

„Скорпіонъ“, „Мусагетъ“ и „Альціона“

КАТАЛОГЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

«СКОРПІОНЪ»

I. СТИХИ.

Ю. Балтрушайтисъ. Земныя Ступени. Элегіи М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Ю. Балтрушайтисъ. Горная Тропа. Вторая книга стиховъ. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

К. Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ.

Томъ I. (Подъ сѣвернымъ Небомъ. Въ безбрежности. Тишина.) М. 1908. Готовится 4-е изд.

Томъ II. (Горящія Зданія.) Изд. 3-е. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ III. (Будемъ какъ Солнце.) Изд. 4-е. М. 1912. Ц. 2 р.

Томъ IV. (Только Любовь.) Печатается.

Томъ V. (Литургія Красоты.) Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ VI. (Фейныя Сказки. Злыя Чары.) Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ VII. (Жаръ-Птица.) Фронтисписъ К. Сомова (хромолитографія). М. 1907. Ц. 2 р.

Томъ VIII. (Зеленый Вертоградъ.) Изд. 2 е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ IX. (Птицы въ воздухѣ.) Изд. 2-е. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ X. (Хороводъ Временъ.) М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собраніе стиховъ 1892 — 1909 гг.

Томъ I. Стихи 1892 — 1909 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse. Tertia Vigilia.) Вторая тысяча. М. 1907. Ц. 2 р.

Томъ II. Стихи 1902—1906 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos.) Вторая тысяча. М. 1908. Ц. 2 р.

Томъ III. Стихи 1907—1909 гг. (Всѣ Напѣвы.) Вторая тысяча. М. 1909. Ц. 2 р.

Валерій Брюсовъ. Зеркало Тѣней. Стихи 1909 — 1912 г. Обложка Д. Митрохина. М. 1912 г. Ц. 2 р.

Ив. Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Андрей Бѣлый. Золото въ Лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Феофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.

Поль Верленъ. Собраніе стиховъ. Въ переводѣ Валерія Брюсова. Съ біографическимъ очеркомъ и 6 портретами. М. 1911. Ц. 2 р.

Юрій Верховскій. Разныя стихотворенія. М. 1908 Ц. 80 к.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Гумилевъ. Жемчуга. Стихи. Обложка Д. Кардовскаго. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Cor Ardens. Томъ I. (Cor Ardens. Speculum Speculorum. Эросъ. Золотыя Завѣсы.) Фронтиспись К. Сомова (хромолитографія). М. 1911. Ц. 2 р. 40 к.

Cor Ardens. Томъ II. (Любовь и Смерть. Rosarium). М. 1912. Ц. 2 р. Для имѣющихъ I томъ — 1 р. 10 к. (Оба тома вмѣстѣ 3 р. 50 к.)

М. Кузминъ. Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

М. Кузминъ. Осеннія Озера. Вторая книга стиховъ. Обложка работы С. Судейкина. М. 1912. Ц. 1 р. 80 коп.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора и двумя очерками о его жизни и творчествѣ. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904 Ц. 1 р. (вм. 2 р.)

Николай Морозовъ. Звѣздныя пѣсни. Съ портретомъ автора и 2 картами звѣзднаго неба. Обложка М. Соломонова. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. М. 1904. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к).

Оскаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. Переводъ К. Д. Бальмонта Обложка М. Дурнова. М. 1904. Ц. 50 к.

Уольтъ Уитманъ. Побѣги травы. Пер. К. Д. Бальмонта. М. 1911. Ц. 1 р. 90 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

Валерій Брюсовъ. Земная Ось. Разсказы и драматическія сцены. 2-е, дополненное изд. Иллюстраціи и обложка Альберто Мартини (фототипіи) М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.

Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. Изд 2-е, дополненное примѣчаніями. Украшенія по гравюрамъ XVI в. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Андрей Бѣлый. Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обложка А. Ѳедотова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Кнутъ Гамсунъ. Сьеста. Очерки и разсказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900. Ц. 60 к. (вм. 1 р.).

М. Кузминъ. Первая книга разсказовъ. (Приключенія Эме Лебефа. Письма Клары Вальмонъ. Тѣнь Филлиды. Флоръ и разбойникъ. Рѣшеніе Анны Мейеръ. Кушетка тети Сони. Крылья). Обложка по изданію XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

М. Кузминъ. Вторая книга разсказовъ. (Подвиги Великаго Александра. Повѣсть объ Елевсиппѣ. Нѣжный Іосифъ.) Обложка по изданію XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

Жагадисъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1905. Ц. 40 к. (вм. 65 к.)

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.
Томъ I. Поэмы, сказки. Изд. 3-е. М. 1912. Ц. 2 р. 20 к.
Томъ II. Разсказы, статьи. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.
Томъ III. Страшные разсказы, гротески. М. 1911. Ц. 2 р.
Томъ IV. Необычайныя приключенія. М. 1912. Ц. 2 р.
Томъ V. Эврика. Письма. Біографія. М. 1912. Ц. 2 р.

Ст. Пшибышевскій. Собраніе сочиненій.
Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли (романъ въ 3 частяхъ) и др. Переводъ М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. Обложка Е. Надельмана. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к. (вм. 2 р. 40 к.)
Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1906. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 30 к.)
Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Переводъ М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 60 к. (вм. 1 р.).

Ст. Пшибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Переводъ Е. Троповскаго. М. 1905. Ц. 20 к. (вм. 50 к.)

Ѳедоръ Сологубъ. Жало Смерти. Разсказы. М. 1905. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.).

III. ДРАМЫ.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна. М. 1909. Ц. 80 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1909. Ц. 30 к. (вм. 50 к.)

Зигмунтъ Красинскій. Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. М. 1906. Ц. 30 к. (вм. 60 к.)

А. Зиновьева-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл Вяч. Иванова. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 80 к.

Шарль ванъ-Лербергъ. Панъ. Они почуяли. М-lle Коси-Сѣно. Сказки. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Ѳеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.

Шарль ванъ-Лербергъ. Они почуяли. M-lle Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.

Морисъ Метерлинкъ. Стихи. Пеллеасъ и Мелизанда. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Метерлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1905. Ц. 1 р.

Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунеллески. М. 1907. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Ликіардопуло и А. Курсинскаго. Съ 3 портретами О. Уайльда. М. 1907. Ц. 80 к.

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія („Парацельсъ", „Подруга", „Зеленый попугай".) Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900. Ц. 30 к. (вм. 60 к.)

IV. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ, ПУТЕШЕСТВІЯ и т. д.

К. Д. Бальмонтъ. Змѣиные цвѣты. Путевыя письма изъ Мексики. Съ 43 рис. М. 1910. Ц. 3 р. То же — безъ рисунковъ. Ц. 2 р.

Обри Бердслей. Содержаніе: Робертъ Россъ. Обри Бердслей. Монографія. — Артуръ Симонсъ. Обри Бердслей. Монографія. — Обри Бердслей. Венера и Тангейзеръ. Романтическая новелла. — Обри Бердслей. Стихи. Застольная болтовня. Избранныя мѣста изъ писемъ. — Подробная иконографія и библіографія. — Примѣчанія. — Портреты, автопортреты, карикатуры. — Воспроизведенія рисунковъ (около 40) О. Бердслея черныхъ и въ краскахъ. Авторизованный переводъ съ англійскаго М. Ликіардопуло. М. 1912. Ц. 3 руб.

Н. Брюсова. Временное и пространственное строеніе формы. М. 1911. Ц. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Валерій Брюсовъ. Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. 2 изд. М. 1910 г. Ц. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. М. 1912. Ц. 2 р.

Валерій Брюсовъ. За моимъ окномъ. Воспоминанія, наблюденія, мысли. М. 1912.

Валерій Брюсовъ. Aurea Roma. Золотой Римъ. Очерки литературы и жизни IV в. по Р. Х. (Готовится).

В. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902. Ц. 40 к. (вм. 70 к.)

Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.)

Артуръ Рансомъ. Оскаръ Уайльдъ. Характеристика. Авторизованный переводъ съ рукописи М. Ликіардопуло. Съ предисловіемъ для русскаго изданія Роберта Росса и съ неизданнымъ портретомъ О. Уайльда (Печатается).

V. АЛЬМАНАХИ.

Сѣверные цвѣты на 1901 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Сѣверные цвѣты на 1902 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902. Ц. 80 к. (вм. 1 р.)

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, разсказы, статьи К. Д. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппіусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевскаго, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ѳ. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты Ассирійскіе на 1904 — 5 гг. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три расцвѣта", драма К. Д. Бальмонта. „Земля", сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова. „Танталъ", трагедія Вяч. Иванова. Стихи и разсказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ѳ. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппіусъ, М. Криницкаго, Ю. Череды, Л. Зиновьевой-Аннибалъ и др. Обложка и всѣ украшенія Н. Ѳеофилактова. М. 1905. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты на 1911 годъ. Содержаніе: „Забытыя сокровища", очеркъ К. Бальмонта, „Голландка Лиза", комедія М. Кузмина, „Подъ Павловымъ щитомъ", разсказъ Б. Садовского, „Аполлонъ и мышь", статья М. Волошина, „Шумъ смерти", разсказъ З. Гиппіусъ, „Подземное жилище", поэма Валерія Брюсова, „Семь земныхъ соблазновъ", главы изъ романа Валерія Брюсова, стихи З. Гиппіусъ, Ю. Балтрушайтиса, Н. Гумилева, Д. Навашина, Валерія Брюсова. Обложка К. Сомова. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

VI. АЛЬБОМЪ.

К. Ѳеофилактовъ. 66 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, одноцвѣтной и многоцвѣтной автотипіей). М. 1908. Ц. 3 р.

VII. МУЗЫКА.

Куранты Любви. Слова и музыка М. Кузмина. 30 стр. текста + 70 стр. нотъ. Восемь рисунковъ (во всю страницу) С. Судейкина и Н. Ѳеофилактова (фототипіи и литографіи). М. 1910 Ц. 3 р.

VIII. „ВѢСЫ".

Ежемѣсячникъ искусствъ и литературы. Шесть лѣтъ изданія (1904—1909): 72 №№, свыше 7000 страницъ текста большого формата съ рисунками (черными и въ краскахъ), заставками и концовками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ „Вѣсахъ" напечатаны стихи, повѣсти, разсказы, драмы, статьи, письма, воспоминанія русскихъ и иностранныхъ писателей,

Ренэ Аркоса, С. Ауслендера, Ю. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта, Е. Баратынскаго, О. Бердетта, А. Блока, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, М. Волошина, Эмиля Верхарна, З. Гиппіусъ, Ренэ Гиля, Ж. де Гурмона, С. Городецкаго, В. Гофмана, Н. Гумилева, П. Грабаря, В. Жуковскаго, Вяч. Иванова, В. Каллаша, М. Кальвокоресси, Антона Крайняго, А. Кондратьева, М. Кузмина, Н. Лернера, М. Ликіардопуло, Д. Мережковскаго, В. Морфила, Н. Минскаго, Дж. Папини, С. Полякова, А. С. Пушкина, Ст. Пшибышевскаго, А. Ремизова, В. Розанова, Р. Росса, П. Рукавишникова, Б. Садовского, Вл. Соловьева, С. Соловьева, Ѳ. Сологуба, Е. Тарасова, гр. А. Н. Толстого, Оскара Уайльда, К. Чуковскаго, Г. Чулкова, Эллиса, П. Эттингера и мн. др. Въ „Вѣсахъ", воспроизведены (въ одну и нѣсколько красокъ), картины, рисунки, заставки и концовки слѣдующихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакста, В. Борисова-Мусатова, М. Врубеля, В. Дриттенпрейса, О. Гиліа, К. Вальгера, А. де Каролисъ, Р. Костетти, Фр. Кристофа, Н. Крымова, М. Ларіонова, И. Левитана, Павла Кузнецова, А. Мартини, В. Миліоти, Л. Пастернака, О. Рэдона, Н. Рериха, Т. ванъ Рисельберга, А. Рувейра, Н. Сапунова, К. Сомова, Т. Стерждъ-Мура, С. Судейкина, М. Шестеркина, Фидуса, К. Юона, Г. Якулова, Н. Ѳеофилактова и мн. др.

Значительная часть матеріала, обнародованнаго въ „Вѣсахъ", нигдѣ не перепечатана.

Цѣна полнаго комплекта „Вѣсовъ" за всѣ шесть лѣтъ изданія —40 руб. безъ пересылки. Отдѣльные годовые комплекты: 1904, 1905 и 1906 — по 6 руб. безъ пересылки, 1908, 1909—по 7 руб. безъ пересылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (безъ 1907 г.)— 27 руб., безъ пересылки; 1907 г. отдѣльно не продается. Пересылка по дѣйствительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повысить указанныя цѣны по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкой за счетъ книгоиздательства, за исключеніемъ тѣхъ изданій, на которыя цѣна понижена, и 2-й части „Cor Ardens" Вячеслава Иванова, получаемой по талону. Деньги, причитающіяся за заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ — при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежомъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ": **Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23** (телефонъ 50-89). Изданія к-ва „Скорпіонъ" можно также получать въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ", **Петербургъ, Садовая, 18.**

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

«МУСАГЕТЪ».

(1910—1911).

Москва, Прочистенскій бульв., д. 31, кв. 9.

Андрей Бѣлый. Символизмъ. Книга статей. М. 1910. Ц. 3 р.

Андрей Бѣлый. Арабески. Книга статей. М. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Андрей Бѣлый. Трагедія творчества. Достоевскій и Толстой М. 1911. Ц. 40 к.

Вячеславъ Ивановъ. Эллинская религія страдающаго Бога. Опытъ религіозно-исторической характеристики. (Печатается).

Вольфингъ. Модернизмъ и музыка. Книга статей. М. 1911. Ц. 2 р.

Эллисъ. Русскіе символисты. М. 1910. Ц. 2 р.

Борисъ Садовской. Русская Камена. Книга статей. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Леонардо да Винчи. Трактатъ о живописи. Переводъ и вступительная статья М. С. Сергѣева. (Готовится.)

Адольфъ Гильдебрантъ. Проблема формы въ изобразительныхъ искусствахъ. Переводъ подъ ред. Г. А. Рачинскаго. (Печатается.)

Жозефъ Орсье. Агриппа Неттесгеймскій. Критико-біографическій очеркъ. Переводъ подъ редакціей и съ дополненіями Валерія Брюсова. Съ портретомъ. М. 1912. Ц. 80 к.

Павлинъ изъ Пелы Эвхаристиконъ Богу. Автобіографія неудачника V вѣка. Переводъ въ стихахъ размѣромъ подлинника Валерія Брюсова. (Готовится.)

Прованскіе лирики XII и XIII вѣковъ. Переводъ Н. И. Киселева. Т. I. Переводы. Т. II. Комментаріи. (Готовится.)

Фридрихъ Шлегель. Люцинда. Съ приложеніемъ писемъ Шлейермахера. Переводъ и вступительная статья Ѳ. А. Степуна. (Готовится).

Пауль Дейссенъ. Веданта и Платонъ въ свѣтѣ Кантовой философіи. Пер. Мих. Сизова. М. 1911. Ц. 40 к.

Шарль Бодлэръ. Стихотворенія въ прозѣ. Переводъ Эллиса. М. 1910. Ц. 1 р.

Антологія. Книга стиховъ. Москва. 1911. Ц. 2 р.

Александръ Блокъ. Собраніе стихотвореній въ трехъ книгахъ.
Книга первая. Стихи о Прекрасной Дамѣ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. М. 1911. Ц. 2 р.
Книга вторая. Нечаянная Радость. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
Книга третья. Снѣжная Ночь. Изданіе 2-е. (Готовится).

Александръ Блокъ. Ночные Часы. Четвертый сборникъ стиховъ. 1908—1910. М. 1911. Ц. 1 р.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. Книга вторая. М. 1910. Ц. 1 р.

Сергѣй Соловьевъ. Апрѣль. Книга стиховъ. М. 1910. Ц. 2 р.

Эллисъ. Stigmata. Книга стиховъ. М. 1911. Ц. 2 р.

„Логосъ" Русское изданіе международнаго ежегодника по философіи культуры. 1910 г. Книга первая. М. 1910. Ц. 2 р.

„Логосъ". Книга вторая. М. 1910. Ц. 2 р.

„Логосъ" 1911 г. Книга первая. М. 1911. Ц. 2 руб.

„Логосъ" 1911—12 г. Книга вторая и третья. Ц. 2 р. 50 к.

Изданія «Орфей».

Яковъ Беме. Аигога или Утренняя Заря въ восхожденіи. Переводъ Алексѣя Петровскаго. (Готовится).

Гимны Орфея. Переводъ Владиміра Нилендера. (Готовится).

Гераклитъ Ефесскій Фрагменты. Переводъ Владиміра Нилендера. М. 1910 Ц. 1 р.

Рэйсбрукъ Удивительный. Одѣяніе духовнаго брака. Вступительная статья Мориса Мэтерлинка. Переводъ Михаила Сизова. М. 1910. Ц. 2 р.

Рихардъ Вагнеръ. Парсифаль. Переводъ Эллиса. (Готовится).

Лира Новалиса въ переложеніи Вячеслава Иванова. (Готовится).

Мейстеръ Экхартъ. Проповѣди. Переводъ М. В. Сабашниковой. М. 1912. Ц. 3 р.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

«АЛЬЦІОНА».

Москва, Пречистенскій бульв.,
д. 31, кв. 9.

„Альціона". Альманахъ на 1912 г. (Готовится).

Андрей Бѣлый. Лугъ зеленый. Книга статей. (Лугъ зеленый.— Символизмъ.—Символизмъ и современное русское искусство.— Настоящее и будущее русской литературы.—Гоголь.—Чеховъ.— Мережковскій. — Сологубъ.—Брюсовъ.—Бальмонтъ.—Апокалипсисъ въ русской поэзіи). М. 1910. Ц. 1 р.

З. Н. Гиппіусъ. Лунные муравьи. Шестая книга разсказовъ. (Лунные муравьи. — Онъ бѣлый. —Женское.—Былъ и такой.— Увѣренная. — Дверь.—Застѣнный.—Нѣтъ возврата. —Земля и Богъ. — Приказчикъ. —Подслушанныя слова). М. 1912. Ц. 1 р.

Сергѣй Клычковъ. Пѣсни. Печаль-Радость, Лада, Бова. М. 1910. Ц. 75 к.

М. Кузминъ. Новый Ролла. Поэма. Иллюстраціи Н. Сапунова. (Готовится).

Борисъ Садовской. Узоръ чугунный. Разсказы. (Черты изъ жизни моей. — Двѣ главы изъ неизданныхъ записокъ. —Петербургская ворожея.—Праздничный день поручика Матрадурова.— Погибшій пловецъ.—Сынъ бѣлокаменной Москвы—Изъ бумагъ князя Г.) М. 1910. Ц. 1 р.

Юрій Сидоровъ. Стихотворенія. Вступительныя статьи А. Бѣлаго, Б. Садовского, С. Соловьева. Рисунокъ О. П. Михайловой. Украшенія А. А. Арапова. М. 1910. Ц. 1 р.

Любовь Столица. Лада. Пѣсенникъ. Обложка С. Коненкова. Надписи и украшенія А. Арапова. М. 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

Листки изъ утраченнаго альбома Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное изданіе рукописи. Стихотворенія А. С. Пушкина, кн. П. А. Вяземскаго, Н. Д. Иванчина-Писарева, кн. П. И. Шаликова, А. Башилова, безъ подписи сочинителя, карандашный рисунокъ А. С. Пушкина. (Печатается).

А. С. Пушкинъ. Сужденія о всемірной литературѣ собранныя систематически подъ редакціей и съ предисловіемъ Валерія Брюсова. (Готовится).

Барбэ д'Орсвиль. Дендизмъ и Джорджъ Брёммель. Вступительная статья М. Кузмина. Переводъ М. А. Петровскаго. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Поль Верлэнъ. Записки вдовца. Вступительная статья Валерія Брюсова. Переводъ С. Я. Рубановича. Портретъ Верлэна работы Н. Гончаровой. Рисунки Валлотона, П. Верлэна, Казальса, Коля и др. М. 1910. Ц. 1 р.

Валерій Брюсовъ и Ренэ Гиль. Научная поэзія. Двѣ статьи о цѣляхъ и задачахъ искусства. Переводъ статьи Р. Гиля — Н. Львовой. (Печатается).

Іоаннъ Секундъ. Поцѣлуи. Переводъ съ латинскаго въ стихахъ Сергѣя Соловьева. (Готовится).

BINDING SECT.
OCT 1 3 197

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3453
B2
1914a
t.3

Bal'mont, Konstantin
Dmitrievich
Polnoe sobranie stikhov